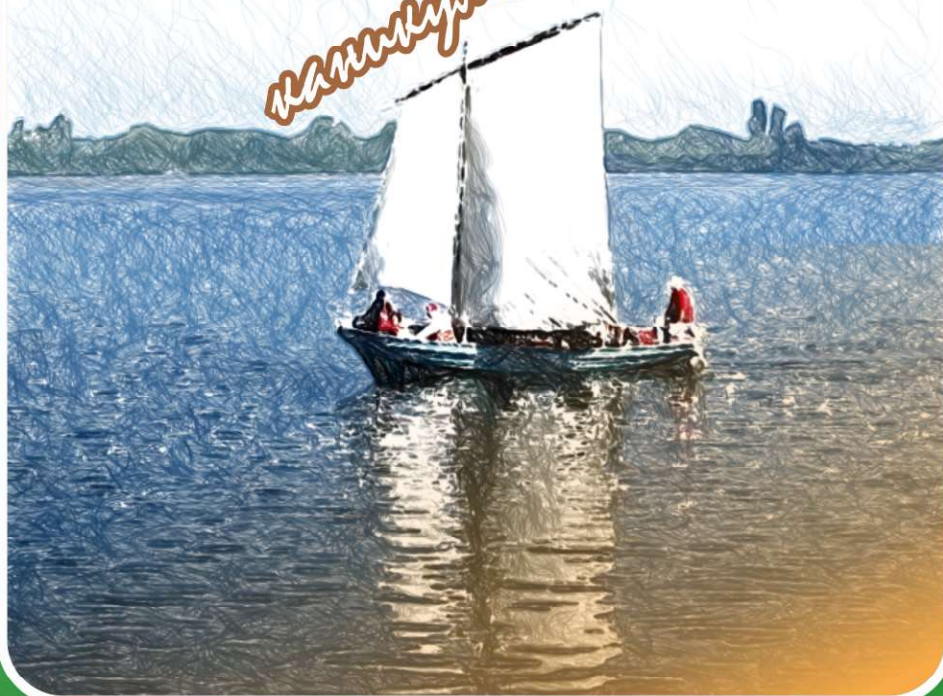
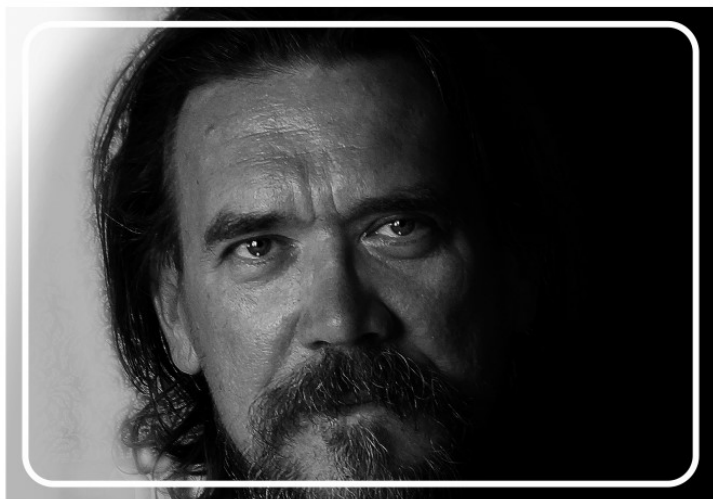

Игорь Братченко
проза

Брезентовый парус

или
путешествие в Астрахань

Игорь Братченко
проза

Астрахань
2017

ПАРУС НАДЕЖДЫ

Чем привлекает проза Игоря Братченко? Прежде всего – современной, кинематографичной манерой изложения. Его повести очень похожи на сценарии будущих фильмов. Нашёлся бы только режиссёр для их постановки! А тексты того стоят! Чем, к примеру, не сюжет для настоящей мелодрамы – повесть «Папа в подарок»? Мать-одиночка уверила маленького сына в том, что его папа где-то далеко зарабатывает деньги для семьи, но всё равно когда-нибудь вернётся, надо только подождать. Ситуация многожды описанная и прозаиками, и поэтами.

«Ты о нём не подумай плохого.

Подрастёшь и поймёшь всё с годами.

Твой отец тебя помнит и любит,

Только нету его вместе с нами».

Всё – как в известном стихотворении Николая Доризо. Но Братченко поворачивает сюжет от слезливой сентиментальности к реалиям современной жизни. Ребёнку нужно предъявить папу! Хотя бы на пару дней! В качестве новогоднего подарка! А там – будь что будет! Так решает молодая женщина. И чудо происходит! Мужчина, приглашённый на роль «папы – новогоднего подарка», должен стать настоящим отцом семейства! Автор заставляет читателя поверить в реальность такого превращения.

Жизнь астраханского понизового села позднего советского времени – стержень повести «Парус». А видит её автор глазами школьника, «сосланного» на всё лето к бабушке. И латанный-перелатанный брезентовый парус на бударке – не больше, не меньше, как символ ушедшей эпохи. Той эпохи, где по Астрахани лениво громыхали трамваи, а по Волге носились «Метеоры» и «Ракеты», где в ловецких селениях доживали свой век династии настоящих рыбаков, где на земле, освобождённой половодьем, сажали картошку, а на старых кулаках и бударках ходили на острова за ежевикой. Что не говорите, а ностальгия – светлое чувство... Грусть по безвозвратно утраченному прошлому, по размеренной и спокойной жизни – у многих коренных астраханцев ворохнётся она в душах после прочтения повести Братченко.

Не останутся в накладе и любители тонкой психологиче-

ской литературы. Думается, повесть «Метаморфозы» им придётся по вкусу.

Остаётся пожелать новой книге доброго пути к читателям и к тем, кто возьмётся экранизировать сочинения астраханского автора!

Юрий Щербаков,
председатель Астраханского отделения Союза писателей
России.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ИГОРЯ БРАТЧЕНКО

Творчество – это таинство. Оно не подчиняется тщеславным желаниям – слава, деньги, почет и т.д. - и не признает рациональных обоснований. В отличие от поточного кича и детективно-бульварного ремесла, оно изначально иррационально. Спорить с этим не стоит, достаточно прочесть биографии великих мастеров, особенно фатальные финалы. Можно просто попробовать что-либо сделать самому. Нарисовать, заспить, сочинить. Да так, чтобы не «сдуться», а закончить начатое, да при этом, чтобы сотворённое было интересно тем, кому адресовано, и несло доброе, разумное, вечное.

Но обывателю, живущему в замкнутом круге материальных дел и забот, с телевизором и вечной погоней за благосостоянием, гламуром и прочим, невозможно услышать голоса муз. Для этого надо сойти с орбиты суетности и отбросить общепринятые понятия о нормальном и правильном, выйти из общего строя участников, став Наблюдателем.

Но прежде – надо принять в дар изменчивую и непостоянную Искру Божью, а к ней - тяжелую и негабаритную глыбу Сизифа – судьбу Мастера. И придется прожить множество разных жизней своих героев, вставив в одну свою, чтобы понять: всё в мире не так однозначно, как когда-то схематично и статично рисовали старшие – мудрые и

авторитетные люди. Пережить череду черных и белых полос, чтобы увидеть в черно-белом тысячи оттенков серого. Прочувствовать множество боли и разочарований, чтобы стать милосерднее и мягче, добрее к окружающим и полюбить этот мир с его извечными язвами, как мать любит свое увечное дитя.

Никто и никогда не просчитает, сколько причин - видимых и невидимых - должны прийти в движение, чтобы перо побежало по бумаге, оставляя на ней слова, из которых потом получилась бы книга. Сколько надо исписать бумаги в поиске точных фраз и ярких образов, чтобы уловить закон гармонии и начать видеть скрытое, читать тайный смысл событий и понимать не следствия, но причины. И творить - до отчаяния, до истощения, ибо творчество не любит сытых и беззаботных самозванцев. На этом пути трудно сказать что-то новое, ибо все уже сказано. Трудно, но возможно. Этот путь не осыпан розами, а венцу лавровому зачастую предтечей венец терновых.

Творчество – прожорливый идол, который постоянно требует, словно крови, бессонных ночей, сгорающих в поиске новых строк, писании картин, ваянии статуй. И ничего не дающий взамен, кроме постоянной борьбы тела и духа, да возможности недужить завидной кому-то непосвященному «высокой болезнью». Некоторым, потом, после смерти, ставят красивые, аллегорические памятники, открывают именные музеи, пишут запоздалые посмертные гимны таланту и пр. А большинство просто забывают. Кому и что предстоит принять, вынести, выдержать - жребий непредсказуем.

Пиши, если взялся за перо, там видно будет.

Настоящий Писатель – это проводник, стalker. Во времени, в пространстве, в вихрях бесчисленных идей он ищет брод, отделяет зерна от плевел и осмысливает вехи развития человечества. Он делает то, чего не могут остальные, покуда заняты самым важным своим делом - собой. Находясь рядом, в соседнем доме, подъезде, комнате, он живет параллельно с этим миром, временем, но не в нем. Писатель не участник действа. Он тот самый наблюдатель. Оракул, провидец, мировой судья, суфлер: человеческому обществу нужен кто-то со стороны, кто расскажет и покажет протек-

кающие в нем процессы. Проведет диагностику. И выпишет рецепт исцеления. Как доктор.

Его жизнь непонятна, труд невидим, а плоды его доступны или необходимы немногим. Это же не хлеб, говорят рационалисты, голодного романами не накормишь. Но если представить себе изобилие гастрономическое при полном отсутствии бесчисленного множества предметов культуры, созданных человечеством, то станет зябко от ужаса перед всеобщей деградацией и торжеством инстинктов и рефлексов. Что мы и наблюдаем в новых поколениях, выросших на руинах советской империи за полтора десятка лет бескультурия и бездуховности... Может быть, и создал когда-то человек красоту, заключив ее в самые малофункциональные вещи, – произведения прикладного искусства, да в мифы и сказания, из которых и родилась литература, – как подсознательный гарантированный оберег от деградации. Передавая бесценное богатство потомкам, человечество сохраняет духовность, веру, совесть, красоту, заложенные в культурном наследии. И именно эта способность, мне кажется, определяет человека как вид – Человека разумного.

Не каждому пишущему дано стать великим писателем, даже просто писателем. Многие остаются авторами текстов с той или иной степенью общественной или литературной значимости. Эффект от многих произведений подобен быстро исчезающим кругам на воде. Но те, кто рискнул заявить о себе, знают, чего стоит каждое слово, положенное на бумагу. И что такое этот параллельный мир – мир Слова, с которого, если верить одной из самых популярных и ветхих книг, начался этот мир.

Главное для всех пишущих – помнить об этом. И спрашивать себя: как слово наше отзовется?

Добро пожаловать в параллельный мир Игоря Братченко. Пусть написанное им отзовется в вас тепло и по-доброму. Почувствуйте ещё раз: мы такие разные, такие противоречивые, такие непостоянные, но мы – Люди. И объединяет, спасает и очищает нас Слово, помноженное на Творчество. И пусть лучшим подарком по-прежнему остается книга.

Андрей Мирошников,
поэт, член Союза писателей России.

Брезентовый парус, или Каникулы в Астрахани

ПОВЕСТЬ

посвящается Бочкарёвой Прасковье Ивановне

Из Шевченко в Астрахань

Ещё целый час и двадцать минут мне торчать в этом аэропорту в ожидании вылета. Регистрацию ещё даже не объявляли... Торопись – опоздаешь... Вечно мама торопит: «Опоздаешь! До аэропорта сорок минут ехать!» Ну и приехал. Броди теперь тут с сумкой. Все кресла в зале ожидания заняты. Сидят, лежат... Одним словом – вокзал...

Прислонился к стене возле выхода. Работают кондиционеры. После жары в автобусе – класс! Но мне эта толкотня изрядно надоела – постою снаружи. В раскрываемую дверь дохнуло жаром, яркое солнце, отражённое от выбеленного асфальта, на мгновение ослепило... Меня толкают в спину: «Вы выходите или нет?» Нервный, какой-то, с сумкой на колёсах...

Площадь перед вокзалом вся во власти солнца. Жарко, но свободно. Взял холодного сока – пью. Перед зда-

нием бродят рыжие приземистые коровы, мордами лезут в мусорные урны и жуют там всякую дрянь. Вон одна чокнутая коровёнка возле киоска разделяется с бумажным ящиком... Ну и пищеварение у них! Пассажиры не обращают никакого внимания на коров, как будто им тут место...

Один за другим взлетают лайнеры. Приятно смотреть им в след. Будто здесь остаётся всё набившее оскомину, а там – свобода! Там радость нового... Это, конечно, мои ожидания. Как только сяду в самолёт, и он оторвётся от взлётной полосы, родительская опека останется позади, точнее – внизу, под крылом самолёта... А там, впереди – бабушка... Её не стоит воспринимать слишком серьёзно – она ворчливая, но добрая... Правда, я два года как у неё не был, но не могла же она измениться и стать, например, злой. Это мы, вчерашние дети, изменяемся – растем, взрослеем, умнеем... А старики, как законсервированный продукт, и через десять лет с теми же привычками...

Так, мой рейс... В зале у стойки регистрации уже толкотня. Все нервные, потные - переживают чего-то. Маленькие дети вопят, их мамы на руках качают, трясут, не забывая ногами подталкивать сумки к заветной стойке с огромными весами. Перевес... Доплатите... На посадку... Я спокойно занимаю очередь и с безразличным видом взираю на всю эту кутерьму. Без нас самолет не улетит.

Сквозь рёв винтов за бортом пробивается голос стюардессы: «Прощу всех пристегнуть ремни безопасности и не перемещаться по салону до полного набора высоты...» Усилившиеся обороты двигателей окончательно заглушили объявление. Самолет затрясся. Казалось, ещё чуть-чуть и развалится... Резко вдавило в кресло – мы понеслись стрелой по взлётной... Отрыв... соприкосновение...

отрыв... Смотрю в окно, как земля удаляется под нами. Стремительно бежит тень самолёта. Шасси убираются. Всё становится маленьким и игрушечным. Тень от самолёта теряется где-то внизу. Самолёт делает крен-разворот. Вот и море засверкало впереди, медленно надвигаясь, заполнило весь горизонт. Редкие облака поплыли под нами. Вокруг звучат приглушённо голоса - уши заложило до неприятного... Но вот и компенсация – стюардесса раздаёт лимонад и леденцы...

За стеклом иллюминатора только бескрайнее море и облака... Солнце миллионами искр отражается в водах. Откидываюсь в кресле и закрываю глаза. Монотонный гуд самолета приглушает сознание, убаюкивает... Будто издалека доносится голос стюардессы... Открываю глаза – вокруг возня... Зашевелились. Прибываем! Дети прилипли к окнам...

«Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги...». Под нами, конечно, не тайга, но очень зелено. Аккуратные прямоугольники возделываемых полей, дороги с бегущим по ним транспортом. Засверкала, извиваясь, река. Волга.

О! Внизу, рассекая воды и оставляя в кильватере волнистый след, скользит белое пассажирское судно на подводных крыльях. Ещё немного, и я сяду в «Ракету» или «Метеор». И помчусь по мутным волжским водам... А вот и аэропорт, здание вокзала, самолёты, заправщики... Самолет заходит на посадку – тень его стремительно растёт. Мягкое соприкосновение и взревели двигатели... Ничего не слышно, но стюардесса что-то говорит... Лопасты пропеллера замирают. По салону волной пробежало нетерпение – все посматривают на выход, на свет, падающий из открытого люка. Пошёл экипаж... Теперь и мы!

На выходе из салон по лицу скользнул ветер, сбивая

длинную чёлку на глаза... Чёрт! Спасибо – очень удобно! Спустившись по трапу, поправляю волосы. Два шага, и я в здание аэровокзала. Толпа встречающих, обнимающихся и целующихся. Ловко обхожу все препятствия и иду к автобусной остановке... Ни одного автобуса. Таксисты на перебой предлагают услуги.

- На речной вокзал! – Бросаю сумку в багажник, а сам - на заднее сиденье. Чувствую себя королём, ну... или просто свободным человеком. Да здравствуют каникулы! У меня впереди два с половиной месяца свободной жизни. Ни уроков, ни училок, ни родителей на горизонте...

Из аэропорта в город дорога прямая и длинная, как «взлётка», и засажена стройными рядами тополей. Такси мчится по тополиной аллее, обгоняя неспешный общественный транспорт, ветер врывается в приоткрытое окно, обдувая и наполняя душу невыразимым чувством свободы и восторга. Я счастлив.

Попетляв по городским улицам, мы выныриваем возле речного вокзала. Рассчитываюсь с водителем и выхожу. Торопиться не хочется. Такое чувство, что весь мир счастлив вместе со мной -все вокруг радостные, чуть ли не повизгивают от восторга. Мимо пробегают дети, толкаясь, занимают очередь за мороженым. Сажусь на скамейку и озираюсь вокруг, смотрю на причал. Слышно, как урчат двигатели крылатого скоростного судна – «Метеора». По трапу заходят пассажиры. От реки порывы ветра доносят запах влаги, свежести и... мороженого – мимо прошли мелкие девчонки, с удовольствием вылизывая и смачно откусывая краешки вафельного стаканчика. Проводив их взглядом, решаю купить и себе, благо очередь рассосалась.

О, какое блаженство! Сладкое, холодное блаженство... Блаженство, тающее во рту и наполняющее душу неве-

роятной истомой... Но, как и всё в этом мире, мороженое закончилось, приятно холодя у меня где-то внутри... Хотелось бы повторить, но опять собралась очередь, а я не люблю стоять в очереди... Всякий раз, когда вынужден оказаться в импровизированном списке на получение, возникает какое-то неприятное ощущение... Словами не передать, только междометиями!

Нежданный гость

Так, хватит сидеть, пора в кассу. Надо брать билет и - вниз по Волге! В деревеньку, где старенькая бабушка... Гм-м-м... наверно, к моему приезду пирожки печёт. Вкусные, надо сказать пирожки у неё – большие, золотистые и с хрустящей корочкой... От этих мыслей внутри меня что-то перевернулось, а во рту такое началось... Я громко сглотнул и поспешно вскочил со скамьи - надо поторапливаться.

Прохожу в кассовый зал речного вокзала, а там... Очередь! Да ещё какая очередь! Человек тридцать, а может быть, и сто... Нет, это не для меня... Я с невозмутимым видом прошёлся вдоль очереди туда-сюда, задумчиво постоял, рассматривая огромную картину, перекрывающую почти всю стену с таким же огромным, но очень аппетитным арбузом... И решил, что бабушка и пирожки подождут. А здесь в городе у меня есть двоюродные сёстры студентки – пойду-ка я в гости! Всё будет веселее, чем в деревне...

Решил идти пешком. Маршрут этот я знаю - уже бывал там... Да и деньги надо экономить... Улочки, улочки... Ох уж эти астраханские улочки! Петлял, петлял и, кажется, заблудился... Точно помню: по мосту через речушку, пара улиц, поворот направо и – пришёл... Нет

же... Заблудился! Кругом одинаковые деревянные дома с некрашеными и покосившимися от старости заборами... Вроде бы она, эта улица, но какой дом? Ерунда, какая-то... Они здесь что, все двухэтажные? Озираюсь растерянно по сторонам... Отчаянье хватает за горло... Даже в голове помутнело...

- Славка! Ты, что ли? Ты чего здесь?

Поворачиваюсь на голос. С противоположной стороны улицы идёт сестра Ирина и ехидненько так улыбается...

- К нам? А что не предупредил? Сюрприз? – Обнимает меня. - Ну, привет! Пошли что ли... Гость! Заблудился, да? А мы смотрим из окна: ты идёшь с сумкой... и мимо... потом обратно... Смешно...

- Да, какой там сюрприз?! К бабушке-то я успею! А так... Хотел вас навестить, по Астрахани побродить... Вот. Примерно так... Только каникулы начались, а меня уже в село сослали! Да и что мне там делать?

- Ну-ну... Горожанин! Приучайся к труду, белоручка. Бабушке поможешь – она сейчас картошку сажать будет!

- Ира, я понятия не имею, как это делается...

- Вот и научишься! – Оборвала меня кузина. - Заходи! – Она распахнула калитку, и мы оказались на уже знакомой мне территории.

По скрипучей деревянной лестнице поднялись на второй этаж. На окнах веранды весели цветастые занавески. Прямо в проходе, перед лестницей, стояли два картонных ящика с луком и картошкой. Перед дверью в квартиру, на старом, давно не крашеном полу, рядами выстроилась женская обувь...

- У вас что здесь, женский батальон расквартирован?

- Нет, умник! Обувь на все случаи жизни... Снимай ботинки и заходи!

Попав в квартиру, я оказался в помещении, исполняющим обязанности прихожей и кухни. За столом,

справа у окна, почти напротив входной двери, сидела симпатичная брюнетка. Пила чай с печеньем. Печенье девушка держала двумя пальчиками, кокетливо отведя в сторону мизинчик. Она посмотрела на меня и, молча кивнув, изящно откусила печенье и зачем-то шумно отхлебнула чай...

- Вот, привела путешественника! – Громко над моим ухом произнесла Ирина. Я вздрогнул от неожиданности и посмотрел на неё. Она, улыбаясь, продолжила:

- Это Лариса, подружка моя... Чай пить будешь? Присаживайся!

Я, не найдя слов, кивнул, и присел с противоположной стороны от кокетливой поедательницы печенья. Дорожную сумку опустил рядом со стулом.

- Сумку занеси в комнату. У нас не воруют!

- Смешно! Успею... Чай попью... с печеньем.

- А ты поторопись, его скоро не останется, - произнесла томно, с расстановочкой, Лариса и заулыбалась...

- Ничего ещё купим.

- Слушим, - хихикнула Ирина. - Богатый какой! Мама с папой много денег дали?

- Причём здесь мама с папой? - Разозлился я. - Может, я их заработал... Макулатуру собирал!

- Богатый Буратино из страны чудес! Много макулатуры собрал, - посмеивалась Ирина, - будет девчонок печеньем угощать... и конфетами, наверное, - ехидничала сестра.

- Ладно... Пойду сумку пристрою в комнате.

У меня пропало всякое желание пить чай. С печеньем или без, но пить уже не хотелось. Мне было неудобно перед этой девчонкой... Сестра так и норовила показать, какая она взрослая и разумная, а я - и не взрослый и, не разумный... Я встал из-за стола. Взял сумку и вошёл в комнату... С тех пор, как я был здесь последний раз, в прошлом году, ничего не изменилось. Так же слева стоял сервант, справа диван, на полу палас... Лишь у окна по-

явился новый постоялец - телевизор. Он был включён на малую громкость... И там, едва слышно, на фортепиано самозабвенно музицировал Элтон Джон.

- Ира, а где сумку положить?

- Возле дивана... К стене!

Бросив сумку, я присел. Старый диван возмущённо закрипел... Откинувшись на спинку, стал смотреть концерт. Девчонки на кухне о чём-то шептались и хихикали. Но я быстро о них забыл, увлечшись музыкой. Музыканты сменяли один другого, яркие краски на экране вспыхивали, гипнотизируя и погружая в этот прекрасный мир праздника и веселья...

- Славик, мы сейчас купаться идём. - Вернул меня к действительности голос Ирины. - Останешься дома или с нами пойдёшь?

- С вами.

Разве я мог упустить такой момент? Только вчера я купался в море, а сегодня уже в Волге...

- Тогда собирайся! Мы уже готовы.

Быстро переоделся и вышел на кухню. Девчонок там не было. Их шаги доносились уже снизу лестницы... Выскочив на веранду, крикнул им:

- А дверь, что запирать не надо? Где ключ?

- Не надо! Скоро Марина придёт. К тому же Марья Ивановна, хозяйка, дома, на первом этаже. Она всё видит и слышит... - После этих слов, девчонки засмеялись.

- Ну, давай, живей! Спускайся! Мы ненадолго идём...

Со двора я выскочил на улицу догонять девчонок. Они мелькали в свете лучей солнца, пробивавшихся сквозь крону деревьев. То, вспыхивая бело-жёлтым, то гаснув в вязкой синеве тени...

Догнав девчонок, прежде чем они свернули на следующую улицу, я взял из рук Ларисы пакет с пляжным покрывалом. Солнце уже по-летнему припекало... И это радовало... Буду купаться и загорать... и валяться в саду, в тени деревьев, лениво срывая яблоки с ветвей клонящих-

ся до земли... Ах да, сейчас вишня! Ну ничего, и яблоки будут, и мои любимые абрикосы, которые местные почему-то называют сливой, а сливу – чернослив... Представив всё это, я сразу же захотел в село, к бабушке...

Пляж

- Мы куда? Разве не на пляж идём? – Озадачился я, видя, что движемся в противоположную сторону от городского пляжа.

- Нет, не на тот! Увидишь...

Мы вышли на перекрестье улиц и остановились на трамвайной остановке. Старая часть города. Деревянные дома, улица, не укрытая асфальтом, но поросшая роскошной травой. Казалось, что время здесь остановилось. И лишь проложенные трамвайные пути посередине улицы свидетельствовали о техническом прогрессе человека. В конце длинной улицы, где-то из-за поворота показалось алое пятно движущегося транспорта. По трамвайной линии, постукивая и полззгивая на стыках рельс, катился трамвай.

Этот вид транспорта был для меня экзотикой. И потому, всякий раз бывая в Астрахани, я никогда не упускал возможности прокатиться – иногда просто садился на кольцевой маршрут и катался по улочкам города, рассматривая строения и людей. Прислушиваясь к их словам, к их говору, так значительно отличавшегося от привычной мне речи.

Пассажиров было мало. Большая часть мест пустовала... С лязгом защёлкнулась дверь, и мы плавно покатились вперёд. В трамвае водитель объявлял остановки, называл следующие... Люди входили и выходили. Шумной ватагой ворвались пацаны чуть младше меня, громко обсуждая фильм, идущий в местном кинотеатре.

Строгие тётки сделали им замечание, и ребята притихли. Перешёптывались и насмешливо посматривали на ворчливых пассажиров. На следующей остановке вошли три девочки. Ух, ты-ыыы... Одна красивей другой! В Астрахани, видимо, столько смешалось национальностей, что их дети не могут не быть красивыми...

Ирина с подружкой встали и подошли к выходу. Так, выходим, значит. Мы оказались в неизвестном мне районе города. Впереди, справа, виднелся мост. Трамвай отправился дальше и скрылся за его дугой и строениями. Мы же отправились к ближайшим домам, стоявшим несколько хаотично вдоль береговой линии реки. Попетляв по тесным улочкам, вышли на высокий берег, с симпатичным видом на реку и дома, утопающие в зелени садов. Внизу, прямо перед нами, песчаный берег с редкими отдыхающими. Небольшая компания играла в пляжный волейбол. Слышался смех играющих на пляже и купающихся в реке детей. Ветер издали приносил звуки автомобильных клаксонов и редкие гудки кораблей...

Спустившись на песчаный пляж, мы выбрали себе место и расстелили покрывало. Недалеко от нас на розовом покрывале загорали две приятные, изрядно уже позолоченные солнцем, девушки. Подставив красивые тела лучам, они прикрыли лица пляжными шляпками. Возле них сидел на песке молодой мужчина и что-то им говорил, широко улыбаясь. Одну из девушек заинтересовали его слова, и она, убрав шляпку с лица, с интересом на него взглянула. Улыбнувшись, привстала, повернувшись к нему лицом...

Сестра с подружкой ушли купаться. Я же остался сидеть на покрывале в шортах, сняв только футболку. Среди играющих в мяч выделялся парень с красивой мускулатурой. Когда он отбивал мяч, мышцы его бугрились. Парень знал, что он объект внимания, и нарочно всякий раз

поигрывал мышцами... Вот бы и мне такие! Все девчонки бы крутились возле меня... Вон и возле него девушка с красивой стройной фигуркой каждый раз прикасается к нему рукой и смеётся. Обращает на себя внимание. Я отвернулся от них и посмотрел на реку. Купающихся стало больше. И я не сразу выделил среди них Ирину с её подругой. Надо же! Они уже не одни... Возле них два парня. Один из них, жестикулировал руками, что-то рассказывая. Девчонки смеялись...

Оглядев пляж, я не увидел ни одной своей ровесницы. Мне было скучно и неинтересно. Откинувшись на спину, я смотрел в небо. В этот миг в голубом просторе набирал высоту самолёт. Мне тоже захотелось куда-нибудь улететь... Куда-нибудь в тёплые страны, где есть пальмы, попугаи и обезьяны. Туда, где океан шелестит волнами о берега атолла, и аборигены плавают в лодках, выдолбленных из целого куска дерева... Вот только акулы... Хм-м... Не нравятся они мне. А так – тропический рай... Моё воображение рисовало меня в набедренной повязке, с копьём в руках возле соломенной хижины... Из хижины выходит эбонитовая красotka с большими чёрными глазами и одаривает меня своей белозубой и лучезарной улыбкой...

Подошли сестра с подругой и парень.

- Здрасьте!

- Привет!

Лариса собрала свои вещи, помахала нам ручкой и пошла с молодым человеком. Ирина опустила на покрывало и, глядя вслед подруге, сказала:

- Сейчас обсохну и обратно пойдём. Иди, окунись хоть.

- Нет, - покачал я головой. – Нет желания... А куда она пошла?

- Лариска? Это её парень. Она с ним сама порвала, а потом решила помириться... Мы как группа поддержки у неё.

- Якобы случайно оказались здесь и всё такое?

- Ага...

- Вон они... Уже в волейбол играют!

Некоторое время понаблюдав за играющими, мы начали собираться домой. На трамвайной остановке купили по мороженому и, пока им наслаждались, решили пропустить наш маршрут. Доев мороженое, сели в следующий, и он покатил нас мимо уже знакомых мне домов со скрежетом на поворотах. После реки и солнца мерное постукивание колёс на стыках и голос «Осторожно, двери закрываются» усыпили меня.

- Славик, всё приехали! Подъём. На выход, - растолкала меня сестра.

Русский казах

Дома уже была Марина. Она бегала по кухне и что-то готовила. На плите парила кастрюля, на столе лежаличищенные картофель, морковь и лук.

- Ирка, вы что, не могли ничего приготовить? Дома есть нечего!

- Ты поздоровайся с человеком сначала! А потом уж ори...

- А... Привет Славик. К Бабушке? - Произнесла она, проскальзывая мимо меня в коридор. Обратно прибежала уже с банкой тушёнки.

- Тебе тяжело было, да? Я есть хочу! А дома только полпеченьки и варенье...

- Да ладно тебе разоряться! Лариска приходила, ходили на речку, мирить с другом. Как группа поддержки...

Я сидел в комнате у телевизора и старался не вслушиваться в их перепалку. Кажется, я не вовремя здесь... По телеку шло какое-то мутное кино. Партсобрания, повестки заседаний, посевные, фермы, лозунги и счастливые лица. От нечего делать я смотрел фильм и втягивался в жизнь киногероев.

- Славка, кушать пошли! Суп у нас...

Насытившись супом, скороспело приготовленным Мариной, я опять уткнулся в телевизор, а девчонки мыли посуду и убирали на кухне... По телеку шли любимые мной рисованные мультики. Я вообще не люблю кукольные, пластилиновые мультфильмы! По-моему, они ужасны! Исключение, пожалуй, «Крокодил Гена с Чебурашкой» да кукольный театр Образцова... «Божественная комедия» мне очень нравилась, и сколько раз её показывали, столько раз я и смотрел.

У Марины прошла голодная истерика и она засыпала меня вопросами. Что да как... Ну и надолго ли к нам пожаловал? Услышав, что до завтра, успокоилась.

- Вечером пойдём в кино. Французский фильм, боевик... Пойдёшь?

- Угощаете? Пойду. Во сколько? Уже вечер. Вон, на будильнике шестой час...

- К семи пойдём, там уже будут нас ждать. Мой друг.

- Девчонки! Ирина, Марина... Идитекась сюды... - Раздался женский голос с первого этажа.

- Марья Ивановна... Что ей надо?!

Сёстры спустились к квартирной хозяйке. А я выглянул в раскрытое окно. Никого на улице, лишь где-то далеко слышался автомобильный шум и трамвайный предупредительный звонок...

- Нас угостили пирогом. Будешь? Налетай!

- Да. Давайте, нарежьте...

Выйдя на кухню, я увидел пирог с рыбой.

- О, нет! Не люблю с рыбой!

- Ты же астраханец! И не любишь рыбу?

- Ну... Я не совсем астраханец! Вырос-то я не здесь... Да, и что, все астраханцы должны любить рыбу, арбузы и помидоры? Икру люблю!

- Губа не дура! Икру он любит, - хихикнула Ирина.

- Ну ты же здесь родился! Почему тогда не астраха-

нец? – Не унималась Марина.

- Где-то прочитал: среда определяет сознание... Вот... Вырос я там, где море, где люди съехались со всей страны, разные обычаи и дружба народов... Баурсаки люблю... - Засмеялся я.

- Ты что, казах что ли? – Опять хихикала Ирина.

- Русский казах, – отшутился я.

Девчонки торопливо хлебали свой, ещё горячий, суп. А я пил чай с печеньем, смазывая его малиновым вареньем. Получалось вкусно...

- Ну всё! Мы пошли собираться: одеваться, краситься... Посиди тут. Хорошо?

- Жаксы!

- Что?

Я, улыбнувшись, молча пожал плечами.

Бросок через бедро

В этом кинотеатре я уже второй раз. Красиво и уютно здесь: аквариумы, настоящие пальмы и живые попугаи, свободно летающие над головами посетителей. Здесь можно часами ходить и любоваться рыбками. Ух, ты! Какой глазастый телескоп! В аквариуме по соседству обитали яркие цихлиды. Они как всегда устраивают драчки друг с другом. Кто в доме хозяин?! Невозмутимые акары методично машут плавниками, зависнув на одном месте и взирая сквозь стекло аквариума на шумную человеческую публику.

- Славка! Славка, ты где ходишь? Пошли в зал, – прибежала Марина.

В зале кинотеатра рассаживались люди. Слышалось эхо голосов и хлопающих сидений. Все расселись. Погас свет. Начался фильм. «Побег». О, эти не унывающие

французы! Фильм захватил меня, поглотил миром динамичных событий, и я с неохотой воспринял его окончание и выход из зала. Кто-то писал, что каждая новая книга должна восприниматься как друг, а перечитывание её – как встреча со старым другом. Так вот, этот фильм мне понравился, и я с удовольствием встречу с ним, как со старым другом.

Мы прошли к набережной Волги, к семнадцатой пристани... Я ещё находился под впечатлением от увиденного и потому не сразу понял, что нас стало больше. Возле Марины шёл парень крепкого телосложения и всё время старался ухватить её за талию. Она же всякий раз уворачивалась от его рук.

- Отстань, тебе говорю! Иди спокойно. Выпил пива, веди себя скромно... - Посмеивалась над ним Марина.

Я уже злился на него. Но он здоровый и ему лет двадцать шесть, наверное... Но тут он сам обратил своё внимание на меня и показывая рукой в мою сторону:

- А это что за молокосос с нами?

- Сам ты молокосос!

- Ты чо сказал, сопьяк? По башке схлопотать хочешь?

- Да, успокойся же, тебе говорят! – отдёрнула его от меня Марина.

Но он не унимался:

- Чо... сопьяк, делавой штоль?

И увернувшись от Марины, он оказался возле меня. Схватил за плечо. Я несколько лет занимался вольной борьбой и у меня сработал рефлекс: бросок через бедро...

Парень лежал на тротуаре и ошалело моргая глазами, смотрел на меня.

- Ах, ты... - Он начал подниматься с асфальта.

И тут я услышал голос сестёр:

- Беги, Славка! Беги!

Что-то мне подсказало, что это правильное решение. И я побежал. И остановился, лишь пробежав до каких-то белёных стен, похожих на монастырские... Сердце уча-

щённо колотилось, руки дрожали. Но я был доволен собой. Как я его! На обе лопатки бугая положил... Успокоившись, я немного побродил по городу, потом прогулялся вдоль Набережной имени Первого Мая - так было написано на табличке одного из домов.

Подойдя к дому сестёр, я очень осторожно открыл калитку, чтоб - ни скрипа, ни звука, вошёл в дверь, ведущую на второй этаж. Медленно, шаг за шагом, поднялся. Лестница не издала ни единого скрипа. Уф!

Дверь была не заперта. Войдя, я налил ещё тёплый чай. Напившись, сел к телевизору. Время шло, а девчонки всё не было. Глаза начали склеиваться...

Проснулся я от щелчка выключаемого телевизора.

- Спишь, герой?! Мы его едва успокоили. Всё порывался тебя искать. И надо было тебе с ним связываться?!

Позёвывая и потирая глаза, я встал с дивана.

- Зато, как я его! А?!

- Как он бы тебя!

- Если б не убежал! – Послышался ехидный голосок Ирины.

- Славка, лучше сразу с утра едь к бабушке... Он может и сюда припереться. А нам тут не нужны скандалы. А он быковатый парень, когда пива выпьет...

- А пьёт он его каждый божий день... Традиция у них такая - утро встречать с бутылкой «Жигулёвского»... - Опять посмеивалась Ирина.

- Да ладно тебе штоль! – Возмутилась Марина, - Нормальный он парень. Трудолюбивый. Звёзд с неба не хватает... Да... Так что, Славик, извини – едь к бабушке!

- Да ладно вам! Я же и так завтра собирался...

- А кто тебя знает?! Может, передумал... Здесь ведь яблоки собирать не надо и картошку сажать не придётся... Ты же у нас городской, с сознанием, определённым твоей средой... Так, кажется? – Рассмеялась Марина.

Мы сидели на кухне и пили чай с тортом, принесён-

ным сёстрами с прогулки. Мне постелили на полу, возле телевизора. Марина и Ирина смотрели телек, а я провалился в сон. Мне снилось как я, вновь и вновь, бросаю этого бугая то на тротуар, то на борцовский мат, и ликующие зрители машут мне руками... То я уже тореадор и пикой пронзаю мощного рогатого быка, мордой напоминающего Марининого друга.

Вниз по Волге, туда, где лотосы цветут

- Славик, вставай! – сквозь сон донёсся до моего сознания голос Марины. – Полу-у-ундра!

- Блин, что случилось? – Подскочил я на постели.

- Тебе пора. Поторапливайся. Не забыл, что кто-то вчера очень тебя хотел видеть?

- Так шесть часов же... Ну вы садистки!

- Подъём! Раньше уедешь – раньше порадуешь бабушку.

Я нехотя встал и хотел убрать постель, но меня оставили, сказав, чтоб шёл умыться, а постель уберут сами. Умывшись и позавтракав, я взял сумку, попрощался с сёстрами и спустился вниз на улицу.

Астраханское солнечное утро. Блеск трамвайных линий. Звонки и скрежет на остановках. Разноголосые гудки клаксонов проносящихся мимо автомобилей. Визг и хохот стаек детишек, с утра пораньше мчавшихся куда-то по своим юным делам.

На пристани суета! Вереницы прибывающих «Ракетами», «Метеорами» и всякими прочими транспортными средствами. Узелки, корзины, чемоданы и, конечно, рюкзаки туристов-рыболовов... На реке ветер закручивает барашки волн, громко шелестит стройными рядами деревьев на набережной, играет одеждой отъезжающих

и прибывающих граждан, с особым радушным вниманием приставая к женщинам, стремясь задрать им юбки и сорвать шляпки и платки.

Несмотря на раннее утро, зал ожидания полон. У касс многогласно и многолюдно. Все места в зале заняты мамами с детьми, бабушками и дедушками. Остальные курсируют по залу или на палубе, облокотятся на перила, покуривают... Делают это они с особым чувством расстановки и видом значимости, задумчиво прищуривая то один, то другой глаз, церемонно стряхивая пепел сигарет в мутные воды Волги.

Заняв очередь у кассы и глядя на суетящихся вокруг старушек, задумался: что им на старости лет дома не сидится? Попивали бы чаёк с малинкой, вели бы свои неторопливые разговоры, сидя на скамейках у подъездов домов или на лавочках во дворах... Нет же, торопятся, тащатся с узелками и авоськами, расталкивают граждан... Ну куда, куда вы?

И сразу же услужливая память рисует образы. Декабрь. Снег за окном. А к нам в гости приехала бабушка Матрёна Даниловна из Баку. Выкладывает на кухонный стол заботливо упакованные гостинцы. В ярких блестящих упаковках - конфеты и шоколад, в серой оберточной бумаге - шербет. А вот и что-то круглое и тщательно закутанное газетной бумагой... Разворачивает один... А там яркий оранжевый плод. Что это? Хурма... О! М-ммм... Хорошо помню этот сочный вяжущий вкус...

- Молодой человек! Вы билет брать будите?! – Пренеприятно ткнули меня в спину. Я стою возле окошка кассы, и кассир - крупная, ярко-рыжая тётя с каким-то кренделем на голове, вопросительно смотрит на меня...

Благополучно приобретя билет до пункта назначения, решаю прогуляться по набережной – у меня аж почти час до отправления! На берегу, в густой кроне дубов и тополей, шум и гомон. Каркают, беснуются, что-то не

поделив, вороны. Чирикающие воробьиные стайки ручейками перетекают с одного дерева на другое... И под всем этим беснованием и гвалтом, утопая в тени деревьев, скамьи с сидящими пассажирами. Люди пьют воду, наслаждаются мороженым или просто скользят взглядом по прохожим, реке и кронам деревьев.

Утренняя набережная особенно восхитительна. Стройные ряды высоченных деревьев, синей тенью укрывают берег от висящего над крышами старинных домов солнца. В конце аллеи, у причалов для туристических лайнеров, возвышаются белые, сверкающие красавцы-корабли.

Напитки, мороженое, трапы, праздные пассажиры в шортах и сланцах... Все добродушны и слегка ленивы: жизнь прекрасна! Когда у тебя отпуск можно быть счастливым и добрым. Можно быть ленивым... Можно неторопливо двигаться по трапу, неспешно покупать мороженое или воду. Прогуливаться по набережной или стоять у чугунных перил, фотографироваться... Всё можно, когда у тебя отпуск или, как у меня, каникулы. И всё возможно, когда у тебя есть деньги! А с этим у меня проблема. Мои возможности минимальны и равны сумме у меня в кармане. Я с завистью посматривал на эту праздную туристическую публику, на эти белые корабли, курсирующие меж волжскими городами... И зов чего-то далёкого, неудержимо прекрасного, просыпался во мне и звал на палубы этих лайнеров, чтобы слиться с толпами отдыхающих и отправиться в неведомое. Туда, где я никогда не был...

Спросив время, я понял: пора не просто возвращаться, а бежать, так как посадка наверняка началась! И действительно, у причала шла погрузка на «Ракету». Пассажиры, по трапу, преодолевали полосу воды под ногами, меж пристанью и белым скоростным судном. Ракета приятно рокотала и подрагивала. Я оказался последним пассажиром и за мной сразу же убрали трап. Судно медленно отходит от причала, делает манёвр. И вот уже ро-

кот корабля сменяется равномерным гудением.

«Ракета» стремительно понеслась по волжским водам, изредка насакивая на встречную волну проходящего судна. На реке движение, хоть светофоры ставь! Буксиры, сухогрузы, тихоходные прогулочные «трамвайчики», встречные «Ракеты» и «Метеоры»... По берегам: порты, причалы, дома... И всё утопает в зелени... Мне после города, в котором каждый росток деревца или кустарника равен бесценности, а берега морские пустыньны и скалисты, вся эта роскошь зелени кажется чем-то невероятным и радующим глаз.

В салоне было душно. Несмотря на то, что я расположился у окна, мне не сиделось. Как-то неуютно... Вокруг меня начиналось трапезничество. Пакеты, свёртки, шелестя и шурша, разворачивались, являя на всеобщее обозрение аппетитную снедь. Жующие лица, активно работая челюстями, издавали иногда не очень приятные звуки. И я не выдержал. Водрузив сумку с вещами в кресло, чтоб не решили, что оно свободно, я отправился на палубу, к корме. Здесь можно и присесть, и постоять...

За кормой широкий вспененный след, разбегающиеся в стороны волны покачивали рыбацкие лодки, во множестве расположившиеся вдоль берегов... Мощные струи воздуха, обтекая судно, били сильными порывами по открытой палубе. Ветер взлохмачивал волосы и агрессивно трепал одежду. Решив посмотреть вперёд по курсу корабля, выглянул за борт. Ураганный шквал ветра ударил в лицо. Перехватило дыхание и веки, не выдержав напора воздуха, сами закрылись. Приоткрыв глаза, я увидел, как подводные крылья «Ракеты» взрезали и вспенивали воду, как стремительно неслись на нас волны. Глаза слезились, но я упрямо смотрел вперед. «Ракета» несла меня вниз по Волге, почти к самому астраханскому заповеднику, в края рыбаков и охотников, туда, где меня уже ждали.

Быстроходное судно на подводных крыльях сделало несколько остановок. Рокоча и подрагивая от сдерживаемой мощи, «Ракета» причаливала то к левому, то к пра-

вому берегам. Пассажиры сходили на берег, их заменяли новые – люди курсировали меж сёлами. У всех были какие-то дела и заботы, а кто-то, как и я, ехал в гости. Два часа пути уже позади. И вот он, знакомый долгожданный берег.

Внучок приехал

От пристани по пыльной тропинке, обходя снующих во множестве дворовых собак, я вышел на единственную асфальтную дорогу села. Эта дорога протянулась от паромной переправы и до местного судоремонтного завода. Мимо проносился местный транспорт: мотоциклы с люльками и грузовые мотороллеры. Редкие прохожие внимательно всматривались в прибывших. Возле магазина, справа, селянки громко обсуждали местные новости, споря о чём-то друг с другом. До меня долетало многократно повторенное: «Ну прям», «Хватит штоль»... Было непривычно и забавно это слышать. Так, посмеиваясь над местным диалектом и «совсем не местоимениями», доносившимся со дворов, я дошёл до середины асфальтной артерии села и свернул на обычную, обильно поросшую травой улочку. Пройдя ещё немного, я увидел знакомый мне дом и сад.

Улица была пустынна. Солнце, стоявшее уже почти в зените, припекало. Подойдя к палисаднику и повернув деревянную вертушку, вошёл. Тишина! И только прикоснувшись рукой к щёколде ворот, я услышал звонкий залиvistый лай. У моих ног метался рыжий бесноватый комок. Будто давно знавший меня и потому радостно повиливавший хвостом. Я открыл ворота и вошёл во двор. На шум из дома вышла пожилая женщина в цветастом платье и таком же платке. Поправив платок на голове, прищурилась, приглядываясь ко мне, заулыбалась:

- О! Внучок! – И придерживаясь за перила, она спустилась по ступеням рундука. – Вырос-то как! Ну, дай-

ка, я тебя обниму... Вноси сумку в дом, Славик. Переодевайся, а я самовар сейчас поставлю. Я ждала тебя и у меня есть пирожки, как ты любишь, со сливой и есть с ежевикой...

Бабушка, ещё раз меня обняв, поспешила на кухню, отдельно стоящее строение с камышово-глиняной крышей и глиняным полом.

Зайдя в дом, я поставил сумку и оглядел нехитрое жильё бабушки. Поперёк коридора, у окна, смотревшего в палисадник, стояла металлическая кровать. Над ней висела радиоточка, вещавшая от имени радиостанции «Маяк». Справа, у большого окна, стоял стол, укрытый клеёнчатой скатертью, и на нём электрический самовар, маленькая розетка с тёмным вареньем, лежали щипцы, которыми бабушка раскалывала кусковой сахар. Распаковав сумку, я переоделся в трико и футболку и вышел к бабушке. Перед кухней был навес, обильно заплетённый вьюном с разноцветными цветами. В моей памяти ещё живо воспоминание, как дядя Гена, младший сын бабушки, приехал из города на «Запорожце», гружёным сверху рейками, брусками и досками... Специально для возведения этого навеса. Помню, как бабушка была довольна навесом и возможностью пить чай на свежем воздухе, а не в сырой землянке. До чего непритязательны были раньше люди. На их долю выпала и революция, и гражданская война, и Великая Отечественная... Они умели радоваться самой малости, любому пустяку. Не то, что мы, баловни цивилизации. Мне иногда страшно себе представить, что станет с окружающими меня людьми, если случится катастрофа и прекратится подача электричества. Надолго прекратится, на месяцы... Вежливость и тактичность исчезнут, а проявятся самые тёмные качества человеческой натуры... Я стряхнул с себя, как наваждение, эти мысли. Подошёл к бабушке, обнял её.

- Ты пришёл?! Вот и славно, будем пить чай. Садись.

И уже сидя у кухни, под навесом, плотно увитым ли-

аноподобным растением с разноцветными цветами, я подумал: «Как прекрасно быть гостем! У своей бабушки! Ну, кто ещё, тебе, балбесу, нажарит сладких пирожков с ежевикой и абрикосом, нальёт чаю?!»

На дощатом столе, укрытом клеёнкой, стояли сверкавший боками самовар, вазочка с вареньем, тарелка с пирожками и чашки под чай. Самовар кипел и дымил от углей внутри его. Заварной чайник, венчавший верх самовара, покрылся сизым налётом... Сквозь вьюн, плотно обвившим навес, пробивалось солнце, скользя солнечными пятнами по стенам и столу. Высвечивая, как прожектором, назойливых ос, прилетевших на сладкое и стремившихся влезть в стекляшку с вареньем. Наконец-то, вдоволь наевшись, я почувствовал себя сонным и счастливым. Сознание затуманилось и веки потяжелели... Сказался ранний подъём. Здесь же, под навесом, у стола стояла металлическая кровать и я, показывая на неё рукой, произнёс:

- Бабушка, спать хочу... Лягу здесь?!

- Ложись, ложись! Сейчас подушку дам и покрывало.

Укрывшись покрывалом и почти провалившись в сон, вспомнил о привезённых подарках для бабушки:

- Бабушка! Там в сумке, подарки тебе: чай, конфеты, платье...

Что-то больно укусило за лицо. Прихлопнув, я открыл глаза – на руке была кровь. Комар. Тень от деревьев поглотила дом. Под навесом уже сгустились сумерки. Я встал, обул тапочки. Опять укусил комар. О, как я люблю этих существ! Что за садист их создал?! Звенят, пищат и вечно пьют нашу кровь!

В тихом вечернем воздухе ни шороха. Лишь где-то вдалеке лай собаки. Ветер донёс негромкие голоса из-за забора. Прислушался. Бабушкин и ещё один, незнакомый мне, женский голос. Я пошёл на голоса. В палисаднике, на лавочке, рядом с бабушкой сидела её подруга

бабушка Настя.

- Здравствуйте! А я Вас не узнал по голосу.

- Богатой буду! – со смехом ответила та.

- Проснулся? Ну что, пойдём ужинать? Пока ты спал, я борщ приготовила и рыбу пожарила...

- Нет, спасибо, бабуля! Не хочу я рыбу! Вспомни своё прошлогоднее меню: уха, рыба жареная, пирожки с рыбой, пирог с рыбой, картошка жареная с рыбой... Ничего не забыл?! А! Рыба сушеная!

- Ты чего такой? Дурной сон или покусал кто? – спросила бабушка Настя.

- Да. Комары покусали.

- Видимо, бешеные они, комары эти. – Бабушка Настя поднялась с лавочки и, посмеиваясь, пошла к калитке палисадника. - Ладно, Ивановна, спокойной ночи Вам.

Попрощавшись, мы закрыли ворота и вошли в дом.

- Ну, что? Будешь борщ?

- Нет, – покачал я головой. – А пирожки остались? Тогда – пирожки и чай.

Мы пили чай, бабушка задавала вопросы: кто чем занят, как живут и чем болеют... Я поглощал один пирожок за другим и в перерывах меж ними утолял бабушкино любопытство. Вроде бы всех вспомнили, обо всех поговорили, обсудили и решили, что, как на роду написано, так и будет...

Попив чаю, бабушка ушла в дальнюю комнату, туда, где у неё висели иконы. Я же вышел во двор и угостил остатком сладкого пирожка рыжего псёнка с очень редким для этих мест кличкой «Шарик». Присел возле него, но меня в миг облепило комарьё, и я, отбиваясь от них, вернулся в дом. Бабушка ещё молилась и я, от нечего делать, извлёк из сумки альбом для рисования и карандаши. Рисование – моё любимое занятие, всегда и везде! Просматривая старый альбом, на одном из листов наткнулся на стихотворение, написанное синим карандашом ещё в прошлом году:

Опустился вечер тёплый,

Обнял сумрачным крылом.
Ветер, будто усыпленный,
Не дрожит уже листом.
Звезды мирно полыхают,
Полоня небесный свод.
Тихо звуки где-то тают,
Уносясь за горизонт.
И ворчливые старушки,
Зажигая свет лампад,
Собираются в избушке,
По углам, где боги спят.

Вернувшаяся бабушка разобрала постель и стала готовиться ко сну. Мне же спать не хотелось.

- Я пойду к себе в комнату, порисую, потом лягу...

- Иди, иди... Спокойной ночи.

- Приятных снов.

Сидя за альбомом для рисования, я призадумался: а что я буду здесь, в селе, столько времени делать?! Пока я был мелким, всё было интересно и любопытно, а сейчас? Скукатынь!

Местные дети обычно с утра до вечера пропадают на речке. Ловят рыбу, помогают своим родителям и бабушкам, конечно, по хозяйству, купаются, ныряют в Волгу. Я же всегда с недоверием относился к этой мутной, илистой воде. Тем более, моя добрая бабушка всегда щедро потчевала меня историями об ужасных сомах, нападающих на детей. Купанье меня особо не прельщало, а к рыбной ловле я равнодушен. В общем – скука. И альбом для рисования моё единственное спасение.

Проведя за рисованием и размышлениями час-другой, стал засыпать и я. Выключил свет, запрыгнул в кровать. Старые пружины закрипели, заскрежетали... Что ж, целый год на этой кровати никто не спал.

В окно светил уличный фонарь, жёлтым пятном покачиваясь на побеленной стене печи. Слух выхватывал

из ночной бездны звуки. Перекличка собак, вопли котов, шум моторок на реке... Всё шло своим чередом и село жило своей обычной жизнью, не затихающей даже ночью.

Сквозь сон донеслось: «Городские они такие! Любят поспать! Да...»

Щёлкнула щеколда ворот. Открыв глаза, посмотрел на часы: без пятнадцати девять... Ещё раннее утро. «Городские они такие... Да...» - мысленно передразнил я. Некоторое время я валялся в постели, глядя в проём двери, сквозь тюлевую занавеску, в сад, вслушиваясь в утреннее радостное чириканье воробьёв... Затем, не выдержав, встал и вышел в сад.

Под яблоней на деревянном настиле стоял самовар и, как заправский теплоход, дымил трубой. Судя по звукам, доносившимся из землянки, бабушка что-то стряпала в летней кухне. Прошлёпав в тапочках по деревянным настилам до кухни, увидел бабушку, жарящую картошку в большой сковороде на керосинке. Запах душистого перца и лука приятно щекотал ноздри.

- Доброе утро!

- Доброе... Умывайся. Сейчас позавтракаешь и пойдём, пока не жарко, сходим на кладбище. Цветы польём...

- Далось тебе, бабушка, это кладбище! Кому нужны там цветы? Мёртвым-то всё равно!

- Славик, это нужно живым, а не мёртвым. Это память и уважение.

- Ладно... Только я твоим коромыслом носить не буду. В том году все плечи подрал. Как люди ими воду носят? Это же неудобно! Вёдра болтаются, вода плещется, ноги из-за этого все в грязи! Ужас!

- Какие мы неженки! Так носи, руками! Пару раз сходим, и всё... Поздороваешься с дедушками.

Я пошёл умываться и голос бабушки заглушился шелестом сада. Ветер играл кронами ветвей и гнал по голубому небу чисто-белые облака.

После завтрака, как и было запланировано, мы от-

правились поливать цветы у семейных могил. И пока шли по улицам села, несколько раз останавливались для разговора с прохожими, такими же «бабушками-дедушками», как и бабушка, сидящими на скамеечках подле своих домов. Зорко посматривающих вокруг и живо интересующихся всеми новостями: кто женился, кто родился, кто умер, кто плох или хорош... Мне только и оставалось, что вздыхать и демонстрировать своё нетерпение. Наконец-то мы преодолели все препятствия на пути и благополучно прошествовали через кладбищенские ворота. Но и здесь бабушка нашла с кем поговорить, причём не только с живыми... Я страдал молча и пытался произвести сложное уравнение и поставить знак равенства между её заботой, вкусными пирожками и вот такими вот «общительными» походами. Но всё когда-нибудь заканчивается. Так и здесь. Мы полили цветы водой из ерика, «протекавшего» у подножия кладбищенского холма, бабушка поговорила со всеми умершими, кого знала, а знала она многих, и мы, почти благополучно, пришли домой. По пути купили горячего хлеба в местной хлебопекарне. Хлеб был мягок и ароматен, и я не удержался и ополовинил одну из булок.

Тень деревьев и навеса кухни спасала от жары. Солнце уже настолько сильно припекало, что даже деревянные дорожки в саду обжигали босые ноги. Попив компота, я взял несколько яблок, разложив их по карманам шорт.

- Бабуль, я на речку!

- А обедать?

- Потом...

На улице ветер слегка пылил, закручивая пыль и гоня её из стороны в сторону. Село, казалось, вымерло. Даже собак не видно. Лишь с берега реки доносились ликующие голоса детей. Наконец в одном из переулков сверкнула река и берег, поросший травой и камышом. Шёл я на голоса детей, к большому бревенчатому при-

чалу, откуда обычно ныряли местные мальчишки и девочки. По пути остановился у большой неглубокой лужи, в которой сверкали тела мелкой рыбёшки. Зайдя в воду попытался поймать их руками, но они всякий раз бросались от меня врассыпную. Оставив безуспешные попытки, я замер, облокотившись о колени и опустив голову к воде. Я наблюдал. Рыбёшки, успокоившись мирно плавали вокруг. Некоторые вертелись у самых моих ног, иногда их пощипывая. Щекотно! Стало совсем жарко и приятная вода в луже, обволакивающая мои ноги, вернула желание купаться. К этой луже я вернусь завтра с сачком, переловлю их и отпущу в реку. Пусть растут и превращаются в большую рыбу. Выйдя из лужи, я отправился к причалу. По сути это был пирс, метров на тридцать протянувшийся от берега в реку, собранный из мощных брёвен.

Дети прыгали с причала, кто «ласточкой», кто «солдатиком». Некоторые для этого ещё и разбегались, чуть ли не от середины пирса. Деревянная конструкция причала гудела от обилия бегающих и прыгающих. Облокотившись о перила в уголке причала, я замер и молча наблюдал за беснованиями местных. Разделся, решившись искупаться, но прыгать с причала не стал. Спустившись по бревенчатой конструкции к воде, я увидел, что и под причалом оживлённо играли дети. Они играли в «голи» - перепрыгивая с бревна на бревно или ныряя в воду и вновь взбираясь на брёвна...

Плюх. Нырнул в воду и с открытыми глазами поплыл. Тут же, прямо передо мной, кто-то «бомбочкой» плюхнулся, укутавшись фонтаном пузырей. Я стремительно вынырнул, едва не нахлебавшись воды. Вслед за мной из мутных вод показалась белобрысая голова. Девчонка! Смешливое лицо с веснушками.

– Ха-ха... Чо, испугалси, штоль?! – Захихикала она отплывая.

Поплавав ещё немного в стороне от прыгунов, я отправился домой.

Последующие несколько дней моих каникул были ничем не примечательны: я собирал яблоки, полол траву, ходил купаться на речку и, да, я переловил-таки мелочь из лужи, а чуть позже и чуть дальше, среди травы, нашёл ещё одну, поменьше, только что пересохшую. Спасать уже было некого. Мне стало жаль эти серебристые тела мальков, засыхающие в иле...

Как всегда, я много рисовал, а всё остальное время валялся на рундуке, глядя в синее-синее небо, в самую его глубину. Наблюдал за облаками и искал в них фигуры и лица. Лошади, львы, головы людей и настоящие самолёты проплывали надо мной в этой невероятной высоте.

Пашкино

Как-то вечером бабушка объявила: «Приготовь себе удочку и накопай червей. Завтра идём на Пашкино сажать картошку. Там с водокачки что-нибудь наловишь «на жарёху». И хоть я небольшой любитель рыбалки, но для разнообразия согласился половить... Тем более, что я уже слышал про классный клёв на Пашкино. О, если б я только знал тогда, что вставать придётся очень рано! В шесть утра меня разбудили, а через полчаса мы уже двигались по не в меру оживлённым улицам. У меня в каждой руке по ведру с обрезками картошки, прикрытых влажной тканью, и сумка с удочкой-закидушкой, банкой червей. Долго шли вдоль ерика, потом через аэродром и степью. В голове вертелись строки, неизвестно откуда в неё попавшие:

И табор, шедший на закате
Не чаял и дойти –
В степи вставали рати
И зелени полки...

По пути к нам присоединились ещё люди с ведрами и даже тележками. С такими же сонными, как и я,

детьми и подростками. Среди них я увидел и уже знакомую мне белобрысую девчонку с веснушками, что в реке свалилась мне на голову... Ещё немного, и за кустами можжевельника, росшего плотной стеной, послышались отдалённые голоса. Протиснувшись сквозь кустарник, я увидел частокол изгороди, силуэты людей и реку за ними. Здесь, наверное, полсела собралось! Все уже работали: копали грядки, с вёдрами ходили и укладывали картошку в вскопанную землю. Дети бегали с вёдрами к реке за водой и поливали посадки. Все были настолько заняты делом, что лишь изредка перекидывались друг с другом фразами.

Мы подошли к своему участку, там нас уже ждала бабушка Настя. Обменялись приветствиями.

- Ну что? Попьем компотику? Передохнём и за дело! Славик, до жары надо управиться!

- А я-то причём? Я что главная рабсила? Я помощник...

- Нет, вы на него посмотрите, две старые женщины будут рабсилой! Помощник... Ты на себя посмотри! Ты уже выше нас с баб Настей! Ты выше половины мужиков здесь... Пей компот, если хочешь, и вот тебе рукавицы... И вперед, копать грядки! А мы будем высаживать...

Мне особо спорить не хотелось. Все вокруг работали, даже маленькие дети копошились у грядок с картошкой. А некоторые лейками поливали посадки. Тем более, кто мне пирожки будет печь, если бабушка на меня разозлится? Она-то ведь всегда помнит обо мне: каждое утро блины, лепёшки, пирожки...

- А рыбу ловить когда я буду?

- Половину вскопай и иди!

Ладно, будем копать. Я копал, а «две старые женщины» попивали компот и иногда критиковали мою работу. Но потом и они взялись за дело. Руками закапывали обрезки картофеля в ими же сделанные ямки. Копать молча стало невесело и я затеял разговор.

- Бабуль, я слышал, раньше астраханские степи засе-

ляли нижегородскими крестьянами, а такие, вот, острова – каторжанами. У тебя, что предки - каторжники?

- Нет, наверное, крестьяне. Я из Бекетовки, а Николай, дед твой, сюда из Басов пришёл.

- Басы? Что за название странное? Это где?

- Это возле земель калмыцких... У них там было большое хозяйство: разная скотина и земля... Потом пришли зелёные, забрали у них скот и расстреляли родителей...

- Какие ещё зелёные? Ты шутишь? Красные и белые воевали... ещё были анархисты... Про зелёных ни разу не слышал. Дед же из казаков? Я видел его фото, он в чёрной форме там, молодой... Красные-то казаков расстреливали, красные... А не зелёные...

- Да, из казаков... Точно тебе говорю: зелёные! Я же помню, – настаивала на своём бабушка.

- Зелёные... - усмехнулся я, - партизаны степные, наверное... А мне отец говорил, что его дедов, они из ростовских казаков, под Ростовом рассказывали и тоже расстреляли. А три брата, среди них и мой дед Иван, бежали в Саратов... Потом и там что-то не заладилось, и они разделились: Иван уплыл в Баку, а Михаил, кажется, ушёл на север Казахстана... Вот такая история!

- Ну теперь понятно, откуда у тебя такая тяга подсолнухам головы рубить.

- Настя, - обратилась бабушка к подруге, - помнишь, как этот казак подсолнухам головы порубал?

Я растерянно посмотрел на них.

- Когда такое было? Что-то не припомню...

- Да, маленький ещё был, но вы уже жили в Шевченко, - сказала бабушка Настя.

- Маленький, а кровь казацкая уже кипела! – встала бабушка, ехидно посмеиваясь. И, подмигнув друг дружке, запели в два голоса:

Любо, братцы, любо,

Любо братцы жить.

С нашим атаманом

Не приходится тужить...

- Хорошо поёте, но это не женская же песня...

- А нам можно. Мы – рыбацки-казачки... - и они дружно засмеялись.

Насмешки их мне не нравились и продолжать разговор я не стал.

- Бабуль, похоже, половину я уже вскопал. Пойду на водокачку рыбу ловить?

- Иди. Удочку с червями не забудь. Да перекуси. Вон там, в свёртке. Курочка, картошка, помидоры...

- Хорошо хоть не рыба.

- Ничего, и рыба будет! Вот наловишь и будет...

Быстро перекусив, запив всё компотом и распахав по карманам яблоки, пошел к деревянному строению на берегу – водокачке. Пройдя по пирсу и обогнув насосную, я увидел седого мужчину и мальчишку младше меня. Они ловили рыбу и складывали её в ведро. В ведре виднелись хвосты и головы окуней.

- Здравствуйте! А что, сегодня у воблы выходной? – попробовал пошутить я.

Но мою шутку не оценили и ответили, невозмутимо перекинув беломорину из одного уголка рта в другой:

- Нет её, не клюёт, зараза!

- После обеда будет вобла, – подал голос мальчишка. Он сидел на самом краю водокачки, у перил. Свесив ноги и болтая ими... Маленький и худющий...

- Деда, хватит уже ловить! Дай мырнуть... - заговорил он просящим голосом.

- Ладно... Но вон пацан будет ловить. А ты ему всю рыбу распугаешь.

- А ему окунь не нужен! – крикнул мальчишка, вскарабкавшись на перила. Плюх!

- А-ааа... - заорал он в воде. - Животом!

- Охламон, – ругнулся дед.

- Деда, деда! – Прибежала, грохоча по доскам, уже знакомая мне девчонка в веснушках. Увидев меня, остановилась:

- Здравсьти!

- Здравсте!

И повернувшись к деду:

- Деда, бабушка зовёт обедать. Лёха, вылазивай! Пошли уже!

- Это мой брат. Дерётся во как! – И она продемонстрировала мне свой сжатый кулачок. Развернулась и убежала с таким же грохотом, будто нарочно ударяя пятками по доскам.

- Деда, давай быстрее! Остывает... - донёсся её удаляющийся голос. Седой собрал удочку, взял ведро и молча ушёл. Мальчишки уже не было в воде.

Достав удочку и насадив трепыхавшегося червяка на крючок, закинул подальше от того места, где купался мальчишка. И стал ждать. Леска приятно подрагивала от течения воды. Напротив водокачки, метрах в ста шумел густой кроной деревьев остров. Берега, поросшие камышом, казались непролазными. Я как-то в прошлом году плавал на этот остров. Туда самостоятельно, а оттуда - на старой коряге. Весело было! Место там дикое! Будто нога человека не ступала на этот остров.

Рыба не клевала. Я вытянул леску чтоб заменить червя, но его там уже не было... Закинул ещё раз. У острова шумно приводнилась крупная птица. Пеликан! Ещё один рыболов. Не прошло и минуты, как он что-то поймал и, высоко закинув голову, заглотил, потряхивая из стороны в сторону клювом. Везёт же рыболову! Но я напрасно огорчился. Что-то резко потянуло мою леску, уводя её вглубь реки. Леска сильно натянулась, впиваясь в пальцы. Я тянул, рыба пыталась сорваться, уводя леску то в одну, то в другую сторону. Но метр за метром, и вот показалась тёмная спина рыбины. Когда вытягивал, думал - сорвётся над водой. Но вот она прямо передо мной! Большая, тяжёлая и сильная щука! Снимая с крючка, чуть не выронил, уколовшись об её острые, колющие, как

у ежа, плавники. Но всё же запихнул её в сумку, где она продолжала бесноваться.

Обеспокоившись тем, что она выскользнет и уйдёт в воду, я с надеждой стал осматривать дощатые стены насосной. Искомое найдено! Кто-то заботливый вбил гвоздь. Повесив сумку, я опять закинул удочку. Пеликан у острова спокойно плавал, сверкая белизной оперения. Иногда похлопывая полураскрытыми крыльями.

Водокачка задрожала от топота бегущих ног. Опять эта девчонка!

- Можно, потише?! Рыбу распугаешь!

- А... Что поймал? – И сняв с гвоздя сумку, посмотрела.

- Ух, ты! Какая большая. Она, наверное, с икрой! Чтоб было много маленьких рыбок... Её надо отпустить! – И пошла с сумкой к краю водокачки.

- Эй, ты что?! А ну, повесь! – Кинулся я к ней, бросив удочку на пол. Едва я успел забрать сумку у девчонки, как моя удочка стала резко разматываться. И чуть не ушла в воду – я уже в последний момент прихлопнул её ногой. Взяв в руки удочку, повёл ей из стороны в сторону, проверяя, не сорвалось ли. Нет, сидит, сопротивляется.

- Ха-ха... Я пошутила, а ты поверил! Давай сумку – повешу.

- Нет уж, я сам...

Но она, ловко выхватив у меня из рук, водрузила её обратно на гвоздь.

- Ну, что смотришь на меня? Давай, тяни уж! Кто там попался?!

Я осторожно начал вытягивать леску. Рыба упорно сопротивлялась. Должно быть тоже большая. Но вытянув, я увидел средних размеров окуня. Ладно, сойдёт и такой. Отправил его в сумку к щуке, от чего та вся задёргалась.

Сменив червяка, я приготовился забросить крючок.

Девчонка молча за мной наблюдала.

- Что тебе ещё? Что смотришь?

- Давай, давай уж... Забрасывай штоль!

Раскрутив грузило на леске как пропеллер, отпустил. И тут же взвыл от боли. Крючок, проколов шорты, впился в тело, чуть выше бедра. На крючке поверх шорт, у самой лески, дёргался червяк.

- Ой, кровь! – взвизгнула девчонка, подскочив ко мне. - Сам себя поймал! Сейчас позову кого-нибудь...

- Стой! Стой... погоди!

Но она уже убежала, грохоча по деревянному настилу. Только этого мне и не хватало! Чтоб сюда сбежались ещё и зрители! Я убрал свинцовые грузила удочки в карман и аккуратно намотал леску на удилице. Попытался извлечь крючок. Но острая боль не дала мне этого сделать. Он глубоко вошёл под кожу.

Прибежала бабушка, девчонка и какой-то мужик с кусачками.

- Так, рыбак, ну-ка, повернись! – И он бесцеремонно развернул меня к себе.

- Так, терпи! Надо чтоб язычок крючка был наружу – тогда перекусим.

- Пап, а у него бешенства не будет? – Опять ехидничала девчонка в крапинку.

- Приготовься! – Он дёрнул крючок, щелкнул металл. И обе половинки крючка у него в руке.

- На, держи, – протянул он их мне.

Небольшой кончик крючка с язычком и половинку, привязанную к леске.

- Спасибо, – поблагодарил я папу вредной девчонки.

- Спасибо, Леша! – Вторила мне бабушка.

Я посмотрел на мужчину с кусачками. Что, у них в семье все Леша? Это я о мальчишке, брате этой, с веснушками.

- Пойдём, Славик, будем собираться домой, – сказала бабушка, похлопав меня по плечу.

- А копать? Сегодня не будем больше?

- Нет. Нам Лёша помог. – И она кивнула в сторону папы девчонки.

Уже подходя к участку, я вспомнил, не взял сумку с рыбой!

- Бабуль, я сумку забыл. Я...

- Я сейчас её принесу! – Тут как тут эта девчонка. Бабушки собирались, я допивал компот, когда прибежала эта вездесущая вредина.

- Спасибо, Даша!

- Даша? – Переспросил я, глядя ей вслед. – Не её имя!

- Имя не понравилось или девочка?

Я пожал плечами и ничего не ответил. Домой меня отправили одного, с пустыми вёдрами и с рыбой в сумке. А бабушки отправились в гости с семьёй мужчины с кусачками. В карманах шорт у меня оставались яблоки, и я ими скоротал себе дорогу. После такого насыщенного жаркого дня, было приятно надкусывать брызжущий соком плод.

Придя домой, я обнаружил, что у меня нет ключей от дома. Рыжего псёнка Шарика тоже не было во дворе, бродил где-то без своей хозяйки. Мне хотелось кушать. И чем перекусить я нашёл быстро - под навесом кухни, на столе, стоял самовар и рядом, под салфеткой печенье, булочки и варенье... Потом всё это я дополнил абрикосом и крыжовником. Собрав их, помыв и сложив в большой металлической тарелке, которую поставил на рундук. Лёжа, посматривая в небо и наслаждаясь ягодами, я незаметно уснул. Разбудили меня комары.

Красноватый диск солнца уже на половину спрятался за крышу соседнего дома. Бабушки по-прежнему не было. Спасаясь от комаров, я закутался в покрывало, снятое мной с бельевой верёвки во дворе. Возле меня юлой вертелся рыжий псёнок. Усиленно вилая хвостом и преданно заглядывая мне в глаза.

- Что, Шарик, есть хочешь? Пойдём, посмотрим, что

там осталось... Похоже о нас с тобой забыли.

Остались только два печенья и один бублик. Я поделил это по-братски – ему бублик, мне печенье. Я вышел в палисадник. Шарик, в надежде, что ему что-нибудь перепадёт, за мной. Я посматривал по сторонам улицы, прохаживаясь от калитки палисадника до ворот двора. Бабушки не было. Бегали собаки, ходили прохожие да соседи гнали коров...

Солнце уже спряталось за деревьями соседского сада, окрасив склон неба в оранжево-жёлтые оттенки. Зажглись первые звёзды. Назойливое комарье лезло под покрывало и кусало за ноги. Мне пришлось сорвать ветку сирени и отгонять их ею. Сидя на рундуке, я прислонился к перилам и начал опять засыпать...

Скрипнула вертушка калитки, щёлкнула щеколда ворот, Шарик радостно запрыгал, потягивая... Ну вот, дождались.

- Славик, заболтались мы совсем! Завтра поплывём на острова, ежевику собирать. Нам сегодня Лёша объяснил, где её искать.

- Плывите! Я дома буду.

- Дома? Что ты будешь делать дома? Рисовать? Ещё успеешь нарисоваться! А ты был на островах? Ты вообще представляешь, что это такое плыть под парусом?

- Бабуля, я не хочу! Об этом удовольствии я в книжках прочту...

- Ну уж нет! Поедешь! Ещё спасибо потом будешь говорить... Это же поход! Сейчас покушаем и спать. Нам рано вставать. Баб Настя придёт в три, тебя разбудим в четыре...

- Что в такую рань? В середине ночи? Да вы что?

- Выспишься в бударке, пока плыть будем.

- Бабуля, ты диктатор!

- Ну а как ты хотел?! Под лежащий камень...

- Знаю, знаю, бабуля, не продолжай...

Брезентовый парус и утонувший самовар

По закрытым глазам сквозь веки пренеприятно ударил свет.

- Славик... Славик... Вставай... Пора уже... Славик... вставай...

Я отвернулся к стене и от этого света, и от этого назойливого голоса. Но меня трясло за плечо, стаскивали одеяло. И над всем этим звучал голос:

- Славик вставай... Славик пора... Славик... Славик...

Меня подняли с постели, и я сидел на кровати, пытаюсь понять, что происходит. Снится ли это мне или на самом деле... Наконец я понял, что от меня хотят. Кое-как оделся и вышел в сад. Мне дали в руки куртку: надевай! Потом какой-то тяжёлый свёрток водрузили на плечо и в руку вложили тяжёлый мешок: неси! И мы пошли. Я шёл за двумя фигурами впереди, так и не осознав, зачем и куда. Я знал: просто надо идти!

До моего полуспящего сознания стали доходить звуки: звон ведра, гулкий звук шагов в лодке, стук весла и скрип уключины... Мы загружались в лодку.

- Славик, сталкивай и запрыгивай... И я сталкивал лодку в воду, вползал в неё и поудобней устраивался на носу. Дремал. Лодка покачивалась, журчала вода, скрипели уключины вёсел. Гулко и отдалённо звучали голоса.

- Хватит ему уже спать! Скоро на основной рукав выйдем. Надо будет парус ставить.

- Всё, проснулся... - подал я голос и принял вертикальное положение. Оглядевшись, я понял: мы плывём. И плывём довольно давно.

Небо сплошь усеяно звёздами. Мутной змеей тянулся Млечный Путь. Луны не было. И над рекой висела туманная дымка, приглушающая голоса и влагой осаждающаяся на одежду и предметы.

- Брррр... что так холодно-то, а?!

- Если проснулся – садись на вёсла! Грейся! Мы уже устали...

Первые несколько гребков дались мне тяжело. Мышцы вяло и неохотно тянули. Но уже скоро я вошёл в ритм, и мы пошли бодро к выходу меж островов, к большой воде – к основной и широкой реке, где противоположный берег едва виднелся.

Стена деревьев справа окончилась песчаной косой, мы вышли из Матеровской протоки на реку Старая Волга. Почти безграничные просторы вод отражали первые проблески зари. Туман рассеялся и было видно, как ветер закручивает гребни волн. Ветерок коснулся моего лица и затих. Опять дуновение. И вот уже лёгкий бриз разворачивал старую лодку по течению реки. Бабушки засуетились.

- Прасковья, давай парус! Ладь...

Они вдвоем ловко развернули брезентовое полотно и закрепили к перекаладине.

- Славик, бери мачту. Ставь вот сюда!

- Где мачта эта?

- Да вот же она! Поднимай... Я поднял со дна лодки бревно с прорезью у заострённого конца и вставил в отверстие посередине скамьи, уперев в основание под нею. Пока я поднимал и ставил мачту, бабушки успели пропустить через прорезь в бревне канат и дружно подняли перекаладину с брезентом, закрепив концы вшитой в него верёвки по бортам лодки.

Парус сонно хлопнул тканью и обвис. Но вот подул, просыпаясь, ветер и упруго наполнил парус своей силой. Лодка, почувствовав ускорение, задрожала и, набирая скорость, понеслась вперёд. За бортами стремительно зажурчала вода, лодку слегка вдавило в реку.

- Славик, хватай весло и на корму! Правь!

Я плюхнулся на корму с веслом. С ужасом наблюдая, как быстро у кормы проносились струи воды. Вода была так близко ко мне!

- А мы не утонем? А?

- Правь! Правь!

- А куда его тут ставить? Весло...

- В руках держи и покрепче, чтоб не вырвало.

Последнее предупреждение поступило вовремя: весло уже коснулось воды, и её мощь чуть не увлекла его за собой, в реку. Струи воды, журчащие по бортам, закручивались спиралями за веслом...

- Левее, Славик, левее... Держись середины реки. Там течение быстрее. Быстрее приплывём.

Бабушки с гордостью посматривали на свой латаный брезентовый парус. Их глаза лучились невероятной энергией, лица порозовели... Да... Вот что делают со старушками возможности и свобода. Они будто вновь вернулись в свою молодость, в те времена, когда им всё было по силам... Бабушка и раньше мне говорила, что в войну они, женщины, сами на лодках ходили по реке и рыбу ловить, и чилим с ежевикой собирать. Но мне тогда как-то плохо в это верилось – бабушка любила приукрасить события, а то и вовсе их придумать. Я помню бабушкины рассказы про ураганы, бушевавшие на Волге и переносившие пароходы по своей прихоти с воды на сушу, про духа воды, который сел к ним на корму лодки и хотел их утопить... Но молитвой и крестным знаменiem они его победили. Мне в таких случаях сразу вспоминается сюжет из фильма «Василий Иванович меняет профессию», когда он попал в лифт, перекрестил дверь и молвил: «Вот что крест животворящий делает!»

Бабушки, поглядывая то на парус, то на стремительную воду за бортом, поглаживали борта лодки что-то приговаривая... Наконец, до меня донеслись слова мой бабушки, сидевшей ко мне ближе баб Насти: «Наша бударочка. Терпи, родненькая...»

Мачта скрипела у основания, лодка вибрировала от сопротивления воды, но увлекаемая парусом, стремительно неслась вперед. Впереди и чуть левее носа лодки показалось солнце, оно стремилось оторваться от го-

ризонта, от островов, поросших лесом. Его яркий свет добавил контрастности окружающему, чётко обозначив каждую деталь и каждый предмет этого утреннего мира.

Серый брезентовый парус, раскрашенный большими ржавыми пятнами, был с заплатками. Они отличались от старого полотна зеленью новенького брезента. Видимо, ночью, когда я спал, бабушка его латала. Я посмотрел на неё: неужели не хочет спать? Бабушки о чём-то переговаривались на носу лодки. Весело посматривали в мою сторону, говоря, видимо, что-то смешное обо мне. Еще бы! Я, как заправский рулевой, сидел на корме и вёл нашу утлую шхуну к далёким и неведомым берегам, к берегам, поросшим камышом, кустами ежевики... и лотосом, качающимся в тихих водах ериков. Туда, где обитают только вороны, да лягушки... Хотя я неправ, конечно, бабушка говорила мне, что там есть и лисы, и зайцы... рыщут волки... Есть там и кабаны... А вот и ещё один житель диких мест! Высоко в небе прямо над нами кружил пернатый хищник. Орёл? Я почувствовал некое сожаление, что так мало знал о природе здешних мест. А ведь мой дед, заядлый охотник и рыбак, неслучайно сюда перебрался из Баку. Здесь есть, на что посмотреть и чему удивиться...

У отчаянных путешественниц, двух неунывающих бабушек, проснулся аппетит, и они извлекли из мешков у их ног узелки с провизией. Варёная картошка, помидоры. Варёная, а ранее высушенная, рыба... А вот и яйца показались... Да, действительно, проголодались. Жестом спрашивают меня, что я буду. Качаю отрицательно головой. Но завидев яблоки, показываю, как надкусываю яблоко... Бабушка поняла и, пробравшись осторожно по лодке, придерживаясь за борт, протянула мне три яблока.

- Скоро опять пойдём на вёслах. В ериках нет ветра. Так что отдыхай пока...

Она вернулась на своё место. Бабушки что-то стали

обсуждать, показывая друг другу на берег по правому борту. Повернулись ко мне и махали руками, показывая направление. Смотрю туда, а там сплошная стена камыша и чакона. Направил лодку в указанном мне направлении... Ветер неожиданно стих. Парус пару раз надулся и обвис. Лодка, потеряв ход, закачалась на волнах. Нас несло течением и совсем не туда...

- Разбираем мачту и на вёсла!

Я и не предполагал раньше, что у этой спокойной старушки может быть такой командирский командный голос. Капитан корабля! Солнце уже припекало и я, сняв с себя верхнюю одежду, сел за вёсла. В несколько гребков мы подплыли к стене зарослей, которые при нашем приближении расступились в стороны, обозначая едва видимую протоку, вся её поверхность была затянута плавающими на воде растениями...

- Всё, здесь мы на веслах не пройдем... Славик, складывай их, -

Бабушка быстро взяла длинную неровную палку, выполнявшую роль шеста, и, отталкиваясь от дна протоки, направила лодку вперед, в заросли камыша у огромного дуба, заселённого несметным количеством ворон. Продравшись через камыш, мы оказались в небольшой бухте с чистым песчаным берегом. Вытянули нос лодки на берег и бабушки, прихватив по горлянке, посудине из сушёной тыквы, пошли в разведку: ягоду искать. Они скрылись в дебрях высокой травы и кустарника, и только шелест и покачивание дебрей выдавали их направление и присутствие. Но вскоре всё стихло в густой, сумрачной тени деревьев.

Я бродил по берегу, разглядывая и удивляясь первозданной дикости. Пару раз чуть не наступил на водянку, одна стремилась к реке, другая - на берег, с небольшой рыбой в пасти. Трогать их не стал. Не стал кидаться камнями или бить ветками, как это делают многие полумудрые... Мне нравились змеи. В них есть что-то та-

инстинктивное, магическое. Они будто из другого мира, из другого измерения... Эти безногие существа вездесущи и стремительны. Пока я разглядывал змею с добычей, на лодке хозяйничали вороны. Они со знанием дела прыгали по сумкам и мешкам, заглядывая в них.

- А ну, пошли! Кыш! – Замахал руками, побежав к лодке. Мои вопли не вызвали у них никакой паники. Они, посмотрев в мою сторону и, видимо, оценив расстояние, продолжали мародёрствовать. И только когда я схватил ветвь и подбежал, они взмыли в воздух. Пройдя по воде к корме, я понял: эти воровки улетели с добычей. Один свёрток с едой они сумели развернуть, раскрошив хлеб и картошку. Аккуратно всё собрав, я стал внимательней следить за лодкой и вовремя успел пресечь ещё две попытки вторжения этих крикливых и наглых птиц.

Пришли бабушки. Здесь мало ежевики, сетовали они и показывали мне полунаполненные горлянки. Надо по ерику Цыганка плыть на другой остров. Там точно много ягоды, так им сказал Лёша - мой избавитель от рыболовного крючка.

Мы столкнули лодку в воду. И опять плыли по какому-то руслу, пробирались сквозь густые заросли, пригибаясь и уворачиваясь от свисающих низко ветвей деревьев, росших у самой воды. Их мощные корни, как гигантские змеи, переплелись, давая пристанище множеству лягушек и мелким водяным черепахам.

Проплывая почти вплотную возле корня дерева, выглядывавшего из воды, я заметил маленькую черепаху. Она сидела совершенно рядом. На расстоянии полувытянутой руки. Длинная шея с маленькой головкой, тёмный плоский панцирь, усыпанный светлыми пятнами. Я протянул руку, намереваясь взять её за панцирь. Но она, укусив меня за палец, юркнула в воду.

- Ах, ты...

- Славик, а ты что думал? Она игрушечная? И позволит взять себя? Им такие вольности не знакомы... Сла-

вик, смотри! Вон видишь, это растение на поверхности воды? Это чилим, водяной орех. Мы им в войну от голода спасались. Считай, все на нём и выжили.

Бабушка наклонилась к воде и вытащила пучок растения. Что-то сорвав, протянула мне. Это были зеленоватые плоды. Плотные и рогатые, как мины первой мировой войны. Значит, чилим... Моя каникулярная экскурсия в самом зените! Будет о чем написать в школьном сочинении «О том, как я провёл лето»...

Из узкой протоки мы выбрались на открытую воду. Перед нами была неширокая речушка, возможно, тоже ерик. Может быть, это и есть Цыганка. Пройдя немного вдоль неё, направили лодку к берегу. Но непосредственно к берегу нам пристать не удалось. Всё мелководье было затянато корнями деревьев, росших у самой воды. Обмотав цепь вокруг ближайшего ствола дерева, мы по воде вышли на сушу. Бабушки опять ушли осматривать окрестность, а я, побродив по воде, присел на мощный корень, выступающий из воды. Здесь в большом количестве летали стрекозы, и очень большие, и совсем крошечные. Иногда мелькали и бабочки. Вода совершенно прозрачна, чистое золотистое дно... Стайки разнообразных мелким рыбёшек металась по отмели, видимо, хорошо закрытой от хищных рыб. Вот, мимо моих ног проплыл змееподобный малёк утря или миноги. Вот, бьётся о ноги рыбёшка, напоминающая окуня...

Здесь, у берега, было небольшое течение, и я заметил, как оно несло крупную улитку с витым заострённым панцирем. Она извивалась всем телом, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Таким спасением для неё стала моя нога - ловко ухватившись за большой палец, поползла вверх. Шевеля рожками-антеннами, она ползла выше и выше...

- Славик, выгружай всё из лодки! Тут будем. Ежевики несметное количество... Лёша прав...

Вышедшие из чащобы бабушки несли хворост. У них заметно прибавилось настроения.

- Сейчас поставим самовар, попьем чайку с ежевичкой, мы тут вот немного собрали к чаю и пойдём собирать... для дома, варенья наварим... А ты, Славик, уди рыбу. И сделай кукан для неё. Там в каком-то мешке я верёвку припасла... Пусть рыба будет свежая и живая. Сварим ушицы.

Я носил по воде вещи из лодки, а бабушки принимали их у меня на берегу. Потом собрали достархан у огромного старого ствола дерева, лежащего на песке. С него местами уже облезла кора, и бабушки ловко из неё сделали себе сиденья и что-то типа большой подставки под пищу или разноса... Закипел самовар, поставленный прямо на песке. Перекусив, бабушки-путешественницы пили чай с ежевикой. От плотного завтрака меня потянуло в сон. Я задремал...

- Просыпайся! Славик... Поднимайся! Мы уходим. Не забудь рыбу наловить...

- Ладно, ладно... - Я поднялся и сонно пошёл к лодке. Что за каникулы у меня такие: всякий раз меня будят и не дают выспаться. А скоро опять в школу – ранние подъёмы, уроки допоздна, зима с коротким днём... Бр-ррр... Я передёрнул плечами, стряхивая с себя неприятное видение. Зайдя в воду, умылся и, забравшись в лодку, прошёл к корме, там под сиденьем я оставил сумку с удочками и банку с червями...

Рыбалка обещала быть удачной. Мне сразу же попался крупный окунь, потом ещё один и ещё... Видимо, эти хищники поджидали у мелководья своих жертв и сами стали жертвой другого хищника, двуногого – я их поймал. Потом попался сом. При всей моей брезгливости к этой рыбе, я и его отправил болтаться на кукан. Сомов я не любил из-за их покрытого слизью тела и пристрастия к лягушкам и всякой падали в воде... Но бабушка любила сома. Говорила он сочный, мягкий, сладковатый и, самое главное, без костей. Попалась ещё пара щук и

несколько воблешек, случайно, видимо, загнанных в это скопище хищников. И на удивление, попался на крючок мне бычок-ротан. Он же только в солёной воде живёт, кажется... Или этот адаптировался?! И он почему-то был с голубыми глазами. А у нас на Каспии они с тёмными...

Кукан становился всё тяжелей и тяжелей. А мне всё сложнее и сложнее было насаживать на него рыбу. Один раз я его даже упустил – пришлось нырять за ним. Хорошо, что рыба не успела сорваться с него...

Пришли бабушки с доверху наполненными ягодой ведрами и полными горянками.

- Ух, ты... Сколько много... Варенье будем варить?

Они устало поставили ведра у коряги и присели.

- Славик, выложи все вон из того большого мешка... Расстели его в тенёчке, подальше от солнца... Но на песке... И высыпь на него собранную ежевику... Что наловил? На уху хватит? Да, да... Так, высыпай! Аккуратней только...

- Много наловил... Даже домой возьмём! У меня, как и у вас, – урожай. Правда, в основном окунь...

- Вот и славненько... Из окуня наваристая ущица будет, – сказала, поднимаясь, баба Настя. – Пойдём, посмотрим... Потом отдохнём... Попьём чайку и ущицу сварганим.

- Что сделаем? – Переспросил я. – Сварганим?

- Да! Сварганим. Сварим... Так понятней? Иш, горожанин! «Сварганим» первый раз слышит. Учись, пока мы живы! И чему только вас в школе учат... Только аглицким словам? Нерусь!

- Да ваше «сварганим», наверное, тюркское слово. Так что «нерусь» вы зря...

- Это, какое такое «торское»? Что за нация?

- Тюркское! Это, как и славяне... Много народов от них произошли... Или язык унаследовали, ассимилировав с ними... Татарское, казахское... башкирское, может быть! «Башка» ведь нерусское слово, а Вы все говорите

его: «Думай башкой», «Что у тебя в башке» или «Как дам по башке»... - засмеялся я.

- Иш, грамотей! Давай, показывай улов!

Мы стояли уже в воде, у лодки. Я, забравшись в неё, пробрался к корме, отвязал кукан и осторожно провёл его вдоль борта на нос лодки, к бабе Насте.

- Во, сколько!

- Молодец, молодец! – К нам подошла моя бабушка с котелком. – Ну, что Настя... сварим окуньков? Или сварганим? – сказала она, хитро глянув на меня.

- Ха! Я уже усвоил урок. Сварганим – сварим...

- Или сделаем, – сказала баба Настя, снимая окуней и выкладывая их в котелок моей бабушки.

Я вернул кукан на место, а они пошли чистить рыбу. Ловить мне уже не хотелось, но вот перекусить бы было неплохо... А так как уха лишь намечалась, я пошёл лакомиться ежевикой. Вкусняк! Невероятно вкусная ягода и даже непонятно как так - дикая?! Росли бы так же, дико, арбузы с дынями... Эх, сейчас бы арбузика... Не видать мне арбузов астраханских – я уже уеду или буду уезжать, когда они появятся на рынках...

Меж двух рогатин, плотно загнанных в песок, положили ветку и подвесили к ней котелок с будущей ухой. Развели костёр. И уже скоро уха забулькала, брызгая на огонь, от чего тот недовольно шипел и плевался искрами. Бабушка бросила целыми, нечищеными, головки лука, горсть перца горошком... Попробовала на соль.

- Попробуй, – протянула она мне ложку с парящей жидкостью. – Не пойму что-то...

- Н... нет, спасибо! Не хочу пробовать... Горячая уха.

- Настя... - бабушка протянула ложку подруге.

- Думаю, что хватит, – сказала та. – По вкусу подсалим в тарелках...

Ушица получилась у нас наваристая, вкусная и с каким-то особым привкусом. Наверно, это запах костра.

Я уже заметил, что чай самоварный вкусней, чем при кипячении в обычном чайнике. В чём секрет? Магия огня? Мистика... Можно понять древних людей, поклонявшихся огню. Огонь - это вкусная горячая пища, огонь - это тепло... Прометей пожертвовал собой ради людей, даруя им огонь, даруя им то, что сделало их людьми... Меня иногда посещает скепсис по поводу битвы богов Олимпа с титанами – не произошёл ли на Земле захват власти инопланетными тиранами, которых люди называли из-за страха «богами»? Боги наказали Прометея (титана) за милость к людям... Богам нужны всегда рабы, а не свободные граждане, вот они и держали землян в серости и сумраке. Слышал как-то от любителя религиозных книг о том, что весь прогресс, все новшества от бесов... Видимо, и Прометея они относят к бесам... Неблагодарные люди – боятся тиранов и хулят благодетелей. Один мой очень юморной товарищ называет автомобиль «шайтан-арбой»... Да, уж... без такой «шайтан-арбы» мы бы до сих пор жили, как дикари... Ну да ладно, о делах минувших, укрытых туманом истории...

Неутомимые бабушки опять собрались за ежевикой.

- Доберём ягоды и будем собираться. Интересно, сколько времени сейчас?

- Айн момент, бабуля. Сейчас посмотрим на солнечные часы. – Быстро сориентировавшись по движению солнца, восток и запад, начертив круг на песке, разметив его, поставил ветку в центр...

- М-ммм... Получается... примерно два часа! Плюс-минус пятнадцать минут...

- Хорошо. Есть ещё время. Пошли мы.

- А мне что делать?! Можно с вами?

- Можно. Но сначала долови рыбы - чтоб и нам, и баб Насте хватило. Возьмёшь вон ту горлянку, – бабушка показала на небольшую горлянку, в которой до этого у неё были сложены варёные яйца.

- Ладно.

И я уже сидел на корме и разматывал удочку. Клёв был хорош. И лишь единожды удача отвернулась от меня. Я, потеряв бдительность, забросил грузило подальше, к самому краю протоки... А вытянуть леску не смог – зацепился крючок мой... Я нырнул в надежде отцепить... Но в том месте было глубоко и темно... Вдруг там сом сидит и поджидает жертву?! А тут я. Нате, ешьте... Я в панике вынырнул и быстро забрался в лодку. Ну и ладно! Не очень-то и хотелось... У меня ещё есть удочка. Потянув сильно и резко, я сломал крючок. Собрал бесполезную уже удочку и, закинув её в сумку, извлёк другую, с двумя крючками. Насадив червя только на один, самый верхний крючок, закинул. Рыбалка продолжилась, и скоро кукан стал полнее прежнего и совсем неподъёмным... Понадёжнее закрепив пойманную рыбу, сложил удочки. Взяв, указанную мне тыкву, отправился искать собирающих ягод. И уже скоро нашёл их по голосам. Они напевали старинные песни...

- Вы чего это поёте в лесу?

- А, пришёл?! Змей отпугиваем. А то их тут пруд пруди... Укусит, и поминай как звали! А жить то ещё хочется, вот и на свадьбе твоей погулять, например...

- Я никогда не женюсь!

- А что так?

- Все девчонки вредные. Только жизнь себе портить...

- Во, как! Настя, слышала? – Засмеялась бабушка.

- Все они так говорят... Аппетит приходит во время еды! – подала голос баба Настя где-то поблизости, из-за куста ежевики.

- Аппетит здесь причём?! – Обиделся я. – Все девчонки вредины, ябеды и зазнайки...

- Ты здесь осторожней! – Сказала мне резко моя бабушка. – Там вон внизу большое осиное гнездо... Заденешь их – убежишь, как ошпаренный... Осторожней будь, смотри внимательней и их не трогай. Мы не трогаем их, они не трогают нас. Понял?

- Ес! Понял...

И я включился в процесс. Бабушки опять запели песни, распугивая змей, а я не торопясь ел и складывал ежевику в горянку, висевшую у меня на шее и болтавшуюся у живота... Бабушки очень быстро ушли вперёд, их голоса слышались где-то далеко впереди. Мне в который раз попалось осиное гнездо, да ещё какое! Большое, огромное! На нём плотно копошились осы. Одни, взлетая с него, другие - садясь, занимали их места. И как на зло вокруг этого гнезда на ветвях кустарника много ягод... А мне ещё половину горянки собирать! Здесь бы я смог набрать горянку и ещё вдоволь наесться! И я решил, взяв ветвь подлиннее, чтоб не покусали, скинуть гнездо. А потом подойти, когда всё успокоится, и собрать. Решено - сделано! Я нашёл длинную ветвь, подкрался и сбросил гнездо. Оно тяжело упало в траву, несколько раз ударяясь о нижние ветви. Осы закружились вокруг куста и отдельные потянулись в мою сторону. Я решил бежать. Быстро продравшись сквозь кустарник и траву, выскочил на берег и забрался в лодку. Так, на всякий случай, чтоб если что, в воду нырнуть... Моя горянка осталась возле куста. Не потерять бы её... Но всё было спокойно. Хорошо! И я, сидя на борту лодки, у кормы, принялся её раскачивать, как на качелях... И вдруг! Ой! Ай! Ой... Ай... Из зарослей вылетают бабушки, и громко топая ногами, в резиновых сапогах бегут в мою сторону... Я испуганно подскочил в лодке.

- Что такое? Волки?

Лодка продолжала раскачиваться, и я потерял равновесие, падая за борт, уцепился ногой за скамью... Лодка перевернулась. И я, погрузившись в воду, с ужасом увидел, как в воду погрузился, подняв облако муты со дна, бабушкин самовар. Когда они успели его в лодку положить?!

Вынырнув, я увидел сидящих, по шею в воде бабушек.

- Ну что, доволен?! Говорила же, не трогай ос! Балбес стоеросовый! Шлындаешь, где не надо... – накинулась на

меня бабушка.

- А я-то здесь причём? Я тут был...

- Вот именно: ты тут был! А должен был собирать ягоды... Значит, сбил и сбежал... Кусайте осы бабушек! Они быстро бегать не умеют... Лодку перевернул... Хорошо, Настя отговорила собирать всё в лодку, а то бы и ягоды плавали сейчас...

- Ой, Прасковья! – Воскликнула баба Настя. – А самовар-то в лодке был. Я сама же его ставила...

Я, не говоря ни слова, нырнул. Уф... Кузан с рыбой был по-прежнему привязан к корме... А то накрылась бы моя рыбалка медным тазом, как говорят бабушки. А самовар... Я огляделся под водой. Муть, поднятая паденьем самовара, рассеялась, и он лежал на боку, отражая солнечную рябь воды... С первого раза вытащить его мне не удалось, но после двух погружений я его зацепил и, пройдя почти что пешком по дну, извлёк на поверхность.

Бабушки уже стояли на берегу. Мокрые. И сокрушённо смотрели, то на меня, стоящего с самоваром в воде, то на перевернутую лодку...

- Переворачивай и суши лодку, – сказала вздохнув бабушка. – А мы пойдём, соберём рассыпанную ягоду. Хорошо хоть парус сухой... на берегу остался... А вёсла где?! Уплыли? Как мы добираться будем...

Я нырнул под лодку. Вёсла были на месте. Застрали уключинами в гнёздах...

- Порядок! – Вынырнув, радостно выдохнул я. – На месте! Есть у нас вёсла...

- Суши лодку, балбес...

Кое-как я перевернул лодку, но она была полна воды. Как я её вычерпаю, да ещё в таком количестве? Подумав, я решил её перевернуть опять верх дном и, затащив носовую часть на ближайший корень, приподняв, перевернуть... Так я и поступил. Тяжело, но я её вытащил на корень, почти до половины... С приподниманием такой тяжести оказалось сложнее, и потому перевернул,

как получалось... Результат меня порадовал – воды было немного. И я взялся алюминиевой кружкой вычерпывать воду...

Когда пришли бабушки, воды почти не было... Так, немного болталось под мостками...

Глядя на бабушек, я подумал, как хорошо, что они не носят с собой зеркало. В старом комедийном фильме я видел такое же лицо у заправщицы, которую покусали пчёлы...

- Славик, загружаемся! Укладывай вещи к корме, а ежевику сложим в нос лодки...

Самовар вернули в лодку и поставили его на середину. Все вещи я загрузил в корму, так, что там оставалось место только для ног. На носу лодки бабушки постелили разобранные мешки и ссыпали всю ежевику, что не уместилась в ведра и горлянки.

- Рыбу с кукананими, она нам мешать будет плыть... Убери её под мостки, там, где вода. Понятно? И собери хворост, чтоб самовар в дороге растопить...

- Что, прямо в лодке? А если...

- После того, как ты её утопил, ей пожар не страшен.

Я понял, что лучше помолчать, – они ещё не отошли от потрясения. Собрал хворост. Пришлось опять выкладывать вещи с кормы, чтоб уложить рыбу под мостки. Добавил улову немного воды и вновь сложил вещи. И мы наконец-то отчалили от этого щедрого на приключения острова. Мне даже не пришлось грести. Бабушки шестом, по очереди передавая его друг другу, вывели лодку к большой воде. Мы дружно поставили парус и лодка, вновь почувствовав силу ветра, понеслась вперёд. Вновь вдоль бортов зажурчала стремительно проносящаяся вода. Река уже не была пустынной, как утром. По ней проходили моторки, проносились алюминиевые шлюпки с мощными «вихрями»...

Моя бабушка растопила самовар. А я сидел на корме с веслом и правил лодкой. Бабушки сидели на мостках

лодки, на дне её, опершись спинами о борта, что-то жевали и явно ждали чай. Они то и дело посматривали на самовар. А может, переживали, что он перевернётся?

Обгонявшие нас на современных скоростных моторках и шлюпках люди весело махали нам руками, показывая друг другу то на наш латаный парус с ржавыми пятнами, то на дымивший, как паровоз, самовар. Обгонявшие улыбались нам, а некоторые и вовсе откровенно хохотали. Уж не знаю, над чем, - то ли над парусом, то ли над самоваром, который дымил в лодке, а может, над распухшими от укусов ос лицами старушек... Мне на корме было неудобно. И я завидовал всем этим людям в лодках и шлюпках. Мне было стыдно сидеть в старой лодке с латаным парусом и самоваром, дымящим в мою сторону. И я отворачивался и от этого дыма, и от этих ликующих людей, и от лиц бабушек, покусанных осами. И мечтал побыстрее добраться до дома и скрыться от всего этого. Мне было стыдно...

Но я тогда ещё не знал, что и этот латанный брезентовый парус, и этот дымящийся самовар, и эти покусанные лица навсегда останутся в моей памяти добрым и светлым воспоминанием. Я тогда ещё не знал, что буду помнить об этом всю оставшуюся жизнь.

ПАПА В ПОДАРОК

повесть

Плотный облачный покров, безмятежно клубясь, укрывает планету от горизонта до горизонта. Где-то внутри этого пушистого покрывала, в рое мелких дрожащих капель влаги, с шелестом и треском формируются снежинки. С каждой секундой их становится всё больше и

больше... С каждой секундой эта масса, как лебединый пух из подушки, срываются вниз, к земле, поглощаемой вечерним сумраком. Точно так же, как снежинки, где-то в неведомом пространстве формируется наша линия судьбы и перипетии будущего. Того самого будущего, что, ложась на землю, как снег, становится нашим настоящим.

Новогодние пожелания детей

Декабрьский вечер был тёплым и слякотным. С шипением и хлюпаньем проносились по дорогам машины, забрызгивая зазевавшихся прохожих кашей из льда и воды.

К обочине подошла молодая женщина, огляделась по сторонам, оценивая возможность проскользнуть сквозь поток машин. Она делала шаг вперёд, потом, видимо, не решаясь перейти дорогу, возвращалась назад к обочине. Снова ступала на дорогу и вновь делала шаг назад.

Наконец, она решилась перебежать дорогу, чуть не попав при этом под колеса проезжающей за спиной машины. Высвечиваемая светом фар и оглушаемая звуками истеричных клаксонов, как ругательств вослед, она скрылась в сумраке кустов и деревьев на противоположной стороне дороги.

Обогнув угол жилого дома, молодая женщина сменила быстрый шаг на семенящий бег. Цокая каблучками, пробежала вдоль дома к воротам в ограждении, за которым скрывалось строение детского сада. И вновь перейдя на шаг, пошла по аллее. Справа и слева от неё располагались беседки, песочницы и игровые площадки.

Она спешила, чётко рисуя в своём воображении полутёмные пустые коридоры детского сада, холод, идущий от пустоты, и эхо... Наверное, сынишка сейчас в саду один... Всех детей уже разобрали...

Молодая женщина подошла к крыльцу здания и, быстро взойдя по ступеням, открыла дверь парадного входа. Мгла дверного проёма поглотила её. Послышалось клацанье защёлки.

Она шла по гулкому безлюдному коридору. Цокот её каблучков эхом разносился по коридорам здания. Пройдя до конца, женщина остановилась возле приоткрытой двери в группу. Послышались голоса детей. Вздых облегчения вырвался из её груди. Полушепотом произнесла:

«Не один...» Взялась за дверную ручку, открыла дверь и, осторожно ступая, прошла дальше.

Спиной к женщине сидела воспитательница. На скамейке, напротив неё, сиротливо и насуплено - трое детишек, чьи родители потерялись в суеде вечернего города.

Один из детей, увидев стоящую в дверном проёме женщину, вскочил со скамьи и с громким возгласом: «Мама!» побежал к ней навстречу. Воспитательница повернулась и укоризненно посмотрела на стоящую в дверном проёме.

- Добрый вечер, Клавдия Александровна! Простите – работа...

- Да, да, я понимаю... Как видите, сегодня Вы не одна такая. Только и нас ведь дома ждут!

- Клавдия Александровна... Конец года... - пыталась оправдаться опоздавшая родительница, - работы навалилось... Надо всё успеть до Нового года... Шеф у нас...

- Ладно, Ирина Владимировна, что тут говорить... - Клавдия Александровна подошла к Ирине, взяв её под локоток. А потом обратилась к мальчику, держащему маму за руку, - Сашенька, посиди пока с детками – мне с твоей мамой поговорить надо.

Ребёнок нехотя выпустил руку мамы и подошел к скамье, где сидели дети. Но не сел вместе с ними, а продолжал смотреть на маму, стоящую рядом с воспитательницей.

Клавдия Александровна подвела Ирину к окну в дальний угол комнаты, подальше от воспитанников. Заговорила шепотом, так, чтобы не слышали дети:

- Мы тут в саду по всем группам собирали пожелания детей, какой подарок они хотели бы получить от Деда Мороза, под ёлочкой... Вам будет интересно - Саша сказал, что на Новый год хочет, чтобы папа приехал... Вы уж побеседуйте дома с сыном. Объясните как-нибудь ребёнку... про папу... Он же у Вас умничка! Скоро начнёт задавать очень неудобные вопросы... Скажите, как

раньше говорили, что папа погиб геройски на войне... какой-нибудь... Или лётчиком был, а самолёт разбился... Ну, не мне Вас учить, Ирина Владимировна, ради блага сына придумайте что-нибудь. Хорошо? Пожалуйста, я Вас очень прошу. И не затягивайте с этим.

Краска стыда залила лицо Ирины. Стыд и возмущение, переплетаясь, перехватили дыхание. Ирина промолчала. Отошла от Клавдии Александровны и обратилась к сыну:

- Саша, пойдём одеваться...

Ирина вышла из группы и, подойдя к шкафчику своего ребёнка, достала куртку. Молча и как-то заторможенно смотрела на подошедшего к ней Сашу.

- Мама, ты чего? Мама...

Ребёнок дергал за свою куртку в руках мамы.

Ирина, стряхнув с себя оцепенение, присела на скамейку у шкафчика и начала одевать сына. Одев его, встала и внимательно на него посмотрела...

В это время вошли ещё двое - мужчина и женщина, смущённые своим опозданием и всем своим видом демонстрировавшие раскаянье. Поздоровались с Ириной и Клавдией Александровной, показавшейся в дверях.

Мимо воспитательницы проскользнули дети и с радостными возгласами бросились к своим родителям.

Ирина, наклонившись к сыну, поправила капюшон и рукавички. Взяла ребёнка за руку и, не поднимая головы, попрощалась. Они с сыном вышли в гулкий коридор. К их шагам прибавились шаги спускающихся со второго этажа.

Вывравшись за пределы садика, Ирина сбавила шаг. Холодные порывы ветра скользили по разгоряченному лицу Ирины, остужая и размазывая слёзы. Саша, держась за руку мамы, шёл молча. От чего Ирина ещё больше чувствовала себя виноватой перед сыном.

- Саша, ну что ты молчишь? Расскажи, как прошел

день, что делали в саду?

- Мама, ты обиделась на меня... Я сказал, что хочу, чтоб папа приехал к нам на Новый год. Я понимаю: он не приедет – он далеко... Зарабатывает деньги...

Ирина уже в который раз казнила себя за то, что когда-то солгала сыну. Не сумев придумать ничего лучше, сказала: папа зарабатывает деньги далеко-далеко отсюда, заработает и вернётся. Но время шло, а жизнь всё не складывалась... Тяжело вздохнув, Ирина остановилась, отпустила руку сына. Посмотрела на ребёнка и, немного помолчав, сказала, демонстрируя всем своим видом радость и задор:

- А не купить ли нам, молодой человек, тортика к чаю? И... «сникерс» тоже...

- Да, мама, купить! И мороженое тоже... Пошли скорее в магазин!

Мама взяла сынишку за руку и они свернули в сторону от намеченного пути.

Базз Лайтер

Ирина с сыном прошли по тротуару к стеклянным дверям торгового центра. Окна магазина были украшены снежинками и гирляндами, еловыми ветвями. Всё искрилось и мигало. Вокруг – суeta! Люди с большими пакетами выходили из раздвижных дверей. Ирина, придерживая Сашу за плечо, пропустила шумную компанию молодых людей, неудержимо, как лавина, стремившихся побыстрее войти в магазин, и прошла вслед за ними.

Просторное фойе, где справа и слева за стеклянными стенами спрятались магазинчики, торгующие одеждой и бижутерией, обувью и игрушками. Справа, возле входа в один из бутиков, располагалась лестница, ведущая на второй этаж.

Ирина с Сашей двигались в потоке покупателей мимо

витрин бутиков. Возле витрины с игрушками Саша, выпустив руку мамы, подошёл к стеклянной стене и сквозь неё посмотрел внутрь. Там он увидел девочку, державшую большого серого плюшевого медведя. Девочка пыталась спрятать игрушку за своей спиной от женщины, видимо, мамы, что-то ей говорившей. Девочка, опустив голову и отдав игрушку, сложила руки на груди и села на пол...

Саша, прислонив лицо к стеклу, пытался разглядеть все происходящее за этой стеклянной преградой. В это время женская рука опустилась ему на плечо. Он вздрогнул и обернулся.

- Мама! Ты меня напугала.

- А ты меня, маленький проказник! Я думала, что тебя потеряла.

- Мам, давай зайдём? Посмотрим одним глазком?

Саша произнёс это с умоляющими интонациями и выжидательно посмотрел на маму.

- Ну, если только одним глазком... пошли.

Ирина, слегка похлопала ладошкой ребёнка по спине, подтолкнув ко входу в бутик игрушек.

Возле стеллажей с игрушками дети и их родители смотрели, выбирали... Некоторые из счастливых маленьких обладателей новой игрушки, опережая родителей, бежали к кассе.

Ирина расположилась недалеко от входа, предоставляя Саше возможность осмотреться. Мальчик прошёл вглубь магазинчика и остановился возле игрушек. Бегло осмотрев одни, переходил к другим...

В это время внимание Ирины привлекли крики ребёнка в правой части магазина. Уже весь магазин смотрел в ту сторону на кричащего мальчугана. Он катался по полу, дёргая ногами, и кричал:

- Купи! Ку-уу-пи... Купи её!

Возле него стояла молодая женщина, растерянно и беспомощно улыбаясь.

К лежащему на полу мальчугану подошла девочка, ровесница или даже младше его. Подошла вплотную. Мальчишка, не обращая на неё внимания, продолжал канючить:

- Купи! Ку-уу-пи...

Девочка перевела свой взгляд с мальчика на его маму и вновь на мальчика. Слегка пнула его по ноге, пытаясь привлечь к себе внимание. Мальчик замолк и, повернув голову, посмотрел на нагую девчонку.

- Что психуешь, шкет?

- Мама... не хочет... мне купить... литл пони... - плаксиво ответил лежащий на полу мальчишка.

Девочка пожала плечами и сказала, обращаясь к его маме:

- Игрушка для девочек же... Ну и мужики пошли!

Девочка развернулась и пошла к стеллажам с игрушками. А наблюдавшие за этой сценой родители прыснули от смеха. Их дети, стоявшие рядом, хихикали, показывая пальцами то на мальчугана, то на девочку.

Мамочка стала поднимать с пола своего крикуна, а Ирина посмотрела в сторону, где только что стоял Саша. Не увидев его, прошла дальше к полкам с игрушками, озираясь по сторонам. И вдруг заметила его в просвете между разошедшимися по сторонам детьми постарше и выше Саши. Саша стоял возле полки с машинками и водил пальчиком по коробке. Ирина, подойдя ближе, увидела коробку с изображением поезда и железной дороги.

- Саша, пойдём. Мы пока не можем это купить.

Ирина оглянулась на ближайшие стеллажи с игрушками и увидела Базз Лайтера.

- Саша, давай тебе купим Базз Лайтера? Тебе же он нравится, правда? Помнишь мультик «Игрушечные истории»?

Саша удручённо кивнул головой и пошёл к полке с Базз Лайтерами. Взял коробку с одним из них и протянул маме.

- Нет, держи сам. Пойдём, малыш, к кассе.

Дождавшись на кассе своей очереди и рассчитавшись за покупку, мамам с сыном вышли из магазина. На выходе Саша остановился, оглянувшись на коробку с игрушечной железной дорогой.

- Саша, идём. Нам ещё покупать торт и «сникерс»...

- И мороже-ее-ное, мама...

Саша, растягивая слово, смешно качал головой, как бы упрекая маму в забывчивости.

- И мороженое, Саша, и мороженое.

Ирина с Сашей вышли.

Пройдя до конца этот коридор соблазнов, они вошли в торговый зал большого продуктового магазина с несколькими кассами, возле каждой из которых стояло в очереди человек двадцать.

- О, мама! Как много здесь нас!

- Нас, Саша?

- Покупателей.

Ирина улыбнулась ребёнку.

- Ну, пошли, вольёмся в коллектив. Не будем отставать.

Они прошли в торговый зал и направились к витрине с тортами. Выбрав торт, прошли в секцию шоколада и конфет, взяли пару шоколадных батончиков и направились к кассам занимать очередь.

Саша неожиданно остановился и, держа два батончика перед собой, развёл руки в стороны.

- Ма-ааа-ма... Мы забыли мороженое купить.

- Точно, дорогой, я не специально. Пойдём, посмотрим, что там есть. Может, уже всё разобрали. Видишь же, сколько нас, покупателей.

Ирина с Сашей подошли к холодильнику с мороженым.

- Так-с... Есть ванильное, клубничное...

- Клубничное... клубничное... - закричал Саша, подпрыгивая от нетерпения.

- Тише ты! Что подумают люди?! – Ирина посмотрела на Сашу, доставая ведёрко с мороженым.

- Они подумают, что я оче-ее-нь люблю мороженое, - засмеялся Саша, глядя на маму.

- Точно так они и подумают... Но все же води себя приличней. Ну всё, можем идти к кассе.

Пройдя мимо изобилия продуктов, кричащих упаковками «выбери меня», они подошли к одной из очередей возле касс. Обслуживание двигалось медленно – все с продуктовыми корзинами, заваленными доверху продуктами.

Несколько раз пройдя вдоль очереди и поизучав покупателей и их покупки Саша подошёл к маме:

- Мама, я выйду, подожду тебя на улице? Мне жарко.

- Нет, Саша. Только не на улицу. Можешь подождать меня возле выхода...

Саша молча кивнул головой и, протиснувшись сквозь очередь, направился к выходу. Остановился в стороне от раздвижных дверей возле витрины с DVD-дисками и стал изучать картинки на них.

Ирина, ожидая своей очереди, приглядывала за Сашей. К витрине с дисками подошли девочки-подростки и, сделав покупку, спросили о чём-то Сашу. Он им ответил, и они засмеялись.

Расплатившись на кассе, Ирина подошла к сыну и, наклонившись к нему, хотела поцеловать в носик.

- Мама, не целуй меня в носик, я уже большой.

Саша отвернувшись посмотрел куда-то в сторону. Ирина, проследив за взглядом сына, заметила стоявших рядом девочек-подростков, покупавших диск. Они что-то весело обсуждали, поглядывая на Сашу.

Выпрямившись, Ирина усмехнулась и с удивлением взглянув на ребёнка, подумала: «А время действительно летит».

- Ну, что ж, молодой человек. Извольте пойти со мной домой. Вот тебе ведёрко с мороженым, неси аккуратно и не урони.

- Ты так странно со мной разговариваешь... Не урону. Я уже большой, мама.

Программист

Раннее утро. Офис с аккуратно расставленными кульманами и столами. За ними сидит несколько женщин (одна из них Ирина) и один мужчина - начальник конструкторского бюро. Он внимательно изучает бумаги, лежащие на столе, изредка поглядывая на сотрудниц. Стол его завален толстенными папками, ноутбук закрыт. Раздаётся трель сотового телефона.

- Ну, что за ерунда, опять?! Куда он завалился, - шеф попытался найти среди бумаг свой сотовый.

Переложив несколько документов в сторону, ответил на звонок:

- Да, Пётр Иванович, здравствуйте. Да, конечно... успеваем... Спорткомплексом «Орбита» занимается Ирина Владимировна... Да, конечно, в срок... Да, к Новому году... Хорошо, в одиннадцать часов у Вас.

Во время разговора шеф встал и нервно заходил по офису. Закончив разговор с Петром Ивановичем и, подойдя к своему столу, хотел положить сотовый телефон на стол, но глянув на бумажный завал, передумал. Повернулся к Ирине:

- Ирочка, что Вы такая хмурая с утра? Злитесь на меня? Вот и гендиректор нашей работой интересуется, беспокоится – уложимся ли в срок. А мы обязаны сдать проект вовремя. Чтоб потом спокойно отдыхать в новогодние праздники с семьёй и детьми. Вы же хотите с семьёй их провести, а не здесь, в офисе. В пустом здании, к слову сказать... Вы уж извините, но у нас с Вами осталось только несколько дней. Вы - ведущий специалист, а это, знаете ли, не только зарплата, но и...

Ирина в гнев вскочила из-за стола. От возмущения потеряв дар речи, она лишь разводила руками в стороны, как бы охватывая всё помещение и показывая на весь этот бардак на столах сотрудников. Наконец, она нашла слова.

- Да какая зарплата!? – взорвалась Ирина. – Платили

бы нормально, я не переживала бы, что ребенка некому забирать из сада! Наняла бы няню. Сначала учимся несколько лет – потом получаем меньше, чем дворники... Зарплата... Ведущий специалист...

Произнеся эту тираду, Ирина опять принялась размахивать руками. Направилась к выходу из кабинета и, хлопнув дверью, вышла в коридор. Подошла к лестнице, ведущей вниз. Но остановившись у перил и пропустив двух сотрудниц отдела снабжения, передумала спускаться. В конце коридора её взгляд привлёк проём окна. Ирина пошла за женщинами.

Подойдя к окну замерла, глядя в пространство за стеклом. Серый утренний сумрак вызывал тягостное тоскливое чувство. Вместо снега, обещанного прогнозом погоды, моросил дождь.

Прижавшись к стеклу лбом, она прикрыла глаза. За спиной хлопнула дверь кабинета, и знакомые каблучки зацокали в её сторону. Ирину обдало ароматом ярких и глупых духов. Раздражение всколыхнулось ещё больше. Ирине казалось, что сегодня её все достают, лезут в душу... Не открывая глаз и не отрываясь от стекла спросила:

- Марина, ну что тебе?

- Ира, что с тобой сегодня? Даже шеф стушевался - покраснел, сел, уткнувшись в бумаги, что-то нервно пишет...

- Вот и пусть работает! Он - начальник отдела, а не я! Поставили же тупицу начальником! Он, наверное, и не учился, а только мечтал, как он будет «начальником»! Мозгодёр...

- Да ладно тебе! Что случилось? Расскажи!

- Случилось?! Случилось! Сашка вчера в саду выдал: хочет в подарок на Новый год папу! Что мне ему сказать?! Где я ему папу возьму?! В бюро проката?

- А что, идея! Несколько дней выходных... Можно разыграть приезд папы. Мальчишка будет доволен, и у тебя время ещё будет...

- Одна маленькая ложь порождает множество больших... Да и что мне, на груди объявление повесить? Такая-то такая-то ищет сыну папу на Новый год! Анонимность гарантирую, бесплатное проживание и тысяча и одно удовольствие в придачу!

- Какая ты сегодня злая! Помнишь, новенького программиста? Ну на прошлой неделе приходил, настраивал принтер и компьютер? Так вот... Он не местный... Он по перераспределению сюда приехал... Так вот... У него никого здесь нет. Он сам мне об этом говорил... Ему всё равно, с кем встречать Новый год! А тут женские ручки всё приготовят, приголубят и приласкают...

- Всё равно с кем?! Я что, уже стала «всё равно с кем»? Щас! Ещё и в постельку уложат... Ты хоть иногда думай, Марина, что говоришь! Ладно, хватит трепаться, пошли работать... А то шеф не переживёт своего провала перед руководством.

Женщины направились по коридору к их конструкторскому отделу. Марина открыла дверь и пропустила вперёд Ирину, а затем вошла сама.

День промчался незаметно. Сумерки опустились на город. В окнах зданий вспыхивали огоньки... В опустевшем отделе, кроме Ирины, остался только шеф, необычайно смирный и тихий. Собираясь, Ирина думала о предложении Марины: а может быть, и вправду попробовать... В глупую голову приходят иногда и светлые мысли...

В коридоре её окликнули. Повернувшись на голос, увидела Марину с парнем возле окна и поняла: это он, новенький программист. Подходя к ним, оценила: а он ни-че-го-о... симпатичный.

- Ирина, познакомься – Паша! Я ему всё объяснила, и он согласен. - И как Вы, Паша, себе это представляете?! Марина не думает, что предлагает...

- Да Вы не переживайте – постелете мне где-нибудь

отдельно, беспокоить не буду, приставать не буду...

- Забавно! Значит – не будете?! Забавно, забавно... Я подумаю... А как я объясню ребёнку, почему его папа спит отдельно, на раскладушке, например... А? Ладно, до завтра - тогда и поговорим. Я спешу в сад, за ребёнком.

Ирина развернулась и отошла от них. Сделав несколько шагов, она остановилась и в пол-оборота глядя на Павла произнесла:

- Я... я рада с Вами познакомиться... Паша...

- Взаимно, Ирина.

Ирина ушла, скрывшись в потоке выходящих из кабинетов людей.

- Паша, ну? Как тебе моя подруга? Симпатичная, правда?

- Симпатичная... Надеюсь, в домашней обстановке она не будет такой серьёзной и строгой.

- Паша, всё, пошли по домам. Будет утро, будет день...

- Кому по домам, а кому и в гостиницу...

Марина взяла Павла под руку, и они пошли по опустевшему коридору.

Ужин у родителей

Город жил предпраздничной жизнью, в садах и школах проходили новогодние утренники. В воздухе висел аромат шоколада и цитрусовых. Для полноты ощущений праздничности не хватало только снега. И все эти дни горожане с надеждой поглядывали в небо – нет ли намёка, хоть маленького, на снег. Заглядывали в прогноз погоды в интернете. И ничего!

Но природа любит одаривать нас сюрпризами, тем более, если сюрприза ждёт весь город. И однажды пошёл снег. Он шёл, засыпая всё, где мог задержаться хоть на мгновение, опускался на головные уборы, плечи и лица. Люди с удивлением смотрели вверх, подставляли ладони снежинкам, жмурились от удовольствия. Девушки мор-

пили носики от попадающих на лицо и ресницы снежинок.

Снег белыми пушистыми хлопьями засыпал всё вокруг. Нависал мохнатыми шапками на киосках и припаркованных машинах. Назойливо лез прохожим за воротники. Но люди не хмурились. Они улыбались.

Большая длинная кухня с двумя широкими окнами, смотрящими на участок, огороженный невысокой изгородью, и на дорогу, пролегающую вдоль коттеджного посёлка. Длинный кухонный стол с мойкой и газовой плитой смонтирован по длине помещения, вдоль стены с окнами.

Две молодые женщины, Лариса и Ольга, мыли и нарезали овощи, изредка посматривая окно. В помещение вошла Галина Николаевна, мама девушек:

- Так, девочки, ещё чуть-чуть, и я помогу вам. А что, где наша Ирина? Звонили ей?

- Нет, мам, не звонили... - ответила Ольга.

- Когда она не опаздывала? У неё же семеро по лавкам... не успевает, - дополнила Лариса.

Девушки засмеялись.

- Ну, не надо смеяться над младшей сестрой, не надо. Может, она не одна приедет, а... - сказала Галина Николаевна, переставляя посуду на кухонном столе.

- Конечно, не одна – с Сашкой... Он у неё главная любовь... Да и с её работой... В лучшем случае такого же бедолагу найдёт. Мой Иван предлагал ей работу в фирме, она отказалась, зачем, говорит, я столько училась, чтоб в приёмной сидеть? – не удержалась от едкого замечания Лариса, старшая из сестёр.

- О, смотрите! Максимка подъехал... С Наташей и Владиком! - воскликнула Ольга, приветливо помахав рукой прибывшим.

Женщины посмотрели в окно. Их старший брат Максим извлекал припаркованной машины пакеты с продуктами. Наташа, его супруга, взяла два пакета. Один

- тот, что поменьше, вручила сыну и направилась к дому.
- Пойду открою!

Мама пошла открывать дверь семье сына.

- Расфуфырилась, как на бал. Фифа... - Лариса смо-
трела в окно на Наташу.

- Да ладно тебе! Ну, такая она – надо блеснуть звез-
дой, – защитила невестку Ольга.

- Пусть блеснит... Но не на семейном ужине же бле-
стеть?! Это же не подиум, это семейный ужин, место, где
собираются близкие люди...

На кухню зашел Максим с двумя большими продук-
товыми пакетами в руках и Галина Николаевна с паке-
том, что был у Наташи.

- Привет, сестрёнки! Что так тихо стоим? А? – засме-
ялся Максим, заговорщически подмигнув сёстрам. По-
ставив пакеты на стол, поцеловал сестёр в щёки.

- Там фрукты, вино и ветчина. А здесь, у мамы, сла-
дости. А где ведёрко с мороженым? Владик!

Максим повернулся к выходу из кухни и позвал сына.

На зов отца прибежал двенадцатилетний Владик и
принёс мороженое.

- Здравсти! Папа извини, Злат отвлёк... Что!? Оно не
успело ещё растаять.

Владик убежал. Вошла супруга Максима Наташа:

- О чём вы тут секретничаете, сестрички?

- О тебе, конечно, Наташа! Ты же знаешь... - съязви-
ла Лариса.

- Знаю, знаю... Это у вас, девочки, такая скрытая
форма любви ко мне.

Наташа засмеялась, обнимая сестёр. Лариса, сло-
жившая руки на груди, при появлении Наташи на кухне
вынуждена была ответить на объятия невестки:

- Девочки, ну чем мне помочь вам? Какой фронт мне
выделите? Надеюсь, не чистка картофеля?

- Не переживай – не запачкаешься, - ответила Ната-
ше Лариса. - Картофель уже и почищен, и готовится...

Кстати, о картофеле...

Лариса кинулась к духовке, приоткрыла её.

- Уф, нормально всё... Думала, что пригорела наша картошка с уткой.

Лариса закрыла духовку, подошла к столу и взяла бутылку газировки, налила в стакан. Глядя на Наташу, обратилась к ней:

- Тебе, Наташа, задание - помыть фрукты и отнести в гостиную, да, и сладости тоже... Потом поможешь нам с салатами. А вот и наша Ирина с Сашкой. Появились, наконец-то. Будто из Пекина сюда добирались, -

Лариса показала рукой в окно.

Максим вместе с сёстрами помахал рукой Ирине.

- Пойду, встречу их, - сказал Максим и вышел из кухни.

Из прихожей доносились радостные голоса. Слышался топот и визг детей. Наташа долго приглядывалась к Ольге, а потом подошла и прикоснулась к её животу:

- И сколько нам уже, а?

- Пятый нам уже. Пятый... - ответила со смехом Ольга. - Разве уже заметно?

Ольга заулыбалась и слегка погладила округлившийся животик.

- Заметно, если быть внимательной... Я же все-таки модельер, это моя профессия - видеть фигуры...

К ним подошла удивлённая Лариса:

- Что, правда что ли?

На кухню вошла Ирина и на секунду появился в проёме двери Саша:

- Здравствуй, тётя Наташа, тётя Лариса, тётя Оля.

И со смехом, громко топоча по лестнице, убежал на второй этаж, в детскую.

В гостиной звучал телевизор. На диване сидел Максим, а в кресле напротив - его мама Галина Николаевна:

- Максим, ты уже сказал Наташе?

Максим поморщился и подёрнул плечами:

- Нет, мама, ещё не говорил. Думаю, или сегодня после ужина, или... -

Максим смущённо засмеялся, - или тоже сегодня, но... скажет папа. Может так и лучше...

Галина Николаевна сокрушённо покачала головой:

- Когда же ты повзрослеешь, мой Максимка? Ты думаешь, ей будет приятней услышать от папы, а не от тебя? Но я не удивлена – ты с детства такой хитрюля... Помнишь, когда ты папин аккордеон разобрал? И подстроил так, что Лариса ему рассказала...

Максим громко расхохотался и, утирая выступившие на глазах от смеха слёзы, ответил:

- Мама, и ты это до сих пор помнишь?

- Проказничают все, но не все перекалывают меру ответственности на других, Максим.

В гостиную вошла Наташа, неся перед собой вазу с фруктами.

- Ну-ка, ну-ка... Что там про проказы и меру ответственности?

Наташа прошла к большому столу возле окна и поставила вазу в центр.

- Ничего, дорогая. Ни-че-го! Это мы с мамой вспомнили давнюю историю из детства... Вам на кухне моя помощь требуется?

В это время в гостиную вошла Ирина с конфетницей:

- Требуется, Максим. Надо ветчину нарезать и варёную говядину.

Максим встал и вышел из гостиной.

Зазвонил сотовый телефон, лежащий возле телевизора. Наташа взяла телефон и посмотрела на дисплей. Протянула Галине Николаевне:

- Галина Николаевна, это Сан Саныч.

Галина Николаевна, не вставая из кресла, взяла телефон из рук Наташи и ответила:

- Да, Саша... Ты уже едешь домой? Прекрасно. Сейчас спрошу. Девочки-и-и... Папа едет домой, ему надо заехать в магазин? Нам нужно что-нибудь?

Галина Николаевна встала и ушла с телефоном на кухню.

Наташа села в только что освободившееся кресло. Взяла в руки пульт управления телевизором, лежавший в кресле, и стала переключать каналы... Переключившись несколько раз, остановилась на музыкальном, сделав звук громче.

Наташа прикрыла глаза и стала пританцовывать в кресле, приподнимая руки вверх.

Вернулась Галина Николаевна. Некоторое время смотрела на Наташу, самозабвенно танцующую в кресле с закрытыми глазами:

- Наташа... На-а-аташа-ааа...

Наташа приоткрыла один глаз и продолжала пританцовывать:

- Что, Галина Николаевна, я Вам нужна?

- Да. Нужна. Пойдём, поможешь мне с пирогом.

- Да зачем нам пирог, мама? У нас и так, как в пещере Алладина...

- Али-Бабы, Наташа. Пойдём, это ненадолго – его уже испекли.

- Да без разницы. Всё равно – пещера сорока разбойников, а не их...

Наташа встала с кресла, и обе женщины ушли на кухню.

На кухне кипела работа, всё были заняты делом. Максим только что закончил с разделкой варёной говядины, положил себе в рот кусочек и, закрыв глаза, пережевывал его с улыбкой на лице. Ирина в большом блюде приготовила салат и хотела его нести на стол. И в тот момент, когда вошли Галина Николаевна и Наташа, раздался грохот и крики детей на втором этаже. Топот ног по лестнице. Максим от неожиданности поперхнулся и закашлялся. Женщины, вытирая на ходу руки, кто о полотенце, кто о передник, направились к выходу из кухни.

В это время в кухню вбежал Саша и спрятался за Ирину. За ним вбежал Владик, держась рукой за голову:

- Где он? Он меня стукнул джипом по голове. Вот, смотрите...

Наташа подскочила к Владику, отвела его руку и посмотрела на голову:

- Ссадина! Вот... пришли в гости!

Наташа смотрела на Ирину с нескрываемым раздражением. Возле Владика собрались обе тётки и бабушка. Ирина и прячущийся за ней Саша стояли в одиночестве почти по центру кухни, у стола. Максим, красный от каши, остался на своем месте, открыл газировку, налил в стакан и залпом выпил её.

- Отойдите! Дайте посмотрю. Руку убери, кому говорю?! – тоном, не терпящим возражений, сказала бабушка. - Ничего страшного! До свадьбы заживёт. А теперь рассказывай – за что.

- Галина Николаевна, какая разнится, за что?! – стала возмущаться Наташа. - Он же моему сыну чуть голову не проломил.

- Наташа! Здесь просто ссадина. Даже зелёной мазать не надо! Только шишка будет... Уже есть. Владик, за что тебя стукнул Саша? Что не поделили?

В это время подал голос Саша, прятанный за спиной своей мамы:

- Бабушка, Владька сказал, что мой папа не придет... Что он меня бросил и не любит!

И вновь все взгляды присутствующих устремились на Ирину.

Бабушка улыбнулась, погладила Владика по голове и тут же слегка хлопнула его по затылку.

- Ай... За что меня-то?

- А нечего маленьких обижать и говорить гадости.

- Да какие гадости, бабушка. Это же правда. Если бы он хотел, то уже приехал бы...

Саша, осмелев, подступил ближе:

- Я тебе сейчас ещё вдарю, понял?

- Нет, вы только посмотрите, – всплеснув руками, возмутилась Наташа, – какой бандюк растёт! Безотцовщина!

Галина Николаевна покраснела:

- Наташа! Выйди отсюда, а то я тебе сама сейчас вдарю. Максим, выведи семью в гостиную.

Максим подошёл к Наташе и сыну и подтолкнул их к выходу из кухни:

- Пошли, пошли... посидим, остынем... пошли.

На кухню зашли дети Ларисы: Злат лет восьми и Рита - ровесница Саши.

- Ну а вы нам что расскажете? – обратилась к ним их мама Лариса.

Злат пожал плечом и развёл руками:

- Ничего не расскажем. Мы ничего не видели. Мы в палатке были... Но слышали, что Владька говорил...

В разговор вступает Рита:

- Да, слышали... Если бы он про моего папу так сказал, я бы ему сама пестиком постучала...

Злат повернулся к сестре:

- Не пестиком, а пистолетом.

- Всё равно постучала бы...

Лариса строго смотрела на своих детей.

Галина Николаевна улыбнулась и подошла к ним:

- Я сижу на берегу, не могу поднять ногУ. Не ногУ, а нОгу, все равно не мОгу, - и начала гладить обоих по голове.

Злат дернул головой, сделав попытку выскользнуть из под глядящей руки:

- Бабушка не надо! Я же не девочка. Ритку гладь – ей нравится... Я есть хочу.

- Терпение, молодые люди, терпение. Сейчас дедушка приедет и сядем за стол.

Из гостиной донеслись голоса Максима и Наташи. Послышалось, как открывается входная дверь. Голоса затихли.

Послышался бас Сан Саныча, главы семейства, обращённый к Максиму и Наташе:

- А вы что тут в одиночестве сидите? Где все? Случи-

лось чего?

Сан Саныч, большой грузный мужчина, появился на кухне с двумя пакетами. И удивлённо посмотрел на присутствующих.

К Сан Санычу подскочил Злат.

- Деда, мы тебя ждём. Уже все есть хотим.

- Да? Ну так в чём же дело? Мыть руки и садимся.

Сан Саныч поставил пакеты на стол.

- Здесь всё, что заказали. А что это я не вижу и не слышу Ивана и Дениса?

Галина Николаевна начала извлекать содержимое.

К Сан Санычу подошла Ольга и обняла его:

- Папа, они немного задержатся...

Лариса перебила Ольгу:

- Да... У них важный клиент с бракоразводным процессом.

- Ну, клиент - это святое... Ладно, пойду переоденусь, а вы садитесь за стол. Сполоснусь и спущусь к вам...

Сан Саныч вышел из кухни и стал подниматься по лестнице на второй этаж. Его восхождение сопровождалось стонами и скрипами ступеней.

- Всё, мамочки, садимся. Все за стол. Давайте, рассаживайтесь. Я сейчас тоже подойду, - выпроваживала всех из кухни Галина Николаевна.

Лариса с детьми, Ирина с Сашей и Ольга вышли. Галина Николаевна, оставшись одна, стала раскладывать продукты, привезённые Сан Санычем, в холодильник. Нарезала пирог.

Семья уже расселась по своим привычным местам, оставив два торцовых места – дедушке и бабушке, а также одно место возле Ольги и одно - возле Ларисы для их отсутствующих супругов – Ивана и Дениса. Дети сели поближе к бабушкиному месту, по обе стороны стола.

В гостиную вошла Галина Николаевна и села на своё место.

Злат - самый не терпеливый из детей, возмущался:

- Бабушка, мы сейчас будем ложками стучать, требуя кушать.

- Златик, а может, дедушку подождем? Потерпи. Вот Рита и Саша молчат, а ты... - успокаивала Лариса.

- Мы тоже хотим, - в один голос заголосили Саша и Рита.

- Положите детям кушать. Чего ждать? – сжалась над детьми бабушка.

- Давайте сюда свои чашки, – обратилась к малышне Лариса, мама Злата и Риты. – Да не все разом! По одному...

- Мама, а что ты нам положишь?

- Злат, а ты не видишь? Картофельное пюре с уткой. Злат вертел ложкой в руке и, посмеиваясь, посматривал на остальных детей:

- А мы не хотим пюре... Пюре мы можем и дома покушать. Я вон вижу в вазе конфеты и печенье... Мне можно их положить?

Рита и Саша эхом вторили:

- И мне! И мне!

И только Владик молчал, хмуро посматривая на Сашу, сидящего напротив.

- Злат, хватит, маленьких столку сбивать! Кто не съест пюре, тот не получит сладкого. Всё... Давай свою тарелку.

Злат передал свою тарелку Владику, а тот - Ларисе.

В это время открылась входная дверь и вошли двое мужчин – Иван и Денис. Оба в одинаковых серых костюмах в полоску. Лишь галстуки разные. Мужчины поприветствовали всех.

- Похоже, мы вовремя. А то думали, придётся пиццу заказывать.

- Папа, а вы что, одинаково одеты... как два брата близнеца? – подшутил Злат над прибывшими.

- Кушай, кушай давай! Кто не ест, тот не растёт... не отвлекайся.

- Пап, ты это малявкам скажи, Сашке с Риткой.

Галина Николаевна не выдержав, призвала к порядку:

- Злат, хватит паясничать! Ты за столом. Разговорился...

Иван с Денисом пошли на кухню руки мыть, за ними встал из-за стола и Максим. И видя немой вопрос Наташи...

- Айн момент! Выйду на пару слов...

Максим вышел вслед за Иваном и Денисом. Сверху посыпался топот и скрип ступеней, это со второго этажа спускался Сан Саныч.

Иван, Денис и Максим беседовали на кухне. Максим обратился к Ивану:

- Нет, мне нужна вся сумма... Сегодня. Завтра я с отцом улетаю в командировку на несколько дней.

- А зачем тебе наличка? Что, карточкой нельзя?

- Ну нельзя, значит... Наташка всё держит под контролем из-за кредитов...

- Ладно, но сегодня никак не получится. Завтра привезу в аэропорт или сам заедешь.

Проходя мимо кухни, Сан Саныч увидел вновь прибывших, зашёл в помещение и поздоровался за руки.

- А, бездельники юристы прибыли! Мы тут вас ждём, а вы там кому-то лапшу на уши вешаете...

Из гостиной донёсся голос Галины Николаевны:

- Не слушайте его – он сам только появился.

Сан Саныч покачал головой и заговорщически перешёл на шёпот:

- Всё слышит. Ну что? Наговорились? Тогда пошли.

В гостиной по телевизору передавали предновогодний музыкальный концерт, а ведущие в мажорных тонах щедро делились пожеланиями благ со зрителями.

Мужчины вошли в гостиную и расселись за празднично сервированным столом. Жареная утка с картофелем

ным пюре, запечённый с тмином карп были выставлены по центру стола и уже начали терять свою изначальную полновесную форму - дети, прекратив разговоры, с аппетитом поглощали приготовленную их мамами и бабушкой праздничную пищу...

В завершение праздничного ужина Галина Николаевна подала на стол пирог с орехами, марципаном и изюмом.

- Ну-ка, быстренько разбираем пирог... Кому чай, какао, сок? Сейчас мы узнаем, кому из нас в новом году придёт исполнение желаний. В пироге серебряная монетка, кому она попадётся, у того сбудутся самые сокровенные мечты... Давно мы так не делали...

- Бабушка, а что с этой монеткой потом делать? Наше носить или в банк нести?

Владик засмеялся собственной шутке.

Злат протянул бабушке тарелку:

- Мне... Мне она попадётся. Хочу новый велосипед... и скейт тоже...

Галина Николаевна положила кусок пирога в тарелку Злата:

- Это твоё сокровенное желание? Как-то просто - скейт, велосипед... Злат, а разве монетка уже у тебя?

- Бабушка, это всё суеверия...

- Это, дети, не суеверия, а традиция, - вступил в диалог Сан Саныч. - Мир людей живёт и процветает традициями. Традиции - это как закон... Забыли традицию, и всё вокруг рушится.

И пока Сан Саныч рассуждал о правильном и неправильном, все ели пирог. А Злат, как сапёр, протыкал вилкой свой кусок пирога в надежде на удачу.

В это время Ирине попала в пирог серебряная монета. Ирина положила найденную монету на салфетку, протёрла от оставшихся крошек и показала Саше:

- Ап! Саша, смотри, что у меня есть! Загадывай желание...

Саша, грустно посмотрев на мамину находку, ответил:

- Я уже загадал... Давно...

- И оно сбудется. Волшебная серебряная монетка у нас.

Саша тяжело вздохнул:

- Владька сказал: суеверия это... Не сбудется...

Он махнул рукой, как бы отмахиваясь от чего-то назойливого и пристающего. Встал из-за стола, подошел к креслу и сел. Ирина, поймав взгляд бабушки, пожала плечами. Галина Николаевна встала из-за стола и подошла к ребёнку:

- Саша, ты сказал, что давно загадал... И что ты загадал?

- Чтобы мой папа приехал ко мне на Новый год. Вон...

- Саша мотнул головой в сторону сидящих за столом детей. - У них будут папы, а у меня нет...

Бабушка погладила ребёнка по голове и отошла в сторону.

- Все покушали? Помогаем мамам уносить посуду на кухню. Живенько, живенько...

Строгий голос бабушки заставил всех детей подчиниться, и они быстро потянулись на кухню с посудой после праздничного ужина.

На кухне остались одни женщины. Дети убежали в детскую. Мужчины в гостиной затеяли разговоры об экономике и политике.

В полном молчании Галина Николаевна счищала остатки пищи с тарелок, Лариса мыла посуду, Ольга протирала, Ирина расставляла по местам.

Лариса первой нарушила тягостную тишину:

- Ирина, тебе надо уже что-то делать...

- Лара, давай не будем! Что-то делать, что-то делать... Что делать? Молчишь? Вот и я не знаю. На работе коллега, Марина, предложила разыграть приезд папы на Новый год... К нам на предприятие устроился работать парень... программист... из другого города...

- Вот и прекрасно! Встретите Новый год, а потом... у

тебя будет ещё целый год, чтоб решить свои проблемы...

- У меня нет проблем. Это у мира проблемы со мной. Авантюра - это всё, понимаете? Авантюра!

- Дочь, тебе и не хватает духа авантюризма, - вмешалась Галина Николаевна. - Не всё можно просчитать и спланировать... или нарисовать на кульмане...

- Начертить, мама. Пойду такси закажу...

Ирина вышла.

Ольга, вздохнув, посмотрела вслед вышедшей Ирине:

- А по-моему, эта Марина хорошую идею подкинула Ирине.

- Да точно! И хоть она и дурочка, как говорит Ирина, мысль дельная... - согласилась Лариса с сестрой.

- Такие, с вашего позволения, дурочки, всегда умеют отличать главное от второстепенного... - сделала замечание Галина Николаевна.

Вернулась Ирина.

- Главное, Ирина, - это счастье. Мы все сюда приходим за своей долей счастья. И никакие богатства мира нам его не дадут, никакая, даже очень удачно спланированная жизнь не сделает нас счастливыми, -

Галина Николаевна подошла к дочери, приложила ладони к её щекам и посмотрела в глаза. Наклонив к себе, поцеловала в голову:

- Ну всё, иди, а то опоздаешь... И приводи его на Новый год к нам.

- Кого его, мама?! Вы что, шутите?

Ирина ушла собирать сына.

Через некоторое время с улицы раздался нетерпеливый сигнал автомобиля. Ирина с Сашей, быстро попрощавшись с родными, ушли.

Ирина сидела на заднем сидении, обнимая рукой сына. Саша спал. А она смотрела в окно на заснеженные улицы, на припозднившихся прохожих, на снег, липнущий к стеклам автомобиля.

«Ну вот и приехали!» - такси остановилось возле их

дома. Ирина взяла спящего сына на руки и пошла ко входу в подъезд.

Новогодняя ёлка

Саша стоит в центре комнаты в костюме пирата. Ирина, вьётся вокруг сына, тщательно высматривая неровные складочки и замятия, поправляя и исправляя их.

- Мама, ну всё? Долго ещё? Я уже устал стоять...

Ирина ещё раз внимательно осмотрела Сашу, оставшись довольной своей работой.

- Всё, сынок, всё! Настоящий пират!

- Какой-то я ненастоящий пират... гладкий...

- Как это ненастоящий?! Самый настоящий. И почему гладкий... Что ещё выдумал?

- Пираты, мама, злые. Они разбойники. Пьют ром, постоянно дерутся... Значит, ходят в грязном и рваном... А я весь блестящий...

- Предлагаешь одеть тебя в рваные лохмотья? Мы же на детскую ёлку идём, милый, а не на бал-маскарад... Ну всё, думаю мы готовы. Пить хочешь?

Саша отрицательно покачал головой.

- Ну ладно... заказываю такси и едем

Ирина набрала с домашнего телефона номер службы такси.

Саша, вначале севший в кресло, встал, подошёл к окну и, скрывшись за гардиной, смотрел с высоты своего этажа на заснеженную улицу, играющих в снежки детей, на прохожих.

- Саша! Саша, ты где?

- Здесь я, мама, - меланхолично ответил Саша, отрываясь от жизни за окном и выходя из-за гардины.

- Всё, выходим. Пошли одеваться.

Они вышли в прихожую. Ирина обулась в сапоги, надела пальто и, не застёгивая его, принялась одевать сына.

- Всё, пошли, спускаемся. Машина, наверное, уже ждёт.

Ирина пропустила Сашу вперёд, захлопнула дверь и, застёгивая на ходу пальто, стала догонять медленно шагающего сына.

- Что такой грустный? Сейчас будешь на празднике веселиться с детками.

Мама взяла его за руку, они вдвоём быстро спустились по лестничным пролётам и вышли из подъезда. Их действительно уже ждало такси. Ирина с сыном торопливо плюхнулись в машину, и та тронулась с места.

Ещё недавно столь долгожданный снег успел превратиться в стихийное бедствие, засыпая тротуары и дороги. Сквозь снежную пелену виднелись оранжевые жилеты дворников и дорожной службы.

Водитель такси заметно нервничал и только присутствие в машине ребёнка сдерживало его от крепких выражений. Ирина, сидя на заднем сиденье с сыном, улыбалась.... Её радовал снег. Как и детей за окном, кидавшихся снежками в друг друга и в прохожих. Восторженные визги детей, валявшихся в снегу, не могла заглушить дорога с рокочущими машинами, сигнализирующими от нетерпения.... Даже ворчащий водитель такси реагировал на эти визги и вопли детей улыбкой:

- Завидую им! Где моё детство?! Как только приду сегодня домой, то обязательно с семьёй пойдем гулять и слепим снеговика... И будем играть в снежки. Ну вот и приехали.

Машина остановилась возле местного дома культуры. Ирина рассчиталась с водителем и вышла с ребёнком из такси.

К дому культуры со всех сторон тянулись родители с детьми, неся перед собой праздничные костюмы...

В фойе было шумно – играли дети, звучала музыка. У гардеробной столпотворение – все сдавали верхнюю одежду в обмен на номерок. Ирина с Сашей встали в оче-

редь и, сдав одежду, решили прогуляться на третий этаж – на втором будет проходить мероприятие с ёлкой, а с третьего открывался прекрасный вид на второй этаж, на нарядную елку, увешанную гирляндами и игрушками.

Преодолев несколько лестничных пролётов, укрытых красной ковровой дорожкой, мама с сыном оказались наверху и стали любоваться открывающимся им видом. Ирина приподняла сына и держала его на перилах, чтобы ему было лучше видно. Проходивший мимо сотрудник сделал Ирине замечание, и она вновь поставила сына на пол. Саше пришлось смотреть сквозь проёмы в перилах вниз на суету возле ёлки.

Внимание Ирины привлек красивый мужской голос, исполнявший песню:

А за окном зима,
И снег идёт.
Ты одинока у окна
В снежинок призрачный полёт.

Надеждой твоё сердце тлеет.
Камин потух – тебя не греет.
И одиноко стоя у окна
Ты плачешь: ты совсем одна!

Она взяла сына за руку и пошла по направлению музыки. Музыка лилась за дверью банкетного зала. Ирина осторожно приоткрыла дверь и заглянула, пытаясь разглядеть поющего. Увидев мужчину в бежевом костюме и с микрофоном в руках, она не могла поверить в такую возможность – это был её босс, начальник конструкторского отдела. Ирина с сомнением смотрела на него и невольно зашла с ребёнком в зал. А песня продолжала литься, завораживая Ирину красотой голоса исполнителя:

Снежинок призрачный полёт
Погрузит в сон, и всё пройдёт,
И лишь деревья в шапках снежных
Напомнят о руках любимых, нежных.

Ты одинока у окна,
И ждёшь – он не идёт!
А за окном зима,
И снега белого полёт.

Ирину заметили – несколько гостей повернули головы в её сторону. Посмотрел на неё и поющий. Узнав, приветливо помахал рукой. Ближайший к ней мужчина встал, уступая своё место, а сам пошёл за другим стулом. Ирина присела, посадив сына на колени и зачарованно слушала песню, не сводя глаз с Всеволода Александровича, так звали её руководителя. А он смотрел на неё, продолжая петь:

Твой красный плед тебя не греет -
Ты зябко ёжишь плечи в нём.
Надеждой твоё сердце тлеет,
Что где-то там, за тем углом...

А за окном зима -
Белым-бело и снег идёт.
Он не придёт, он не придёт
В снежинок призрачный полёт.

Допев последние слова, Всеволод Александрович подошёл к Ирине с сыном. Ирина хотела встать, но он жестом остановил её:

- Ирина, здравствуйте. Какими судьбами? Это Ваш сыночек? Как тебя звать, малыш?

- Меня зовут Саша, - ответил мальчик, пожимая протянутую руку.

- Всеволод Александрович, никак не ожидала что Вы такой талант. А зашла сюда именно из-за понравившегося голоса. И очень удивлена...

- А Вы думали, что я просто въедливый зануда?
Сказав так, он рассмеялся.

- Вот так открытие, да, Ирина Владимировна?

Ирина смотрела на него и не могла поверить, что это

тот же ненавистный ей руководитель, человек, своим приходом лишивший её должности начальника отдела: был уже подписан приказ об её назначении и вот... он всё сломал. А теперь оказывается, что она в своём гневе даже не видела, с кем работает.

- Да, я очень удивлена. Приятно удивлена, Всеволод Александрович, приятно и неожиданно. У Вас очень красивый голос... С наступающим Вас. Мы пойдём. Нам на детскую ёлку.

Ирина поставила Сашу на пол и взяла его за руку.

- Всего доброго, Ирина Владимировна.

- Всего доброго!

Выйдя из банкетного зала, Ирина подошла к перилам и посмотрела вниз – там уже собрались люди, и началось мероприятие: девушка в костюме белочки читала стихотворное поздравление, открывающее праздник.

- Саша, праздник уже начался. Пошли скорее, а то что за праздник без пирата? Правда?

Быстро спустившись на второй этаж, они нашли себе удобное место для обзора. Устроители праздника придумали ряд хореографических и вокальных номеров сменяющих друг друга, пока не пришло время появиться Бабе Яге, мечтающей испортить детский новогодний праздник. Баба Яга с Кикиморой немного покуражились над гостями, попугали детей, как появилась Снегурочка, попросившая детей звать Деда Мороза, чтоб он прогнал Бабу Ягу с Кикиморой. Дети дружно кричали: «Дедушка Мороз, приди! Бабу Ягу прогони». Саша, вовлечённый в происходящее, тоже прыгал и кричал вместе со всеми. Пришёл Дед Мороз и прогнал Бабу Ягу с Кикиморой. Дети хором, вместе со Снегурочкой поздоровались с Дедом Морозом: «Здравствуй, Дедушка Мороз!».

Ирина больше наблюдала за сыном, чем за происходящим вокруг ёлки. Саша оживлённо жестикулировал, щёки его покрывал румянец, а глаза горели радостью и задором, он то подпрыгивал со всеми, то пританцовывал

вал...

«Ёлочка, зажгись! Ёлочка, зажгись!» - просили дети. Ёлочка не заставила себя уговаривать – зажглась разноцветными гирляндами. Дед Мороз и Снегурочка собрали детей в круг и начали водить хоровод вокруг сверкающей, нарядной ёлочки с песенкой: «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла, зимой и летом стройная, зелёная была...».

Праздник подходил к концу. Дети по одному стали подходить к Деду Морозу, сидящему в резном кресле, обитом красной кожей. Рядом с ним стояла Снегурочка и каждому ребёнку, обращавшемуся с заветной просьбой или пожеланием к деду Морозу, дарила шоколадку. Очень быстро образовалась очередь на аудиенцию к Дедушке, и Саша, замешкавшись, пристроился в самом её конце. Вначале очередь двигалась медленно, и Дед Мороз внимательно выслушивал детские фантазии, смеялся и шутил, но потом очередь стала двигаться быстрее – Дедушка выслушивал пожелание, принимал письмо, если таковое было, и отпускал ребёнка с напутствием и поздравлением. Мальчик перед Сашей пожелал себе велосипед на Новый год и хорошую работу для папы.

Дед Мороз уже устало посадил Сашу на колени и, вздохнув, спросил:

- Ну что, отрок, каково твое желание?

Саша решил перед пожеланием объяснить причину его просьбы и начал рассказывать о том, что папа работает далеко, зарабатывает для них деньги и никак не может к ним приехать...

- Вот поэтому, - сказал Саша, - я и хочу, чтоб папа приехал на Новый год.

Саша внимательно посмотрел на Деда Мороза, который повесил голову и хранил молчание. Саша наклонился к нему ближе – тот сидел с закрытыми глазами и посапывал... Саша дернул за бороду Деда Мороза и, соскочив с его колена, сказал:

- Хватит спать. Я кому всё это рассказывал? Ты не

настоящий Дед Мороз!

Саша отмахнулся от Снегурочки, предлагавшей ему шоколадку, подошёл к маме:

- Мама, пойдём отсюда. Они все притворяются... Они обманщики...

Саша взял маму за руку и потянул к выходу. Ирина повернулась виновато к Снегурочке и увидела, как та двинула подзатыльник Деду Морозу, от чего его шапка слетела. В костюме Деда Мороза сидел двадцатилетний юноша с заспанными глазами, он виновато улыбнулся Ирине.

Ирина с сыном спустились вниз, получили подарок в избушке у женщины в кокошнике и с большими румянцами на щеках. Оделись в гардеробе и вышли на улицу. Всё это время Саша молчал и не отпускал руку мамы.

На улице по-прежнему с неба сыпались пушистые хлопья снега. Воздух был чист, дышалось легко. Ирина вдохнула, наполнив лёгкие до отказа воздухом, и резко выдохнула.

На дороге машин было мало, все двигались с включёнными фарами и их периодически заносило на дороге при торможении...

- Да, сынок, похоже, мы отсюда нескоро выберемся...

Ирина с сотового начала набирать службы такси, но они были или заняты или отвечали: «Все машины на линии, свободных нет».

Ирина взяла сына за руку.

- Саша, придётся пока идти пешком, может на остановке что будет...

Но не успели они отойти от дороги, как за их спиной кто-то прокричал:

- Ирина Владимировна! Ирина! Вас подвезти?

Оглянувшись, Ирина увидела своего начальника Всеволода Александровича, вышедшего из машины и направлявшегося к ним.

- Пойдёмте, я отвезу вас домой. Такси сейчас вам

не найти – говорят многие машины сошли с линии из-за угрозы аварий. Скользко очень на дороге, а дорожные службы не успевают: снег идёт и идёт. Допросились, называется, у неба снега...

Всеволод Александрович взял Сашу на руки, Ирину под руку и повёл их к машине. Открыл Ирине заднюю дверцу машины и после того, как она села, передал ей Сашу.

В машине на заднем сидении сидела девочка в тёплой не застёгнутой курточке и сиреневом длинноволосом парике, делавшем её похожей на Мальвину; на переднем, рядом с водительским креслом, – молодая темноволосая женщина.

- Здравствуйте, Ирина. Наслышана о Вас от Всеволода. Говорит, лучшего специалиста, чем Вы, он не встречал.

Севший за руль в это время Всеволод Александрович представил их.

- Ирина Владимировна, это моя супруга Эльвира. А там, рядом с Сашей, наша доча Лада. Она немного разобижена, потому молчалива.

- Очень приятно. Саша у меня тоже в обиде... на Деда Мороза. Он уснул, когда Саша ему рассказывал о своём пожелании...

- Нет, мама, я не успел ему сказать пожелание. А он уснул, когда я только объяснял...

- Наверное, долго объяснял. А, Саша? - пошутил Всеволод Александрович.

- Нет, - Саша обидчиво поджал губы и прижался к маме.

Папа приехал

Комната с диваном и телевизором напротив. Возле платяного шкафа кресло. На полу комнаты старый красно-коричневый палас.

В комнату зашёл программист Павел - с голым торсом, в джинсах и полотенцем на шее. Он открыл платяной шкаф, посмотрелся в зеркало, закреплённое на дверце, заметил остатки пены после бритья на щеке и стал стирать её полотенцем. Надев рубашку, а поверх нее свитер, заглянул в зеркало. Оставшись доволен собой, улыбнулся своему отражению. Достал снизу сумку. Подошёл к дивану. Между диваном и окном лежали две крупные коробки с яркими наклейками. Павел уложил их в сумку, подошёл к журнальному столику, взял с него небольшую коробку и уложил в ту же сумку. Надев куртку и шапку, Павел обулся и вышел из квартиры...

Павел шёл по тротуару меж домов. Лёгкими порывами ветра мокрые хлопья снега попадали в лицо. Он подошёл к дороге и стал голосовать, пытаясь остановить такси. После нескольких безуспешных попыток Павлу удалось поймать машину. Он сел в нее, и машина скрылась в снежной пелене.

На улице по-прежнему шёл снег. Спешили прохожие, кутаясь от ветра в воротники и капюшоны. В опускающихся вечерних сумерках зажигались фонари подъездов и свет в окнах квартир.

Ирина вошла в комнату с яблоком и мандарином в руках. Саша с Базз Лайтером в руке смотрел мультфильм.
- Саша, пока я готовлю, возьми фрукты...

Саша посмотрел на мандарин и яблоко в руках мамы. Отрицательно покачал головой и, не проронив и звука, вновь стал смотреть телевизор. Ирина положила фрукты на стол и вышла из комнаты.

Саша повернул голову и посмотрел вслед ушедшей маме. Встал с кресла, засунул руку в задний карман штанов. Вытащил руки и разжал сжатый кулачок ладонью вверх. В его ладонке лежала серебряная монета - та, что досталась его маме на ужине у бабушки с дедушкой.

Мальчик вновь сжал кулачок, поднёс его к губам, что-то прошептал, затем подошёл к небольшой новогодней елочке, стоящей на комод, и спрятал монету под вату, изображающую снег под елочкой. Вернувшись к своему креслу, вновь стал смотреть телевизор. Затем повернул голову к фруктам на столе, выбрал мандарин, почистил его, скинув корки на журнальный стол, и стал есть, отделяя дольки.

На кухне Ирина перемешивала салат в большой чашке. Зазвонил сотовый телефон, лежавший на холодильнике возле микроволновой печи. Ирина оставила салат, вытерла руки о полотенце, висящее на спинке стула, и взяла трубку:

- Да... Алло. Кто это? Павел?

Ирина молчала, слушала.

- Павел, Вы это серьёзно? Ну, что ж... Раз Вы решились-таки... Вы помните, что я Вам говорила на работе? Да. Соблюдаете нашу договорённость... Во сколько Вас ждать? Вы уже приехали? - Ирина подошла к окну и посмотрела вниз.

- Где вы? Я вас не вижу... Ах, Вы в магазине... недалеко от нас... Даже не знаю... Ну, купите торт, пару-тройку шоколадных батончиков... и, наверное, фрукты, остальное всё в достатке. Хорошо. Придётся импровизировать... Сейчас дам сыну трубку, его Сашей звать... Помните... Это хорошо. Скажите, что только что прилетели и скоро будете у нас... Хорошо... Да.

Ирина, разговаривая по телефону, прошла в комнату.

Саша с любопытством посмотрел на входящую в комнату маму.

- Саша, возьми трубку, это папа.

Саша выскочил из кресла и выхватил у мамы трубку:

- Папа! Папа! Ты где так долго был?! Я тебя ждал...

Посмотрел на маму.

- Мы тебя с мамой долго ждали... А ты всё не ехал к

нам... Да? Да... Хорошо, папочка... Мы ждём тебя.

Саша отвёл от уха телефон и с удивлением и восторгом посмотрел на него. Потом резко отдал его маме и кинулся к ёлочке на комод. Достал из-под ваты серебряную монету и показал её маме.

- Мама, она волшебная! Дед Мороз меня услышал. Я попросил его, чтоб папа бросил зарабатывать деньги и сегодня к нам приехал... Мы же его любим и без денег. Правда, мама? Мама, возьми эту волшебную монету и загадай своё любимое желание. Она мне больше не нужна...

Отдав серебряную монету маме, Саша, подбежал к коробке со своими игрушками и начал их выкладывать на палас.

- Мама, я покажу папе игрушки, чтоб он увидел что я их не поломал, что все его подарки целы...

Ирина, явно не ожидавшая такой реакции ребёнка, растерянно смотрела на него и на тот хаос, что он за минуту сотворил.

На кухне Ирина подошла к столу и опять начала перемешивать салат в чашке. Потом отодвинула его в сторону и села на стул. Поставила локти на колени и спрятала лицо в ладонях.

Из комнаты доносились звуки мультфильма из телевизора и голос сына:

- Мама! Мама! А где Мики-Маус? Мама...

Саша прибежал на кухню:

- Мама, а где мой Мики-Маус? Мне его папе надо показать...

Мама посмотрела на сына, потом встала, перевела взгляд на большие круглые настенные часы - до встречи Нового года оставались считанные часы...

- Он в шифоньере, на полке... Пойдём Саша, я тебе его достану...

В дверь позвонили. Саша, опережая маму, метнулся к двери и распахнул её. Ирина увидела смущенного и

нерешительно мнущегося Павла с огромной спортивной сумкой, пакетом с фруктами и тортом.

- Здравствуй, Саша... Ну вот, я и приехал... С наступающим Новым годом... Я подарки тебе привёз... малыш...

Глаза мужчины встретились с глазами мальчугана, горящими от рвущегося наружу восторга. Саша кинулся к «папе» и обнял его, чуть не выбив из рук сумку. Павел, ещё не войдя в роль, растерянно прижал к себе мальчика...

Павел посмотрел на Ирину, как бы ища поддержки и совета, но увидев её изумление и растерянность, улыбнулся:

- Здравствуй милая. Разве ты не соскучилась по мне? Иди же, обними меня.

Саша повернулся к маме и строго посмотрел на неё. Ирина подошла к Павлу, обняла его и стукнула кулачком меж лопаток.

- С приездом, дорогой! Проходи, мы тебя жждались, – почти скороговоркой выпалила Ирина, смущаясь от того, что ей приходится играть такую роль. – Саша, вот... Твоё желание сбылось, Дед Мороз тебя не обманул... Папа приехал...

- Мама! Да я же сам тебе сказал про серебряную монету и Деда Мороза...

- Ах, да, точно. Прости, Саша...

И уже придя в себя, Ирина иронично продолжила:

- Денег, правда, папа не заработал, но приехал к нам в гости... То есть... к нам домой! К себе домой...

Павел передал Ирине пакет с фруктами, торт и, не раздеваясь, с тающими снежинками на куртке и шапке, прошёл в комнату и раскрыл сумку...

- Денег я, может, и немного заработал... Но подарок привёз!

- Паш... давай куртку - я повешу, а то снег тает, капает...

- Извини... извини... я сам повешу...

Павел быстро стянул с себя куртку и пошёл вешать её в прихожей. Не успел он вернуться и извлечь подарки, как мальчик, вытащив из сумки Павла подарочный косметический набор, кинулся радостный к маме:

- Мама, это тебе... Правильно, пап?

Отдав маме подарок, ребёнок опять метнулся к заветной сумке. Павел, опешив, только кивнул, а Саша уже извлекал большую прямоугольную коробку с нарисованными на ней поездами и железной дорогой...

- Саша, там ещё коробка с машиной....

Но Саша уже никого не слышал и ни на что не обращал внимания. Он раскрыл коробку и высыпал содержимое на палас. Ирине пришлось вмешаться и вернуть ребёнка в реальность.

- Саша, сначала убери игрушки, те, что ты раскидал. Ты их, кажется, хотел папе показать.

- Мамочка, потом... потом... вот, видишь... железная дорога... поезд...

- Саша!

К Ирине подошёл Павел и обнял за плечи:

- Дорогая, иди на кухню, а мы тут сами разберёмся. Иди.

И попытался поцеловать её в щёку. Ирина увернулась от поцелуя и, видя, что сын по-прежнему смотрит только на игрушку, погрозила Павлу кулачком.

- Саша хотел тебе показать игрушки, те, что ты прислал ему в подарок... Чтоб ты увидел, как он бережно к ним относится. И чтоб ты мог убедиться, какой хороший у тебя сын.

Павел подошёл к Саше, взял его за руку.

- Саша, давай ты мне сначала покажешь игрушки, я их посмотрю, а потом мы их сложим... И затем... сядем собирать железную дорогу. Хорошо?

Саша посмотрел на разбросанные вокруг коробки игрушки, на железную дорогу, лежащую горкой перед

ним, и неохотно кивнул.

Павел с Сашей на корточках присели возле коробки для игрушек, рассматривали их, а затем укладывали. Наведя порядок с игрушками, они вернулись к железной дороге и вдвоём начали её собирать.

В комнату вошла Ирина и, прислонившись к дверному косяку, смотрела на «своих мужчин», сидящих на паласе и собирающих железную дорогу. Внезапно Ирина встрепелась, что-то вспомнив...

- Саша, Паша вы собирайте дорогу чуть в стороне... Здесь, возле дивана стол поставим. Паша, поставь его сюда, а дорогу отодвиньте - я буду накрывать уже... До Нового года осталось чуть-чуть.

Ирина вышла из комнаты и уже через мгновение вновь вернулась с чашей, наполненной яблоками, апельсинами, бананами и мандаринами. Водрузила её на комод, слева от нарядной ёлочки. Достала из комода скатерть и постелила на только что поставленный Павлом стол у дивана.

Ирина суежилась на кухне, стремясь накрыть праздничный стол пораньше. Нарезала ветчину и укладывала её на блюдо.

- Мама, мама смотри, - донёсся в кухню голос Саши.
- Поезд «Красная стрела» отправился в своё первое путешествие!

Ирина, выглянув из кухни, посмотрела в счастливые глаза сына. Саша, как обезьянка, на четвереньках бегал за поездом, перешагивал через железнодорожный путь и строения, вешался на шею «папе», сидящему на полу... Комок подступил к горлу, глаза наполнились слезами. Улыбнувшись, и молча, чтоб не разрыдаться, вернулась на кухню. Утирая слёзы, продолжила заниматься сервировкой праздничного стола.

- Я готов тебе помочь... Говори, что делать.

Ирина вздрогнула от неожиданности. Павел неслышно вошёл в кухню и стоял за спиной.

- Спасибо... Если ты не устал от Сашки – побудь с ним... Он так счастлив.

- С Сашей у нас всё в порядке. Как ты? – Павел осторожно взял Ирину за плечи и повернул к себе лицом.

- О... - Павел прижал Ирину к себе, - всё будет хорошо...

Ирина не выдержала – из глаз вновь хлынули слезы, и свитер Павла вмиг промок. Сквозь всхлипы и шмыгание носом:

- Иди... пожалуйста... к ребёнку... я не хочу, чтоб он видел меня такой...

Павел ушёл в комнату, а Ирина, оставшись одна, открыла кран с холодной водой и стала умываться. Взяла кухонное полотенце и вытерла им лицо.

Зазвонил сотовый телефон. Ирина посмотрела на входящий вызов - «Мама». И после небольшой паузы ответила.

Новогодний ужин. Танец феи Драже

В гостиной родителей Ирины был накрыт стол. За столом сидели Галина Николаевна, Ольга с Денисом и Наташа с Владиком.

Галина Николаевна держала сотовый телефон возле уха, ждала ответа:

- Ира, с наступающим вас! Что так долго не отвечала? Накрываешь на стол? А может, к нам присоединись? Здесь Владик и ему не хватает компаньона... Нет, нет, не будут они драться! Правда, Владик? - обратилась она с вопросом к Владiku.

Тот, запивая кусочек торта, чаем, согласно кивнул.

- Вы не одни? Павел? Программист... А... Папа из бюро проката... Шучу, шучу... Вот и вези его сюда, посмотрим на твоего героя... Всё! Со старшими не спорят.

Убирайте всё в холодильник. Завтра пригодится. А мы заказываем вам такси. Всё, отбой. Оля, закажи такси для Иры. Скажи, что трое...

Заказав такси для Ирины, Ольга обратилась к матери:

- Мама, через семь минут им нужно быть внизу.

- Сейчас скажу им.

Галина Николаевна опять позвонила Ирине.

- Ира, через семь минут вам нужно быть внизу. Хорошо. Ждём.

- Что, приедут?

Галина Николаевна утвердительно кивнула.

Павел с Сашей сидели на заднем сидении. Саша обнял руку Павла. Ирина, сидя на переднем, часто оглядывалась назад. Смотрела то на Сашу, то на Павла. Павел в ответ только улыбался.

Такси подъехало к дому родителей Ирины. Павел с Сашей вышли из автомобиля. Павел открыл переднюю дверь и помог Ирине выйти. Все трое направились к дому. Саша держал за руку Павла. Ирина шла позади них.

Наташа первая подбежала к окну:

- Смотрим, смотрим... Приехали!

Возле окна к ней присоединились Ольга и Владик.

- Прекратите! Что вы делаете?! – пристыдила их Галина Николаевна. - Не позорьте мою седую голову! Вы же не в зоопарке...

Дверь в прихожей открылась. Первой вошла Ирина, за ней Павел с Сашей. Саша по-прежнему держал Павла за руку.

- Ну вот, совсем другое дело... А то сидят они там, в изоляции...

- Вот... Наш папа приехал... Павел, это моя мама, там сестра Ольга, это невестка Наташа и её сын Владик, а

там – Денис, муж Ольги... - Ирина была смущена необходимостью такого представления и хотела побыстрее с этим покончить.

Галина Николаевна обняла дочь, поцеловала в щёчку Сашу и с улыбкой и любопытством посмотрела на Павла:

- Ну, здравствуй, наш герой и спаситель, папа Саши, порадовавший своего сына в Новый год приездом из далёких краёв.

Галина Николаевна обняла Павла и шепотом, чтоб было слышно только ему, сказала:

- А Вы молодец, однако. Порадовали моего внука... и дочь, как я вижу, - Галина Николаевна, сделала приглашающий жест.

- Ну, просим, гости дорогие, к нашему столу.

К Павлу подошёл Денис, мужчины пожали руки.

Гостиная. Семья за праздничным столом. На столе стоят подсвечники с зажжёнными свечами, в фужерах у взрослых – шампанское и лишь у Ольги и детей – сок. Все аппетитно жуют, поглядывая в экран телевизора. Там показывали старый, уже ставший классикой фильм «Ирония судьбы, или С лёгким паром!»: «... с любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь, всей кровью прорастайте в них...»

Галина Николаевна вздыхает, глядя в экран телевизора.

- Прекрасный фильм! Но я на правах старейшины этого дома хочу произнести тост... Поднимаем бокалы с шампанским и соком, у кого что налито... Так... За уходящий год! Пусть всё, огорчившее нас в этом году, навсегда останется в прошлом и уйдёт с этим, старым годом. Пусть всё светлое и прекрасное, что он нам принёс, будет приумножено в новом году. Будем счастливы!

Мелодично звенят бокалы. Из телевизора льётся музыка Микаэла Таривердиева, сливаясь и переплетаясь со звоном бокалов.

- Мама... мама...

- Что, Саша? Что случилось?

- Мама, мы торт хотим... с какао...

Ирина встала из-за стола.

- Тебе помочь? – Павел, явно опасавшийся остаться наедине с новоявленными родственниками, с надеждой посмотрел на Ирину.

Ирина, улыбнувшись, утвердительно кивнула.

- Вы там поторопитесь – скоро куранты будут бить...

- Крикнула им вслед Галина Николаевна

Наташа тоже встала из-за стола:

- Пойду помогу им.

Галина Николаевна хлопнула себя по лбу раскрытой ладонью:

- Мы же забыли приготовить бенгальские огни... хлопушки и петарды... Владик, ну-ка, пойдём со мной.

Галина Николаевна с Владиком стали подниматься на второй этаж. А в гостиную вошла Наташа, неся перед собой разнос, уставленный чашками с блюдами. Расставила их на детской стороне стола.

- Наташ, и мне поставь, пожалуйста. Тоже хочу чай с тортом.

- Здесь только какао... Сейчас тебе принесу чай...

Вошла Ирина с Павлом, который нес нарезанный торт.

Вбежал Владик с пакетом, наполненным пиротехникой и выложил всё на комод в углу комнаты.

Вслед за Владиком спустилась со второго этажа Галина Николаевна.

- Владик, неси сюда, к столу, бенгальские огни... и хлопушки с конфетти... Живей, живей...

Галина Николаевна раздала всем бенгальские огни и хлопушки.

- Шампанское у всех налито?

Из телевизора доносится бой курантов. Звенят бокалы. «С Новым годом!», «С Новым годом! С новым счастьем!». Зажигаются бенгальские огни, взрываются хлопушки, засыпая всё вокруг разноцветным конфетти. «Ура!»,

«Ура-а-а...», «С Новым годом!» - кричат взрослые и дети.

На диване в гостиной спят Саша, свернувшийся калачиком, и Владик, положив голову на подлокотник, повернув одну ногу под себя, а вторую оставив на полу. Взрослые сидят за столом и пьют чай с тортом. Ирина и Павел, сидящие напротив Галины Николаевны, беседуют с ней. Рядом с Галиной Николаевной - Наташа, напротив неё - Ольга и Денис также заняты неторопливой беседой. По телевизору транслируют музыку из балета «Щелкунчик» с видеорядом: ёлка, новогодние огни, снег и кружащая метель. При первых звуках Па-де-де Павел встаёт из-за стола и протягивает руку Ирине:

- Фея Драже, разрешите пригласить Вас на танец?

Ирина встала, улыбнулась, сделала реверанс и протянула руку Павлу.

Они вышли в центр гостиной. Замерев на мгновение и глядя друг другу в глаза, закружились в танце. Взгляды всех присутствующих были обращены на них, но они этого уже не видели. Для Павла и Ирины мир перестал существовать. Глаза в глаза, в кружении танца и феерии музыки. И лишь с последними затихающими аккордами магия волшебства ослабла, и они с удивлением и по-новому взглянули друг на друга. Ирина и Павел вернулись за стол в неловком молчании...

- Не знаю как вы, молодые люди, а я спать. Старая уже для таких затяжных бдений...

- Мама, мы домой... Пора уже... Такси сейчас закажем...

Ирина встала из-за стола с намерением заказать такси.

- Ирина, не надо заказывать – мы вас доставим домой, – остановил её Денис.

- А мы разве уместимся все? Наташа, Владик... Ольга... и нас трое...

- Мы остаёмся, дома нам всё равно нечего делать – папа наш в командировке... - развеяла сомнения Ирины

Наташа. – Здесь ни о чём не беспокойтесь - стол мы сами уберём...

Денис и Ольга, попрощавшись с Галиной Николаевной и Наташей, вышли. Павел взял спящего Сашу на руки, поблагодарил за гостеприимство и тоже покинул дом.

Со спящим ребёнком на руках Павел подошёл к серому «фольксвагену». Ему открыли из салона дверцу, помогая сесть с ребёнком на заднее сидение.

Из дома вышла Ирина, торопливо подбежала к машине, села в неё, и автомобиль Дениса сразу тронулся с места. На заднем сидении Ирина оказалась рядом с Павлом, плечом к плечу, рука к руке... И совсем невольно её пальцы легли на ладонь этого мужчины, привнесшего толику сумятицы в её жизнь, в жизнь её ребёнка. Ирина благодарно сжала его ладонь своими тонкими пальчиками. Павел посмотрел на молодую женщину, сидящую рядом с ним и ответил на пожатие, переплетя свои пальцы с её пальчиками.

Ирина приятно осознавала, какая большая разница – идти в гости только с сыном или «всей семьёй» ... Ей казалось, что только за один этот вечер её жизнь стала полнее и значительнее. Эти два слова - «всей семьёй» - будто висели в воздухе огромными светящимися неоновыми буквами.

Душа Ирины наполнилась радостью и уверенностью: всё будет хорошо, хотя бы в эти несколько новогодних дней. Впереди было ещё много приятных минут и часов... И пока в доме у них поселился праздник, их дом - не место для грусти. Да здравствует Новый год! Да здравствуют восторг и счастье! Ирина уже начала испытывать чувство благодарности к Марине за её идею и настойчивость. Без неё, этой зачастую навязчивой Марины, не было бы такого праздника у Ирины. И самое главное: Сашка не был бы так счастлив...

Прогулка к морю

Солнечный зимний день. Улицы города и скверы заполнены праздно гуляющими горожанами.

Ирина, Павел и Саша гуляли по улицам города. Проходя через сквер, покупали попкорн и подкармливали голубей, во множестве гуляющих вокруг. Саша гонялся за птицами, пытаясь их поймать. Одна из птиц села на головной убор Ирины. Саша смеялся, прыгал вокруг Ирины, пытаясь согнать голубя.

Павел с улыбкой смотрел на эту суету Саши, на Ирину.

- Голубь сел на меня, значит, я избранная... У меня будет много счастья и вкусов...

Саша перестал бегать вокруг Ирины.

- А у меня? А у меня, мама? А у папы?

Ирина ловит взгляд Павла.

- И у папы тоже много всего... будет.

Саша обиженно смотрел поочередно на взрослых.

- А у меня? У меня ничего не будет?

Саша отошёл от взрослых и присел на краешек скамьи, присыпанной снегом.

Взрослые смеялись над разобиженным ребёнком. Павел подошёл к Саше и, подхватив его на руки, подбросил вверх.

- А у тебя больше всех! Всё будет...

Саша верещал от восторга, взлетая раз за разом.

Ирина подошла к Павлу с Сашей.

- А давайте зайдем в кафе? Попьем горячего кофе, какао с пирожными? Павел ещё раз подбросил Сашу воздух и, ловко поймав, поставил на ноги.

Саша взял за руки обоих родителей и они направились в глубь сквера.

Ирина, Павел и Саша сидели за столиком возле витринного окна. Взрослые пили кофе, а Саша - какао. На

столе в общей тарелке лежали круассаны и эклеры.

- Ребята, а не сходить ли нам покормить лебедей? Купим хлеба...

И видя молчаливый вопрос Павла:

- На берегу... в бухте... на зимовку прилетают лебеди... у горожан уже почти традиция по выходным прикармливать их.

Саша подозрительно посмотрел на Павла:

- Папа, ты что никогда не кормил лебедей? Даже я... с мамой хлеб давал им... и чайкам...

Ирина с Павлом шагали по каменным ступеням, а Саша бегал по пандусу - то вверх, то вниз.

- Саша! Осторожней – упадёшь. Забыл, как падал здесь?

И уже обращаясь к Павлу:

- Летом упал тут... нос разбил, локти, колени... весь был в ссадинах.

Они спустились к набережной. А там, справа, за выступающим в море мысом, над маленькой бухтой, укрытой от ветра и волн, бесновались гогочущие чайки. На волнах покачивались белые пятна – лебеди. Берег, хорошо просматриваемый сверху, был заполнен горожанами с детьми, пришедшими подкормить птиц.

Саша всё-таки поскользнулся на парапете, в самом низу спуска. Политый водой парапет был укатан до блеска – какие-то сорванцы здесь уже повеселились. Потеряв равновесие, Саша скатился вниз, не удержавшись на ногах, упал лицом в снег. Ирина стремительной орлицей кинулась к ребёнку. Подняла его и отряхнула, концом Сашиного шарфика убрала снег с лица.

Павел, подойдя к ним, наблюдал за Ириной. Её обеспокоенное лицо, с морозным румянцем, было прекрасно. Пряди волос, выбившиеся из-под капюшона, только подчёркивали миловидность и прелесть лица молодой женщины.

- Ну всё, можем идти дальше.

Ирина посмотрела на Павла и, смущённая его взглядом, убрала пряди полос под капюшон.

- Ну, что идём, Павел?

- Ах, да, прости, задумался...

Ирина засмеялась.

- Ты с нами или ещё где-то?

- С вами, с вами... Пошли смотреть лебедей.

- Кормить, папа. Мы их покормим хлебом. Мама говорит: им холодно и голодно в море. Правда, мама?

- Да, Саша, правда. Идёмте.

- Похоже, холодно не только им, - сказал Павел, начав подпрыгивать на месте. - Надо меньше... мёрзнуть. Надо меньше мёрзнуть. Покормим их, и домой, тоже кормиться и греться. Идёт?

Саша, глядя на Павла, тоже стал подпрыгивать с шажками, заливаясь при этом смехом:

- Надо... меньше... мёрзнуть... надо меньше... мёрзнуть...

- Ну всё, идёмте прыгуны.

Внешне эта пара с ребёнком ничем не отличалась от многих других пар, также гуляющих по побережью. Кто бы мог усомниться в искренности ребёнка бегающего и прыгающего вокруг «родителей», кричащего: «Папа... мама...? И даже Ирина, знающая сценарий этого новогоднего чуда, забылась... И была счастлива. Она держала Павла под руку, прижималась к нему своим плечом, улыбалась и обновлённо смотрела вокруг на мир, людей, ребёнка, в восторге скачущего вокруг, на Павла, идущего рядом. Мир был прекрасен, день – радостен...

Отойдя от спуска к морю, они прошагали немного по дороге и тротуару и сошли на каменистую прибрежную почву. Меж камнями местами лежал снег, покрытый ледяной корочкой, но большей частью утоптаный пришедшими на свидание с лебедями людьми. Вокруг бежали дети, стояли взрослые, снимающие происходящее на

мобильники и камеры, и лишь немногие действительно пришли покормить лебедей – они доставали хлеб из сумок и пакетов и кусками бросали грациозно плавающим у камней белым птицам. Меж ними сновали утки и ловко подхватывали хлеб у зазевавшихся в грациозном скольжении лебедей. И над всем побережьем и водой парили чайки, выглядывая добычу, составляя конкуренцию и лебедям, и уткам.

Ирина достала булку хлеба из сумочки и, отламывая по кусочку, передавала их Саше, и тот бросал в воду. Предложила и Павлу присоединиться к ним, но он ёжился в пуховике, пряча лицо от влажного, холодного морского ветра, и отказался. Они уже собирались отойти от берега, когда мимо ног Павла прокатился небольшой мяч и плюхнулся в воду.

- Тейлор! нет, Тейлор! Нет...

Вслед за мячом к берегу прибежал доберман и, прыгая по камням, громко лаял на мяч. Пёс вспугнул пернатых. Лебеди и утки отплыли подальше от опасного соседства. К собаке подбежала хозяйка и, взяв его за ошейник, старалась успокоить. Но пёс не унимался и, вырвавшись, опять кинулся к мячу, который Павел пытался ногой подогнать ближе к камню... Неугомонный Тейлор задел Павла, стоящего на одной ноге, и тот рухнул в воду. К счастью для Павла, там было лишь по колено, и он смог удержаться на ногах, не намокнув весь.

- Ой, ой... простите! Давайте я Вам помогу, – засуетилась хозяйка Тейлора.

- Папа упал в воду! Папа... - испуганно закричал Саша и рванул к папе помочь выйти на берег.

Ирина едва смогла удержать сына.

- Саша, стой! Тоже хочешь в воду? Стой здесь.

Хозяйка пса и Ирина помогли Павлу выбраться на берег. Мокрому Павлу самостоятельно выбраться было бы трудно – прибрежные камни были покрыты коркой льда. Каким-то образом Павел всё-таки умудрился достать мяч и отдал его подбежавшей собаке, сел на камни

и стал выливать воду из обуви...

- Простите нас, пожалуйста. Тейлор молодой и плохо ещё слушается команд... - оправдывалась хозяйка пса.
- Я на машине, давайте я Вас отвезу домой, пока Вы не замёрзли! Вставайте, вставайте. Пойдёмте быстрей.

Они проследовали к месту парковки машины, по пути заехали в аптеку. Выходя из машины, Павел оставил поток извинений и сетований:

- Всё в порядке, не надо. Без случайностей жизнь была бы скучна. Правда, Тейлор? - Павел похлопал собаку, сидящую на переднем сидении, рядом с хозяйкой.
- Не теряй больше свой мячик.

Дома первым делом Павел нырнул в горячую ванну, несколько раз сливал остывающую воду и подливал горячую, отогревался и мле... Незаметно для себя Павел расслабился и уснул.

- Паша! Паша, ау! Ты там в порядке? Паша...

- Прости, Ирина, задремал... Я что-то с холода не подумал: а что я надену? Я ведь с собой не брал одежду...

- Я тебе сейчас дам махровый халат, он мне большой, и я его не ношу...

Из ванной комнаты Павел вышел уже в сиреневом халате...

- Садись, - позвала его Ирина в комнату, - я чай с лимоном тебе сделала... могу ещё коньяк дать.

- Чая с лимоном достаточно...

- Как самочувствие?

- Знобит что-то... Я и без купания мёрз, а тут... доberman этот...

Павел опустился в кресло и с наслаждением хлюпнул чай с лимоном. Сделал это нарочито громко, чем сильно рассмешил Сашу.

Горячая ванна и чай с лимоном сделали своё дело. Павел уснул, сидя в кресле. Ирина не стала его беспокоить и, укрыв пледом, пошла на кухню... Саша притих и,

сев недалеко от «папы», стал играть в полном молчании. Тактичную тишину, поселившуюся в квартире, нарушали только приглушённые звуки телевизора да редкие позвякивания посуды на кухне.

Павел проснулся на следующий день, уже в постели. Слышались приглушённые голоса Ирины и Саши на кухне.

В комнату вошла Ирина, а за ней и голова Саши показалась.

- Проснулись, больной? Как самочувствие Ваше?

- Я вроде бы в кресле сидел... Ты меня переложила?

- Нет. Сам. Не помнишь? Лекарства ещё пил... Как чувствуешь себя?

- Лучше уже.

В этот момент Павел чихнул.

- О, боже! Не без последствий всё же...

- Пойдём завтракать и лечиться?

После завтрака Павла опять начало знобить, и его уложили в постель. Саша, всё это время не отходивший от «папы», погладил его по голове.

- Папа, ты болеешь, тебе не надо на работу ехать. Поболе у нас... я буду тебе чай с лимоном приносить.

- Спасибо, Саша.

- Папа, а почему ты не говоришь мне - сынок? У моих друзей все папы говорят – сынок.

Павел, не найдя ответа, прикрыл глаза.

- Саша, пойдём, папа плохо себя чувствует, ему надо поспать. – вмешалась Ирина в неловкую ситуацию.

Павел некоторое время лежал, прислушиваясь к разговору Ирины с сыном, но потом простуда взяла своё, и он погрузился в розовую дремоту...

Весь день Павел провел в постели, лишь изредка пробуждаясь. Ирина поила его горячим молоком с маслом и чаем с лимоном, кормила куриным бульоном, в изголовье постели расставляла блюдечки с нарезанным луком... Она хлопотала весь день вокруг постели Павла и Саши,

как примерный сын, был всегда рядом. К вечеру Павлу стало легче. Проснувшись и сев на постели, он обнял присевшую рядом Ирину, трогаящую его лоб.

- Я смертельно голоден, Ирочка. Смертельно...

- Ну так пойдем, Пашенька, всё готово.

Павел растрепал волосы на голове Саши, севшего рядом и обнявшего его за шею.

- Хорошо, я только в душ и мигом...

Время чудес истекло

Но всё когда-то кончается, и эти несколько дней, наполненных восторженной вознёй и радостными визгами мальчугана, тоже заканчивались. Завтра... уже завтра – будни! Завтра будет так, как было всегда... Душа Ирины протестовала и единственное, чего она хотела, - это защитить ребёнка от своих слез, от долгого взгляда вслед уходящему «папе», от расставания...

- Паша, выйдем на балкон – поговорим, – обратилась Ирина к Павлу. И к

Саше, который не отпускал руку совсем ещё недавно чужого мужчины:

- Малыш, папа сегодня уезжает, и нам нужно поговорить.

Саша отпустил руку Павла и, чувствуя висящее в воздухе тягостное напряжение, притих. Взрослые вышли, а он смотрел через стекло балконной двери на двух близких и любимых ему людей...

Ирина с Павлом, отстраненные, говорили, не глядя друг на друга. Зябко кутались в куртки и избегали смотреть в глаза. Их мечущиеся взгляды скользили поронам деревьев, окнам дома напротив, останавливались на серых массивах туч, затянувших небо... Ещё вчера это

небо было почти чистым, лишь с небольшими хлопьями рваных зимних туч, а сегодня стало хмурым и тяжёлым.

Саша, немного понаблюдав, ушёл к игрушкам. Сел среди них с большой и красной машиной, подаренной папой совсем недавно. И не дождавшись взрослых, уснул, уткнулся в мишек и Микки-Маусов.

Ирина с Павлом, обговорив предстоящее расставание, молчали, так и не сказав главных слов. На балконе висело тягостное ожидание. И это «главное» рвалось наружу, вертелось на языке...

Но их страхи и опасения, сдержанность, сковывали этих двух, уже близких друг другу людей. Не давали им возможности смело и открыто посмотреть в глаза правде: они дороги и близки, они семья! И как им сейчас не хватало простоты и прямолинейности Марины, столь удачно их познакомившей!

- Ну всё, Паша, тебе надо идти. Спасибо за всё, что ты для нас сделал... Я тебе очень благодарна за это счастье, подаренное моему ребёнку... и мне. Иди, пожалуйста, иди...

Павел кивнул и, не сказав ни слова, пошёл собирать. Войдя в комнату, взглянул на уснувшего на ковре Сашу. Мальчик спал среди игрушек, тихо посапывая и крепко прижимая к себе большого медведя.

- Пойдём, малыш ... – Павел поднял мальчика, перенёс в кроватку и осторожно укрыл одеялом.

Ирина, опустившись в кресло, молчала, прикрыв глаза. Лицо её было спокойно, даже безмятежно... И если бы не предстоящие расставание, Павел смог бы подумать, что она спит...

- Ира! Я готов. – Павел стоял у приоткрытой двери со своей опустевшей сумкой. Уже не огромной, а сиротливо съжившейся и обвисшей.

Ирина вышла из комнаты, обняла Павла:

- Спасибо тебе... Прощай.

И отвернулась, прислонясь спиной к стене. Нависла тишина. Павел постоял и, так и не решившись ничего сказать, вышел. Щёлкнул дверной замок... Послышались удаляющиеся шаги...

Ирина осела по стене. Закрыла лицо руками. Слез не было – была пустота. И в этой пустоте было слышно, как дует ветер за окном, раскачивая ветви деревьев, как хлопают двери в подъезде, как откуда-то издалека доносится детский смех...

Саша, проснувшийся от звука щёлкнувшей двери, лежал, прислушиваясь к тишине в квартире. «Папа...» - мальчик вскочил с кровати и выбежал в коридор. Увидев маму без папы, бросился к окну. Встав на цыпочки, посмотрел вниз. Сквозь стекло, покрытое лёгкой изморозью, видно было плохо. За окном шёл снег. Ветер, закручивая снежные пируэты, бросал их в прохожих, бил ими, старательно заметал тёмные пятна просвечивающегося сквозь снег асфальта, выглаживал всякое присутствие человека...

Саша, не увидев знакомой ему фигуры и вздохнув: «Уехал... я всё проспал», вернулся в постель. Укрылся с головой.

Павел, быстро сбежав по ступеням, вышел из подъезда. Ветер обдал его снегом и холодом.

- У-у-х... Холодно! - Подняв воротник и поправив на плече ремень сумки, Павел шагнул на заснеженный асфальт. Пошел, оставляя следы, в миг заметаемые ветром.

Павел шёл бодрым шагом домой, туда, в квартиру, которую ему сняла компания, и где тишина и покой. Павел хотел выспаться. Ему хотелось побыть одному и подумать.

Ветер дул в лицо, забрасывая влажным налипающим снегом. Павел уже пожалел, что решил идти пешком: «Надо было взять такси». Местами усиливающийся ветер

бил мощными порывами, пытаясь опрокинуть навзничь. Впереди раздался детский смех. Сквозь пелену снега проявились идущие навстречу фигуры: мужчина и женщина с ребенком. Держась за руки, они смеялись. Зайдя за угол дома, Павел остановился. Встал, спрятавшись от ветра. У проходящего мимо мужчины спросил закурить. Затянувшись дымом, закашлялся - едкая гадость раздражала лёгкие. Павел с недоумением посмотрел на сигарету у себя в руке, на её призывный красный огонёк... Мужчина, поделившийся сигаретой, подошёл к женщине с ребёнком и они, взявшись за руки, растаяли за снежной завесой.

- Братка! Оставь покурить! - Павел повернулся на голос. Рядом остановился странного вида человек: лохматый, небритый, с почерневшим лицом, в грязной драной куртке и в тапочках на босу ногу...

- Братка! Оставь покурить! - Повторил свою просьбу странный человек.

Павел протянул сигарету. Человек затянулся, с удовольствием выдохнул дым и улыбнулся Павлу разбитыми, распухшими губами:

- Спасибо-а! - И пошёл дальше своей, только ему ведомой дорогой. Снежная мгла поглотила его, как и всё вокруг. Ветер крутил пируэты, вил зигзаги на земле, вставал снежной стеной, заслоняя весь мир вокруг. А может, этого мира и не было? Есть только Павел и снег. Есть страстный, разбушевавшийся ветер и есть огонёк, где-то в душе, святящий и зовущий... Павлу на ум пришли пастернаковские строки:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

...И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.

Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздыхал, как ангел, два крыла
Крестообразно.

Павлу стало одиноко, как будто одиночество этого странного человека только что просившего оставить покурить, перешло на него, на Павла. Он посмотрел вверх, туда, где должно быть солнце, но небо терялось в белых искристых снежинках. Снегопад усилился. Павел с наслаждением поймал ртом несколько снежинок, поправил на плече ремень сумки и пошёл. Павел шёл туда, где тепло и уютно, туда, где его ждали, где ещё недавно женский и детский смех наполнял его душу счастьем...

- Папа... Папа, проснись, – уже солнышко встало! Ты обещал... Вставай! - мальчик у кровати взрослых теребил сонного мужчину. - Вставай, ты же обещал... пойдём на рыбалку...

В распах балконной двери вторгалось утро шелестом зелёной листвы и назойливым чириканьем воробьёв. Солнце, пробиваясь сквозь крону деревьев, высвечивало яркие трепещущие пятна...

МЕТАМОРФОЗЫ СОЗНАНИЯ

ПОВЕСТЬ

Стрекотание, шелест, смех, дробящиеся на миллионные фрагменты, повторяющие друг друга, наслаивающиеся и образующие целое, вновь распадающееся на части... Звуки миллионами мелких существ разбегались в стороны. Обволакивающая тьма уходила, с ней уходило и чувство дома. И над всем этим странным миром вибрировал тягучий раскатистый голос...

- Откройте глаза... - Протяжно и низко резонировал в моей голове голос.

Я почувствовал чью-то руку на плече.

- Откройте глаза... откройте глаза.., - кто-то требовательно тряс меня за плечо.

Я послушно открыл глаза. Рука на моём плече принадлежала склонившемуся и тревожно вглядывающемуся в моё лицо человеку.

- Что это было? Где я?

- Всё в порядке, Виктор! Выпейте воды... и придёте в себя. - Он протянул мне стакан с водой.

Меня подташнивало, пространство вибрировало и покачивалось. Я почувствовал жажду и приник к протянутому мне стакану. Несколько раз лихорадочно клацнув по стеклу зубами, я осушил стакан. Влага приятно растекалась по моему телу.

Просыпающиеся ощущения понемногу возвращали моё сознание в окружающую реальность.

Я находился в кабинете, заполненном книжными стеллажами. Сумрачное помещение освещалось одним большим окном, более чем наполовину задёрнутым гардиной. Солнечный свет перечёркивал помещение почти пополам и освещал картины на противоположной стене, большой письменный стол столетней давности и кресло передо мной с обращавшимся ко мне человеком.

В кресле сидел длинноволосый седовласый мужчина, пристально вглядываясь в меня, поглаживал небольшую бородку правой рукой, левая лежала на подлокотнике кресла. Пальцы левой руки нервно подрагивали, отчего перстень с камнем на безымянном пальце осыпал меня отраженным солнечным светом, равномерно пульсируя в моём сознании и отдаваясь волнами нарастающей боли по всему телу.

- Итак, Виктор... Ну-с, рассказывайте!

- Простите... о чём? Рассказывать... Я что-то никак не вспомню, как я тут оказался... и откуда Вы знаете моё имя?

- Ну как же, Виктор?! Вы пришли с жалобами на стресс, депрессию, частые головные боли... Как сейчас самочувствие? Голова не болит?

Он по-прежнему поигрывал пальцами левой руки, немного нервно и нетерпеливо, как если бы кот дергал кончиком своего хвоста. Перстень осыпал меня фейерверком искр, слепил глаза. Я устал уже от него отворачиваться и потому не выдержал:

- Вы не могли бы убрать руку с подлокотника своего кресла? Солнце, отражаясь от камня в перстне, ослепляет меня!

- Да, конечно.

Он не стал убирать руку, а просто повернул перстень внутрь.

- Так лучше?

- Значительно.

- Вернёмся к нашему разговору о Вас. Итак, я – психотерапевт, Ян Соболев, и Вы, Виктор Шейн, некоторое время назад пришли ко мне на приём... Беспокоит ли Вас сейчас что-нибудь?

- Нет... Думаю, что – нет.

- Прекрасно. Тогда давайте мы с вами заполним Вашу карту... Место работы? Где, кем?

Он мне задавал вопросы, я отвечал. Наконец, моя карта была заполнена. Он встал, протянул мне руку для

рукопожатия.

- Ну-с... завтра в 15.30 я Вас жду, и продолжим наши сеансы. Не опаздывайте. Всего доброго, Виктор.

Я встал, ответил на рукопожатие и вышел из кабинета.

Вне стен этого здания, светило яркое летнее солнце, сновали прохожие. Возле кафе за пластиковыми уличными столиками сидели посетители, наслаждающиеся кто мороженым, кто кофе, кто соком. Меня по-прежнему мучила жажда, и я присел за свободный стол, спрятавшись от солнца в тень зонтика. Заказал зелёного чая подошедшей ко мне рыжеволосой симпатичной официантке. В ожидании заказа скользил взглядом по публике, по окнам здания напротив, крышам... Мой взгляд привлёк самолёт, высоко в безмятежном просторе неба оставлявший свой клубящийся след. Прямо перед ним громоздилось огромное белое облако, в котором он и скрылся в следующее мгновение, на прощание сверкнув фюзеляжем в лучах солнца. Лайнер был в облаке, я знал это, но его не видел... В этом было что-то шулерское. Меня не покидало чувство беспокойства и обескураженности. Память назойливо, раз за разом возвращала меня к моменту пробуждения в кабинете психотерапевта, к этим странным и непонятным звукам-существом, вначале облепившим меня, наделившим чувством комфорта, а потом, расплываясь, забиравшим его вновь...

Принесли зелёный чай, и я с наслаждением сделал глоток живительной влаги. Я пил чай и пытался вспомнить, когда и при каких обстоятельствах я обратился за услугами к Яну Соболю. Но... память мне ничего не подсказывала.

Рассчитавшись за чай, я направился в гостиницу, по какой-то случайности расположенную в двух шагах от офиса психотерапевта. Поднявшись к себе в номер, принял контрастный душ и, обернувшись полотенцем, вы-

шел на балкон, благо мой номер был в теневой стороне, и здесь не пекло солнце. На высоте моего двадцать шестого этажа звуки города были тише, как фон, как прибой морской волны. Легкий ветерок приносил приятную прохладу, особо ощущаемую после душа. Меня начало клонить в сон, и я решил вздремнуть пару часиков, тем более, что после сеанса в голове стоял какой-то гудёж.

Влада

Ян Соболев, оставшись один, отодвинул гардину прикрывающую часть окна, подошёл к небольшому холодильнику в глубине кабинета и извлёк из него двухлитровую пластиковую бутылку с молоком. Подойдя к буфету, стоящему рядом с холодильником, налил в стакан молоко, поднял и убрал в сторону прозрачную крышку, накрывавшую нарезанные кусочки торта в тарелке. Не отходя от буфета, откусил кусочек и, запив его молоком, с наслаждением прикрыл глаза.

Открылась дверь кабинета и, мягко ступая по ковру босыми ногами, вошла молодая брюнетка с роскошной копной вьющихся волос, ниспадающих ниже плеч. На девушке были надеты джинсы и облегающая футболка. В руке она держала обе туфли, через плечо была перекинута дамская сумочка. Она остановилась в центре кабинета и, заметив стоящего к ней спиной Яна, направилась к нему, также мягко и осторожно ступая. Остановилась в шаге за его спиной, молчала. Ян перестал жевать, прислушался и, открыв глаза, резко повернулся к гостье.

- Влада! Сколько раз тебе говорил, не подкрадывайся ко мне. Брось ты эти дурацкие шуточки! Так ты меня до инфаркта доведёшь. Ну, сколько мо...

- Ян, ну что ты опять заводишься?! Радуйся – я пришла. И хватит торт уплетать – ты растолстеешь! И тогда точно будет у тебя инфаркт.

Влада засмеялась. Ян, глядя на её губки и белые безупречные зубки, улыбнулся.

- Влада, тебя, чем угостить? Что будешь?

- Лимонада достаточно будет.

Влада резко, на месте, развернулась и пошла к креслу, в котором ещё недавно восседал Ян. Упав на мягкое сидение, девушка положила туфельки на пол, сбоку от кресла, устало вытянув ноги вперед.

- Уф... Ты не представляешь, Ян, как много сегодня ходила. Бродила по прибрежным скалам, прыгала и лазила...

- Представляю. Ты когда-нибудь сорвешься и покалечишься. Такая симпатичная, утончённая девушка и такая безрассудная! Зачем ты носишь с собой туфли, если дефилируешь по городу босиком, не проще тогда сразу гулять в спортивной одежде и обуви?

- Ну и зануда ты, Ян! Я никогда не планирую, куда идти... Я девушка романтическая и спонтанная.

Ян принёс ей бокал лимонада и блюдечко с ломаным шоколадом.

- Наслаждайся.

- Как там наш пациент? Ну ты понял... Тот, которого я к тебе привела. Ты ему помог?

- Не так быстро, милая Влада, не так быстро. Я определил его в гостиницу. Позавчера он был здесь, а вчера и сегодня - в гостинице... Я провёл серию гипнотических сеансов для него. Диагноз: тотальная ретроградная амнезия неясного генеза. Завтра попробую пробудить реальную память. Мне важно, чтоб у подопечного прошёл шок и растерянность от своей безымянности. Имя успокаивает, даёт принятие того, что ты такой же, как и другие. Где-то глубоко в нас сидит страх быть белой вороной... А для меня это возможность реализовать и проверить кое-какие свои идеи. Я ему создал ложную память. Теперь он Виктор Шейн. Отец семейства... ну и так далее.

- Главное, чтобы твои эксперименты не наступили на большую мозоль нашего прокурора. Иначе он быстро при-

помнит все твои шалости. Надо было всё-таки отправить его в клинику и там уже наблюдать его.

- Какая ты наивная, Влада. А то ты не знаешь, что доктор Макарович не даст мне работать на его территории...

- Тебе видней, Ян. Но если что - я не в курсе событий. Я нашла, оказала помощь человеку, приведя его к специалисту по душевным болезням... А уж что Вы, специалист, там творите, - не моё дело... Может, ты уже давно душу дьяволу продал, а, Соболев?

Влада расхохоталась, но видя, что Ян не улыбается, сникла.

- Ладно, ты на меня тоску нагоняешь... и кабинет твой мрачный, как преисподняя.

- А ты что, там уже была?

- Ха-ха... смешно! Налей лучше лимонада... и попрохладнее. Фрукты у тебя есть?

- Пара бананов и яблоки.

- Неси всё! Гулять, так гулять...

Неугомонная Влада вновь расхохоталась. Когда она смотрела на Яна, улыбка играла на её губах, а щёки покрывал яркий естественный румянец.

Ян направился к холодильнику. Вновь открылась дверь кабинета, и вошёл молодой мужчина в светлом костюме из шорт, футболки и спортивной обуви.

- Так-так... я, кажется, вовремя. Будем веселиться и гулять?! Да, Влада?

Влада, не поворачиваясь к вошедшему мужчине, подняла руку вверх:

- Да, Ярик! Веселиться! С яблоками...

Ян, остановившийся на полпути, посмотрел на Ярослава:

- Чур, меня, чур! Опять ты?! Утром же был уже... Влада, представляешь, в семь утра стучится - ему, видите ли, сегодня скучно бегать одному.

Ян подошёл к холодильнику и стал выкладывать яблоки и бананы в вазу под фрукты. Ярослав, севший

в кресло напротив Влады, соорудил страшную гримасу, кивая головой в сторону Яна.

- Я вижу всё. Не кривляйся, Ярослав. То, что я старше вас, не даёт вам право...

- О, боже, Ян! Ну, прекрати занудствовать. Вот, тем ты и отличаешься от нас, своим занудством. А может, это профессиональное, а Ярик?

И молодые люди дружно расхохотались. Ян принёс фрукты и поставил на стол поближе к девушке. Ярослав, видя это, улыбнулся:

- Мне в смысле нельзя, или это просто забота об этой очаровашке?

- Когда тебе было нельзя, а, братишка? Влада устала. Вон видишь пыльные ноги, да, те, что она вытирает о мой ковёр сейчас...

- Ян, я запущу в тебя сейчас яблоком, - возмутилась Влада. - Не вытираю я ноги о твой ковёр - я их вытерла о травку на газоне.

Соболь пристроился на стуле возле журнального столика.

- Ах, да... - Ян вновь вскочил. - Забыл лимонад принести. Ярослав, ты будешь лимонад?

- А что-ooo... разве-eee... я-aaa... когда-нибудь отказывался?

И уже обращаясь к Владе:

- Чем заниматься собираешься?

- Вот интересуюсь судьбой человека, которого сюда привела вчера. - Уклонилась от прямого ответа девушка.

Ян принёс разлитый по бокалам лимонад и подал сидящим.

- А себе? - В два голоса воскликнули молодые люди. Ян рассмеялся.

- Bravo! Какая забота?! Не хочу.

- А этот... с амнезией, - спросил Ярослав, делая глоток, - совсем ничего не помнит?

- Совсем. Странно это как-то... Такие случаи всё же редкость. Травм на теле нет... Воспоминаний о стрессе,

который мог бы это спровоцировать, тоже... Тем он мне интересней. Диагноз: тотальная ретроградная амнезия неясного генеза. Пока это всё...

Говоря это, Ян улыбнулся, глядя как Влада морщит носик от газировки.

- Ну не помнит и не помнит. Это же замечательный способ начать жизнь с чистого листа. Нет памяти – нет обязательств. А может... он симулирует потерю? Может, он преступник? – Ярослав даже встал с кресла и с бокалом лимонада заходил по кабинету. – Ты бы дал его координаты в полицию, брат. Зачем тебе эти проблемы?

- Я его сфотографировал, снял отпечатки пальцев и передал Иванцову. Он даст объявление в газету и на ТВ. Ну и пробьёт по базе своей. Симуляции нет. Он действительно не помнит. И это его пугает. Чем-то похож он на ребёнка, потерявшего маму. Смотрит на мир испуганными, круглыми глазами, не знает, за что ухватится... Весь мир кажется чужим. Я и Вселенная. Мне бы тоже стало страшно. Хотя здесь есть ментальный парадокс: одни через духовные практики стремятся освободиться от имени и всего, что с ним связано, от всего, что на них давит и оказывает влияние, другие же, как в этом случае, пытаются всё вернуть. Ибо страшно чувствовать себя одиноким и безымянным в этом огромном мире.

- Ну, это вечное стремление маятника бросаться из крайности в крайность. В том его судьба. Колебаться... В движении жизнь... - Ответил брату Ярослав, вновь опускаясь в кресло. – Наша жизнь — это то, что мы чувствуем и осознаём, а не то, как нас зовут и не то, кем мы являемся в обществе людей. Быть кем-то - это естественно. Страшно быть никем... Это абберрации нашей жизни. Я в этом уверен. Мы как синапсы. Наша задача чувствовать и передавать... а уж имя или порядковый номер – это самоуспокоение... раз мы обозначены ментально – значит есть мы, живём мы...

Ян рассмеялся.

- Ты меня позабавил – синапс! Имя нужно не про-

странству или Вселенной, а нам для идентификации среди себе подобных. Иначе мы выпадаем из некой сетки, связывающей всех нас... Это как айпи-адрес. Нет адреса и нет тебя в сети...

- Ну я же и говорю: синапсы!

- Пусть – синапсы. Вот такому синапсу и надо вернуть его точку координат в этом безграничном.

Ярослав допил лимонад и поставил стакан на столик.

- Ладно, я пошёл. Влада, ты со мной?

- Нет, Ярослав, извини, я останусь пока у Яна. Мне интересно с этим занудой.

- Ну, как знаешь, я ушёл. – Ярослав встал, пожал, прощаясь, руку брата и на полпути к двери остановился.

- А вообще-то он староват для тебя. У вас, если ты забыла, двадцать лет разница! Двадцать, Влада. Поверь мне, его брату, он никого не любит, кроме, разве что, своих подопечных... Я тебя предупредил. Пока.

- Пока.

После ухода Ярослава, в кабинете наступила неловкая пауза. Ян подошёл к окну и посмотрел вслед своему весёлому и жизнерадостному брату, почти вприпрыжку идущему по улице. Влада, обняла Яна со спины за шею, как всегда неслышно проскользнув по ковру.

- Ян, он слишком поверхностен... Не обижайся на него.

- Спасибо, Влада. Я и не обижаюсь. Я его люблю.

- А меня? Меня ты любишь?

- Больше всего на свете.

Колонны

Четыре... три... - Знакомый, божественно-гулкий голос отсчитывал: - два... один...

Я открыл глаза. Передо мной незнакомое помещение, просторное фойе. От пола до потолка шла полукругом стена из стекла. Огромный, пустой, неосвещенный зал

конденсировал в себе далекие шаги, шарканье, голоса... Всё это, то сливалось в единый шелест, то накатывалось отдельными звуками. За стеклянной стеной - звёздное небо.

Чужое звёздное небо, насыщенное вкраплениями крупных звёзд, которые, как порванные разноцветные и неравномерно разбросанные бусы, светили красным, зелёным, синим и белым светом.

Напротив меня за стеклянной стеной виделась тёмная, мрачная, посверкивающая стеклом колонна. Я подошёл ближе к стеклу и осмотрелся. Колонна нависала над землёй, никак к ней не прикреплённая. Сверху и снизу скруглённая, вытянутая вверх, как сигара. За стеклянными стенами виднелись люди, много людей. Они стояли, плотно прижавшись к стеклу, и, также, как и я, разглядывали пространство за стеклом. Помимо той колонны, в которой находился я, было ещё три. Все висели аккуратно расставленные по углам бетонной площадки. В этот момент к площадке подлетели два вертолётобразных аппарата. Подсвеченные прожекторами, они очень чётко просматривались сверху. Как только вертушки приземлились, из них высыпали вооружённые люди в чёрной форме и, встав шеренгами, справа и слева от трапа, приняли высыпающую из чрева аппарата пёструю толпу. Окружив, погнали их к противоположному краю площадки. Там виднелось небольшое одноэтажное здание, не сразу мной замеченное, в него-то и загонялись эти пёстро одетые люди. Вероятнее всего, это строение - лишь верхушка здания, размещённого под землёй и, возможно, под площадкой – там, наверное, располагался какой-то генератор поля, державший колонны на весу. Интересно, зачем и почему висели эти колонны? Чтоб не сбежали узники, или это карантинные сектора? Всё это было удивительно и странно наблюдать. Тревога, наполнившая меня с момента пробуждения здесь и до сего момента, не покидала. Я задавал себе множество вопросов, на которые не находил ответа...

Я не мог вспомнить ни имени своего, ни прошлой жизни... Кто я и откуда? Что я тут делаю, и кто все эти люди в колонне напротив?

Я в отчаянии поднял голову к небу. Там по-прежнему сверкала разноцветная россыпь звёзд. Я вглядывался в карту созвездий этого неба и понимал: оно мне не знакомо. Где-то в глубине души болью отдавалась тоска по забытому прошлому. Здесь всё было чуждым и пугающим. Кто я и что я? Я сел на пол и обхватил голову руками, закрываясь от звуков и света этого, пугающего меня мира. Просидев так некоторое время, я вдруг осознал, что звуки голосов и шагов стали громче и отчётливее. Открыв глаза, увидел, как в зал втекала толпа людей, испуганно озиравшихся и растерянных. Слышались всхлипы женщин. Я молча встал, всматриваясь в лица людей, в их одежду, надеясь увидеть хоть что-то знакомое... Но тщетно. Людей становилось всё больше, женские всхлипывания и мужские бормотания окружили меня, вдавливая в стекло за спиной. Я вдруг осознал, что передо мной все взрослые люди, - нет ни детей, ни подростков. И у всех круглые, полные страха и ужаса глаза. При всём моём отчаянии я не чувствовал ни страха, ни ужаса, ни паники - только растерянность и чувство бессилия от невозможности вспомнить хоть что-то из прошлой жизни. Меня осенила мысль, что, возможно, отсутствие у меня страха вызвано именно тем, что я не помню прошлого и не могу сравнить его с настоящим. Настоящее для меня не противопоставлялось привычному прошлому. Я жил здесь и сейчас, и единственное желание, возникавшее у меня, - это желание понять происходящее. Страх, паника и ужас этих людей не дают им понять настоящий момент, большая часть их сознания в привычном прошлом...

Я посмотрел в глаза рядом стоящего пожилого мужчины - там всё тот же ужас и слёзы на глазах.

- Простите, - обратился я к нему. - Как Вас звать?

- Да-а-а...ни-и-ил... - произнёс он, заикаясь.

- Данил, а как Вы тут оказались?

Данил закрыл лицо руками. Едва сдерживаемые рыдания сотрясали его тело.

- Я спал... дома... один... и вдруг... очутился на каком-то корабле... среди таких же, как и я, сонных и испуганных людей... люди с оружием, в масках... Что же это такое?! Где мы, что с нами будет?

Мужчина рыдал, не в силах сказать ни слова более. Я успокаивающе похлопал его по плечу.

Да, весь трагизм любого настоящего возможен только на контрасте с привычным прошлым... Сквозь монотонный говор людей, сквозь всхлипывания стал пробиваться истеричный крик женщины:

- Выпустите меня отсюда! Выпустите! Кто вы? Что вы с нами делаете?

Возможно, она бы ещё долго так визжала, но в это время из-под потолка и пола с шипением пошёл сизый дым. Ближайшие к источнику дыма люди вмиг становились сонными и садились на пол. Задержав дыхание, попытался выбраться из этого зала, но людей было так много, что мне не удалось сделать и нескольких шагов, и я, не выдержав, глотнул воздух... Накатилась беззвучно пульсирующая темнота.

Во тьме пульсирует маленькая светящаяся точка. Это пульсирует просыпающееся моё сознание. Точка вспыхивает, и тьма отступает. В сознание вторгаются звуки и ощущения: порывы лёгкого ветерка, шум прибоя, прохлада песка... Да, именно песка. Я открыл глаза. Надо мной стремительно скользили белые облака, небо было необычайно бездонным и голубым. Под руками чуть влажный рассыпчатый песок. Сев, я осмотрелся: прямо передо мной море или океан, волны безмятежно и монотонно накатывались на песчаный берег, шурша перемещаемыми массами песка и ракушек, за моей спиной - бесконечная скалистая стена...

Море, скалы, облака... Монотонный прибой резко диссонировал с быстро бегущими облаками... Сюр. Что-то необычное было в этом месте, и я никак не мог понять, что... Сняв обувь и носки, я встал, ещё раз осмотрелся и, не увидев ничего нового, направился к воде. Под моими ногами приятно проминался песок, чуть прохладный и успокаивающий. Засучив штанины, вошёл в воду. Вода была удивительно тёплой. Из-за туманной дымки, скрывающей линию горизонта, я ожидал прохладной воды, но был приятно удивлён. Походив немного вдоль берега, заметил стоящее вдалеке, у самого берега, куполообразное здание. Вернувшись к обуви и носкам, взял их в руки и направился в сторону сооружения, очень похожего на храм... Вдруг резко задул встречный ветер и раздался всё тот же гулкий, резонирующий голос: «Тебе ещё рано сюда...»

И я вновь провалился во тьму.

Во тьме вспыхивает огонёк. Он трепещет. Пульсирует. Приближается. Это язычок пламени. Пламя свечи. Пламя беззвучно мерцает. Переливается цветами – синий, зелёный, жёлтый, оранжевый... Пламя вытягивается. Рукавом радуги ползёт сквозь мрак. Края смыкаются. Закручиваются стремительным вихрем. Цветастый диск вращается. Цвета сливаются в один. Белый. Белый свет заполняет всё вокруг... Вспыхивает яркими опадающими точками... Снег.

Шёл снег. Небеса заботливо укрывали землю пушистым снегом. Чистым и непорочным. В неисчислимом множестве снежных хлопьев прятались дали. Тишина...

Слышно, как падает снег. Ш-Ш-Ш- ш-ш-ш... Ш-Ш-Ш-ш-ш-ш... Ш-Ш-Ш- ш-ш-ш... Вокруг только снег – в небе, в воздухе, на земле... Ничто не нарушит мерного падения. Только время.

Одинокая птица серой тенью срывается с ветки дерева и, тяжело захлопав крыльями, исчезает в снежной пелене. Ветви деревьев, усыпанные снегом, тяжело обвисают, дрожат... сбрасывают снежные лавины. Лучи

солнца, рассеянные мириадами снежинок, вспыхивают искрами в белоснежной завесе.

Я поднимаю глаза к небу. Пытаюсь в искрящей пелене найти след солнца. Ловлю луч. Свет вспыхивает в моём сознании, наполняя голову невыносимым жаром. Всё меркнет. Пространство, время, я... Всё растворилось. Пусто.

Свет меркнет. Тьма обволакивает меня и, мерно покачивая, убаюкивает.

В беззвучие сна вкрадывается тихий монотонный звук. Он нарастает, трансформируясь в низкий гуд, растекающейся по пространству и наполняющий сердце тревогой. Крики людей в отдалении пробуждают меня.

Открыв глаза, я увидел над собой ночное небо. Чистое безоблачное небо, сплошь усыпанное звёздами. Я сел. Вокруг меня холмистое песчаное пространство, укрытое травой и кустарником. Окружающий меня мир подсвечивался большой круглой Луной, встающей над горизонтом.

Я встал и осмотрелся. Холмистая долина с озером справа от меня и чуть ниже по уровню. Сзади на возвышении стояли несколько человек и вглядывались в облачный слой на востоке. Вдруг они дружно стали показывать руками в эти облака и, громко крича, бросились бежать. Я тоже посмотрел в этом направлении, но ничего не увидел. Лишь звук стал сильнее... Перевёл взгляд на берег озера – там тоже суетились убегающие люди. С недоумением я стал всматриваться в ползущие с востока облака... И увидел. Прямо под облаками, поблескивая боками, шло несколько машин, напоминающих привычные мне самолёты, но это были не они, хотя и с виднеющимися короткими крыльями.

Вдруг первый ряд тревожно гудящих машин сделал крен и пошёл на снижение. Я увидел серию вспышек, и на земле, один за другим, раздались мощные хлопки

взрывов. Облака пыли поднялись над землёй. Крики людей, грохот взрывов, вспышки огня... Я метался в этом хаосе, пытаюсь найти хоть какое-то укрытие. Где-то позади меня и очень близко раздался взрыв, ударная волна опрокинула меня навзничь, лицом в песок... Я слышал ухающие звуки, но не слышал больше голосов, и свой голос я тоже не слышал, хотя кричал в ужасе от этого места и от непонимания происходящего... Я метался, фиксируя внимание на взрывах... Вспышка слева, вспышка справа... Резкая вспышка боли, разрывающая мне грудь... И сознание померкло...

Ян Соболев

Ян Соболев склонился над сидящим в кресле Виктором Шейном, положив левую руку ему на плечо, правой приоткрывал веко пациента, встревоженно всматриваясь в зрачок.

Виктор Шейн слегка мотал головой из стороны в сторону, его руки, лежащие на коленях, заметно подрагивали, лоб был мокрый, а глаза совершали лихорадочные хаотичные движения...

- Виктор, Виктор... Я здесь, рядом с Вами... Вы в безопасности... Виктор, следите за моим голосом, слушайте его... Виктор, Вы меня слышите? Если слышите, кивните головой...

Виктор Шейн сделал слабозаметный кивок головой.

- Хорошо, Виктор. Вы находитесь в безопасности и под моим контролем. Сейчас я начну обратный отсчёт, от десяти к единице. И когда я стукну двумя пальцами по Вашему лбу, Вы проснётесь и откроете глаза. Виктор, Вы меня поняли? Если «да», то кивните головой.

Виктор Шейн вновь, также вяло и едва заметно, кивнул головой.

- Отлично! Десять... Ваше дыхание спокойно... девять... Вы дышите ровно... восемь... Вы делаете глубоко-

кий вдох... семь... Делаем выдох... шесть... вдох... пять... выдох... четыре... вдох... три... выдох... два... готовимся к пробуждению... один...

Ян Соболев двумя пальцами, указательным и безымянным, слегка ударил по лбу пациента.

- Открываем глаза, Виктор. Открываем...

Виктор, открыв глаза, обвёл взглядом обстановку, остановился на несколько секунд на психотерапевте, затем заметил стакан с водой, стоящий на журнальном столике подле кресла пациента, взял его и, прикрыв глаза, стал пить.

Ян Соболев пождал, пока Виктор выпьет воду и поставит стакан на место, а затем спросил:

- Вы знаете, кто Вы, где находитесь и кто я?

- Да. Кабинет психотерапевта. Вы – Ян Соболев, я – Виктор Шейн.

- Замечательно. Расскажите, что Вы видели.

Ян Соболев взял блокнот и ручку, приготовившись записывать рассказ Виктора. В это время дверь в кабинет открылась, и в него вошла Влада. Как всегда, жизнерадостная и с румянцем на щеках.

- Всем привет! Надеюсь, я вам не помешала...

Виктор, ещё не придя в себя после сеанса, только слегка кивнул.

Ян Соболев, повернувшись к девушке, сказал:

- Здравствуй, Влада! Ты не помешала, но мы будем очень признательны, если ты пока побудешь в тишине и одиночестве – только что закончился сеанс, и мне надо сделать описание переживаний Виктора и разобраться с ними... Хорошо?

- Как скажешь, мой милый... любезный строгий друг.

Влада одарила Яна улыбкой и нарочито захлопала ресницами, подчёркивая игривость и шутливость своих слов.

Девушка ушла в дальнюю часть кабинета, налила себе сок и, прихватив пару мандаринов, удобно расположилась в кресле. Достав плеер, надела наушники и, попивая сок, наблюдала за Яном. Ей нравился этот серьёзный и умный мужчина. Владу неудержимо влекло к нему, к его спокойствию и чувству уверенности в себе, к тому чувству самодостаточности и галантности что исходило от Яна.

Виктор Шейн рассказывал, Ян записывал и иногда задавал вопросы. И совсем изредка, бросал быстрые взгляды в сторону Влады. Девушка не упускала ни одного такого взгляда и всегда отвечала улыбкой, глядя ему в глаза.

Ян встал и провел несколько раз рукой вдоль лица Виктора. Тот сидел с закрытыми глазами.

Влада отключила плеер и сняла наушники. Мягкий баритон Яна обволакивал пациента. Влада никогда не присутствовала на сеансах своего друга Яна и потому с особым интересом и вниманием вслушивалась в его слова и следила за каждым его движением.

- Теперь кисть моей руки движется в противоположном направлении. Она поднимается. Она поднимается к Вашему лицу. Вы чувствуете тепло, исходящее из моих рук. Оно Вас расслабляет. Ваши веки тяжелеют. Ваши веки становятся тяжёлыми. Вам всё больше и больше хочется спать. Всё больше и больше... Моя рука поднимается выше – она в районе Вашего лба. Ваши веки тяжелеют, они очень тяжелые, Вы чувствуете усталость и сонливость. Вам всё сильнее и сильнее хочется спать. Вы чувствуете непреодолимое желание спать. Ваши руки тяжёлые и твердые. Ваши руки настолько тяжёлые, что Вы не можете их поднять. Попробуйте, Виктор, поднять правую руку. Правая рука тяжёлая, она Вас не слушается. Вы не в силах её поднять. Ваши руки свинцовой тяжестью лежат на коленях.

Вы слушаете мой голос и только мой. Вы очень спокойны и очень расслаблены. Все ваши мышцы рассла-

блены. Мышцы головы, затылка, плеч, рук, туловища, ног расслаблены. Вы дышите медленно и глубоко. Вдох... Выдох... Вы дышите ровно. Вам очень тепло и уютно. Вы отдаёте себе отчёт, что ничего не слышите, кроме моего голоса. Веки сомкнуты, глаза закрыты. Попробуйте открыть глаза, они останутся закрытыми до тех пор, пока я не скажу их открыть. Вы слушаете только мой голос.

Теперь полностью сосредоточьтесь на том, что я буду говорить. Мы с Вами будем шаг за шагом погружаться в Ваше прошлое. Начнём с сегодняшнего утра. Вспомните в деталях, что Вы делали сегодня утром. Что Вы ели сегодня за завтраком? Что?

Ян наклонился ближе к Виктору, вслушиваясь в его тихий голос.

- Прекрасно, Виктор. Вспомните подробно, что Вы делали прошлым утром? Что Вы кушали за завтраком? Теперь мы возвращаемся в Ваш первый день у меня на приёме. Вспомните, в чём вы были одеты в этот день. Вы можете представить себя, разговаривающего со мной?

Ян вновь наклоняется к Виктору, вслушиваясь в его ответ.

- Прекрасно, Виктор, прекрасно! Слушайте меня очень внимательно. Мы возвращаемся в то время, когда ты был маленьким. Совсем маленьким. тебе полтора года. У тебя маленькие ручки и ножки. Ты совсем маленький. Маленький, маленький... Утро. Ты проснулся. Осмотрись вокруг. Проживи этот день таким, какой ты есть сейчас... маленький, маленький. Тебе полтора года.

Ян откинулся в кресле и внимательно наблюдал за Виктором. Его лицо было без эмоций – совершенно спокойно. Но вот улыбка пробежала по губам. Виктор улыбался.

Ян встал и подошёл к Владе, по-прежнему сидящей в кресле. Опустился перед ней, сев на пол возле кресла и обнял её колени и, положив голову на них, шёпотом сказал:

- Уф, устал.

Влада погладила его голову и запустила свои изящные пальчики в его волосы, играя прядями седеющих волос.

- Какие они у тебя тонкие и мягкие, Ян... - Произнесла она также шёпотом.

- Это плохо?

- Нет, что ты?! Просто ты такой строгий и серьёзный, а волосы такие мягкие... Наверное, и характер должен быть таким же.

- А разве он не такой?

- Мне кажется – нет. Ты упрямый и волевой. Вот я и удивляюсь...

- Влада, пойдём, прогуляемся? Сходим, перекусим, спустимся к морю. У меня сегодня куча свободного времени, и я хочу насладиться твоим обществом и тобой.

- Мной? Насладиться? Как мандаринкой? Съел и выбросил остатки?

Ян поднял голову и посмотрел в лукавые глаза Влады.

- Пошли, Влада.

- А как же Виктор? Мы оставим его одного?

- Да. Оставим одного. Ему сейчас не до нас. Он путешествует в глубинах своей памяти. Надеюсь, именно в её глубинах, а не в миражах.

Ян встал, взял Владу за руку, и они вышли из кабинета.

Устами младенца говорит истина

Я хотел спать, но меня разбудили. Умыв лицо тёплой водой, стали торопливо собирать. Я знал, куда мы сейчас поедем. Мы каждое утро едем в дом, где много детей. Каждое тёмное холодное утро... Там ветер бросается снегом, и мороз щиплет лицо.

Мне торопливо и насильственно запихнули несколько ложек вчерашней манки, терпеливо обтёрли выплюнутое

месиво каши, надели на голову шапку, варежки, запаковали меня в курточку, завязали лицо шарфом, оставив щелки для глаз, и усадили в санки, заботливо укрыв ещё и пледом. Я дремал и смотрел на всё полуоткрытыми глазами. Откуда-то издалека в моё сонное сознание вривались звуки, голоса...

- Витя, я всё. Выноси санки с ним на улицу. Я побежала.

Это мама обращалась к отцу. Глухо и неразборчиво прозвучал голос отца... Кажется, он чистил зубы...

Санки со мной резко поднялись вверх, так что я вздрогнул и пробудился. Ко мне наклонилось улыбающееся лицо со следами зубной пасты вокруг рта.

- Испугался? Ничего, сейчас будешь кататься на санках. Хочешь кататься на санках?

Меня быстро вынесли на улицу и поставили на заснеженную дорожку. Порыв ветра бросил облако колючих снежинок, упавших на плед и мою одежду.

- Ну, всё, всё – я побежала.

Заскрипел снег под ногами, и санки, дёрнувшись, плавно заскользили вперед.

Санки скользили вперёд, меня покачивало на поворотах и кочках, кругом звучали голоса женщин, скрип шагов, смех и даже рев детей – таких же бедолаг, как и я, сдаваемых на склад временного содержания.

Перед моими, слегка подёргивающимися санками, мельтешили пятки валенок, обутих в калоши...

Сквозь дремоту услышал приближающийся рёв ребёнка, шаги и скрип санок по снегу.

- Галя, твой бутуз всегда спокойный... спит, да?

- Ну, да... как обычно...

- А мой всю дорогу орёт, то и дело шарф ему поправляю... Юла, а не ребёнок...

В темноте морозного утра наплывал пучок раскачивающегося света. Он рос, поднимаясь всё выше и выше...

- Уф, до фонаря дошли, здесь хоть посветлее... Луны

нет, хоть глаз выколи...

- Ну, да... А если бы и снега не было на земле... Тогда всё! Тьма! Он подсвечивает нам дорогу...

Женщины засмеялись. Санки остановились.

- Ой! Шарф, паразит, опять развязал! - Воскликнула спутница мамы, кинувшись к своему вечно недовольному отпрыску. Повязав шарф, она успокоилась и санки вновь заскользили.

- Ещё немного, и мы на месте...

- Ну, да... - послышался голос мамы, - только тебе домой, обратно, а мне дальше на работу бежать...

Женщины засмеялись, а мама продолжила:

- Такова женская доля: с утра ребёнка в сад, потом на работу, потом опять в сад, потом домой. Ноги некогда вытянуть и отдохнуть... Готовить, стирать, убирать...

- Не переживай, Галинка, на пенсии отдохнём...

- До этой пенсии, как до Пекина пешком... Да и что, твоя мать, пенсионерка, дома много сидит? Вечно чем-то занята и куда-то ей надо...

- Ты права – к тому времени мы все уже забудем, чего желали и чего хотели и будем рады быть полезными нашим детям.... Голоса разговаривающих, равномерный скрип шагов и санок убаюкали меня. Проснулся я от того, что меня извлекли из моего транспорта и поставили на ноги.

- Всё, приехали! Пошли в садик, к тёте Наде...

В группе нас рассадили по стульчикам и скамеечкам и начали рассказывать сказку про Красную Шапочку и Серого Волка. Я слушал невнимательно, вертел головой, рассматривая детей, сидящих рядом со мной... После сказки наступило время завтрака, а потом игра – дети расселись по ковру в центре группы с игрушками, периодически вспыхивали склоки между не поделившими одну и ту же игрушку. Я без особого энтузиазма играл старым металлическим грузовиком, у которого часто отваливалось заднее колесо... Воспитательница заметила

скучающего ребёнка и подошла ко мне:

- Хочешь, мы сделаем бумажный кораблик и отправим его в плавание? Вставай, пошли.

Она взяла меня за руку, подвела к большой металлической ёмкости, стоящей возле окна, такие же я видел на кухне, и поставила на стол возле ёмкости. Там почти до самых краёв была налита вода. А вот уже и кораблик, сделанный из тетрадного листа, закачался на волнах – воспитатель ударяла пальцами руки по боку ёмкости и от металлических стенок бежала к центру волна... Не успел я этим увлечься, как в группу вошла женщина в белом:

- Надя, сейчас придёт фотограф... Вот два костюмчика – моряк и летчик. По очереди будешь переодевать и сажать фотографироваться. А вот и он. Здравствуй, Степаныч. Здесь наши самые маленькие воспитанники-непоседы...

В комнату вошел мужчина с чемоданом и странным пугающим устройством.

- Ну, вот с тебя и начнём.

Меня быстро сняли со стула, посадили на стульчик у стены и переодели в форму лётчика, водрузив на голову большую фуражку с козырьком. Пока меня переодевали, я неотрывно наблюдал за человеком со странным устройством. Он поставил его на трёх ногах напротив меня. Из открытого чемодана извлёк какой-то аппарат и водрузил его на треножник, направив на меня черной и блестящей выступающей частью.

- Ну, всё, готово!

Сказала воспитательница, отойдя от меня к мужчине.

- Можете начинать.

- Мальчик, смотри сюда... сейчас вылетит птичка...

У меня закружилась голова, мне стало страшно, и я разрыдался. Ко мне кинулась воспитательница, пытаясь успокоить.

- Ну что случилось, что? Что тебя так испугало?

Сквозь слёзы, сморкания и всхлипывания, изнывая

от жалости к самому себе, я сказал:

- Там нет птички... Он фашист и будет меня расстреливать...

- Какой фашист? Ты что такое говоришь?

От ужаса, что меня сейчас расстреляют, у меня сильнее закружилась голова, в глазах потемнело, и я стал падать... Я услышал, как воспитательница Надя, а может, это и не она, кричала кому-то: «Нашатырь сюда, живо! Давай, давай...» И откуда-то издали мужской голос: «В операционную его, в операционную...»

Я падал в ватную тишину, в бездну, где из ощущений мне были доступны только падение, переходящие в полёт, и покачивания... В сознании вспыхнул яркий образ - полёт в фиолетовом пространстве среди разноцветных фигур: кубы, пирамиды и шары... Меня неудержимо тянуло вперёд, как и все эти формы, я плыл, подчиняясь неведомой силе...

Меня покачивало, тошнило и глаза сами закрылись – фиолетовый мир с разноцветными фигурами погас... И в обволакивающей темноте, я стал различать голоса...

- Хадир, шайтан! Хватит спать уже, животное. Посмотри, сколько слюней напускал... Твой верблюд сейчас умрёт от зависти.

Раздался хохот двух голосов.

Я открыл глаза. Не придя в себя после странного сна, непонимающим взором обвёл всё вокруг...

Чуть впереди меня на двух верблюдах сидели всадники в чёрном, укрытых биштами с серебряным узором. Позади моего верблюда шли ещё два вьючных. Подарки на свадьбу? Я никак не мог вспомнить, куда и откуда мы движемся.

Я вытер рукавом дишдаша губы, по которым и вправду стекала слюна. Нервно сглотнул. Поправил на поясе ханжар. И, приободрившись, ответил:

- Что разорались? Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания... Я спал и молчал. Вам

было плохо?

- Ха, ха, ха... - рассмеялся впереди едущий и, повернувшись в пол-оборота, обратился к своему спутнику, - Ясир, ты слышал? Наш соня пробудился... Ха, ха, ха...

- Не обижайся Хадир, но нам скучно было вдвоём, а ты с утра спишь. Суетливый не найдет удовлетворения, сердитый - радости, а скучный - друга. Ты же сам напросился в дорогу. Хотел в нашем лице найти друзей... Так в чём же дело?

- Да, извини, Ясир. Спросонья я всегда немного не в себе.

Я пытался вспомнить, как звали второго, впереди едущего хохотуна, но в голову ничего не приходило...

Солнце стояло уже высоко, и воздух обжигал дыхание. Я поправил гутру, стараясь укрыть лицо от зноя. Вокруг было тихо, возможно, потому, что шли мы по руслу высохшей реки. Красноватый песок, попеременно с камнями, поскрипывал при каждом шаге верблюда. Попадалась редкая растительность, которую верблюды срывали на ходу. Я отстегнул от пояса серебряную фляжку в кожаном чехле и сделал несколько глотков воды. Она была горячей и неприятной, но облегчила мне дыхание.

Я уже устал сидеть, хотелось размять ноги.

- Ясир, нам далеко ещё? Надо бы полуденный зной переждать, отдохнуть, попить, поесть...

- Хадир, не ной, как паршивая старая собака! Там, за этими барханами, - сказал едущий впереди хохотун с раздражением и показывая в сторону рукой. - Позаброшенный дом старого еврея, много лет назад покинувшего этот бренный мир. Мир его праху! В этом доме переждем полуденный зной... Перекусим и отдохнём. Там был колодец - напоим верблюдов и сами запасёмся водой.

- Фарах, не шуми. Наш друг не привык так далеко выбираться от дома, сидя на верблюде, - сказал хохотуну Ясир.

Фарах ничего не ответил, лишь искоса посмотрел на меня. Вражды без причины не бывает. Похоже, что с

этим Фарахом нужно быть всегда начеку. Змея от своего яда не погибает, но жертве не позавидуешь.

Фарах направил верблюда на правый берег русла и стал подниматься, я с Ясиром за ним. Поднявшись, мы увидели впереди белый дом, подрагивающий и плывущий в слоях разогретого воздуха. У меня невольно вырвался вздох с облегчения. Мне уже чудилась синевя тени этого дома, спасающая от пекла, изливаемого на нас небесами.

Дом стал ближе. Был уже виден местами полуразрушенный забор, сложенный из таких же блоков ракушечника, как и дом. Одна створка металлических ворот лежала на земле, частично поглощённая песком, другая, оторвавшись от верхней петли, висела, упираясь в землю.

- Ну, наконец-то мы прибыли, - выдохнул я с радостью.

- Медлительность часто приходит к цели, в то время как поспешность путается на дороге. Так что не стоило и нам торопиться. За поспешностью всегда следует раскаяние, - ответил мне Ясир.

Я промолчал, но подумал: «И что он умничает? Книг начитался? Только черепахи никуда не спешат».

Мы привязали верблюдов в тени дома, под навесом. Чтобы напоить животных, нашли старое деревянное корыто, обитое кожей, ведро и верёвку из конских волос, чтобы можно было набрать воды в колодце. Мне поручили набрать воды, а сами пошли обустраивать место для трапезы и отдыха.

Подойдя к колодцу, едва выглядывающему из песка, я привязал верёвку к ведру и закинул в колодец. Но меня ждало разочарование - вместо ожидаемого всплеска воды услышал приглушённый удар ведра о грунт. Я лёг на живот и заглянул в сизую бездну колодца. Когда глаза привыкли, увидел ведро, лежащее на сухом песке,

и ни следа воды. Из глубины колодца веяло прохладой, влажностью. И идти никуда не хотелось – так бы лежал весь день, а ещё лучше – спустился на дно его и поспал там... Но надо было что делать. Вода нужна не только верблюду.

Я встал и поплёлся в дом. Ясир и Фарах расположились в коридоре, меж комнат, в самом прохладном и продуваемом ветерком месте. Они уже раскладывали нехитрую снедь, когда я вошёл.

- Воды нет. Колодец сух или его дно засыпано песком.

- Вот шайтан! - Выругался Фарах.

- Надо прокопать тогда его. Мы не можем без воды идти дальше – до следующего источника ещё ночь и полдня. Ясир, иди с Хадиром к колодцу, я сейчас принесу лопату – видел где-то здесь.

Когда я с Ясиром подошёл к колодцу, то мы оба, не сговариваясь, легли на живот и устались в сизую глубину колодца, в надежде увидеть воду, но... её не было по-прежнему. Фарах принёс лопату и, посмотрев на меня, сказал:

- Хадир, ты здесь самый маленький по росту и тебе удобнее будет в колодце выбирать песок... Так что придётся спускаться тебе.

Мне эта идея не нравилась, несмотря на то, что ещё мгновение назад я готов был сам туда залезть. Одно дело – спускаться в колодец чтоб отдохнуть в прохладе и другое – лезть туда копать, как презренному рабу. Но что делать?! Пришлось спускаться мне. Я снял обувь, и меня обвязали верёвкой, дав в руки ведро и лопату.

- Хадир, как только опустишься на дно, развяжешься и привяжешь ведро.

- Да, Фарах, я понял.

Погружение в зев колодца оказалось приятней, чем я думал вначале – после пекла на солнце, здесь приятно веяло прохладой и чувствовалась влажность.

Коснувшись дна колодца ногами, я тут же отвязался

и привязал ведро. Так как песок под ногами был достаточно сух и сыпуч, то я попросту зачерпнул его ведром.

Я отправлял ведро за ведром наверх, черпая песок. По камням колодца я определил, что уже опустился более чем по колено от первичного слоя. Вот наконец-то появился и влажный слой. Пришлось копать лопатой. Ещё немного, и под моими ногами зачавкала вода в песке. О, какое это блаженство! Ступни ног касались мокрого песка, погружались в прохладу воды, так что волны блаженства от ног текли к голове.

Ещё с десятков вёдер, и вода начала прибывать, так, что мы смогли её черпать. Я по-прежнему сидел в колодце, пока мои спутники поили животных и запасали воду в путь. Но пришла и моя очередь вслед за последним ведром выбираться отсюда. Наверху слепило солнце и обдавало жаром пустыни.

Уставший и довольный собой я пошёл в дом. Омыв руки, мы сели утолить свой голод.

Так как я никак не мог вспомнить, откуда и куда мы направляемся, то я спросил своих спутников об этом. Возникла долгая пауза, они перестали есть, посмотрели друг на друга, потом на меня... Фарах начал улыбаться, а потом и вовсе захохотал:

- Хадир, тебе что, солнце память отшибло, или ты её во сне потерял? Или в тебя вселился Иблис?

В разговор вступил спокойный и уравновешенный Ясир:

- Хадир, если ты забыл, то я тебе напомним: твой дядя, Шейх Хамад бен Халиф аль-Мактум, решил помириться с Шейхом Мансур бин Зайед Аль Амуди, с которым у него вышла давняя вражда из-за принцессы Мириам... Вот... он нас, и тебя тоже, направил с визитом дружбы. Мы везём подарки шейху и всей его семье... в том числе и принцессе Мириам, ставшей второй женой Шейха Мансур бин Зайед Аль Амуди. Теперь вспомнил?

- Нет, не вспомнил, но теперь знаю, кто я и куда мы движемся... Всё как-то легче стало, Ясир. Долгий опыт

обогащает ум - дядя принял верное решение. Вражда не несёт благо.

Мне теперь стало понятно, почему Фарах на меня так подозрительно косится. Ещё бы, сам племянник их господина в пути с ними... Думает, наверное, что шейх им не совсем доверяет и потому меня отправил приглядывать... А может, так и есть? Хотя вряд ли – приглядывать мог и слуга дяди. Здесь почётное поручение. Дядя не будет отправлять с такой ответственной и опасной миссией кого попало... хм... от этих мыслей и, особенно от слова «опасной», у меня защемило сердце. А вдруг нас там казнят? Шейх Мансур бин Зайед Аль Амуди известен своей вспыльчивостью и скорой расправой.

- Пойду осмотрюсь. Интересно, как тут жил этот старый иудей.

Я пошёл бродить по помещениям. Многие из них ещё хранили следы былой красоты и роскоши, кое-где даже остались небольшие узкие матрасы, что стелили на специальных выступях у окон внутри помещения для возлежания и обдувания ветром, а также для наслаждения видом из окна. Я стал с любопытством рассматривать эти матрасы – они были вышиты серебром. И даже слой пыли не мог скрыть их великолепие. Я приподнял один из них в попытке стряхнуть пыль, и увидел под матрасом чеканные золотые монеты. Не все монеты были круглые, были и прямоугольные со скруглёнными углами, были монеты и с цветной глазурью с изображением какого-то властелина. Вероятно, монеты были персидские, доисламского периода, или индийские...

Я в азарте стал их сгребать в одну кучу, складывать на проверенный уже матрас и бежал проверять другие...

- Хади-и-и-р, Хади-и-и-р, сын Иблиса... Куда тебя шайтан понёс?!

Это Фарах меня зачем-то ищет. Может, мы собираемся уже в дорогу? Я заметался по помещению, лихора-

дочно ища место, куда мог бы спрятать найденные мной монеты, а потом незаметно забрать. И тут с удивлением обратил внимание на свои руки. Я на них смотрел так, как будто это были чужие руки, будто я их видел первый раз – маленькие толстые кисти рук с короткими крючковатыми пальцами, сплошь покрытыми чёрными жёсткими волосками... У меня возникло отвращение к этим рукам и к их хозяину.

- А, вот ты где! Что там у тебя? Что от нас прячешь?

Я в шоке повернулся к Фараху, прижимая руками к животу найденные монеты и затравлено выдохнул:

- Мои. Я нашёл... Мои они, не ваши...

В дверном проёме, рядом с Фарахом, появился Ясир. У меня в глазах всё поплыло и закачалось, медленно растягивались фигуры людей, их слова... Из моих расслабленных рук выскользнули монеты и покатались по полу. Я упал и видел, как одна из них крутилась юлой возле моего носа, пока моё сознание не померкло.

Влада и Ян

Солнце висит над горизонтом, краснея от предстоящего соприкосновения с морем, щедро одаривая изгибы волн последними искрами и восторгами уходящего дня.

На море штиль, и волны лениво накатывают на берег, шурша ракушками и песком, и лишь редкие крики чаек и, иногда доносимые, шумы города нарушают релаксирующий шелест вечернего пляжа.

Полупустая пляжная полоса уже обезлюдела, отдыхающие попрятались по отелям и квартирам, готовясь к вечерне-ночному randevu. Оставшиеся немногочисленные отдыхающие играли в пляжный волейбол и купались, предпочитая вечернею умиротворяющую прохладу дневной суете.

Издалека была видна пара, держащаяся за руки и

идущая по кромке воды. Это Влада и Ян. Оба шли босиком, неся обувь в руках. У Яна были подвёрнуты штанины, он шёл ближе к берегу. Лёгкий порыв ветра доносил голос Яна:

- «... в тот самый день, когда больше не будет полу-нормальных людей, цивилизованный мир погибнет — погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности». Это утверждаю не я, заметь, это французский психиатр Кюльер. Наш мир перестаёт быть полу-нормальным – рациональность его убивает.

Влада смеялась в ответ:

- Ян, иначе говоря, ты против рациональности и прогресса?

- Нет, нет что ты?! Я, скорее, за регламент, а не за догмат. К тому же – прогресс изначально нерационален и быть иным не мог... Я против засилья посредственности в обществе. То-то так хищнически всякая посредственность относится к искусству, объявляя нормой милитари, ростовщичество и потребительство. То-то всякие «нормальные» придурки уничтожают исторические и культурные ценности в угоду своим страстям, желаниям и верованиям. Являясь сами посредственностью, они говорят о других людях, что эта бездарность и эта никчемность не должны топтать эту землю... Сложно представить художника или музыканта, мечтающего истребить массы людей ради религиозной идентичности или идеи о всеобщем благе. Посредственность – это приспособленцы. Отсутствие иерархии ценностей у посредственности свидетельствует об их моральной неразвитости...

Ян видит, что Влада хочет ему возразить и, эмоционально взмахивая руками, останавливает её.

- Подожди. Ты, наверное, сейчас скажешь: «Ну конечно, это же нормально - приспособливаться к изме-

няющимся условиям жизни. Этим очень славится женская половина рода людского... А иначе мы были бы, как и эти ракушки под ногами, реликтами, осколками прошлого. И уже давно... если бы упрямо пытались бороться с неизбежным...» Всё верно - для выживания нужна способность приспосабливаться, умение довольствоваться малым и не перегружать свой мыслительный аппарат обобщениями и изысками, ничего общего не имеющими с реальностью... Но благодаря «полунормальным», идущим на костёр, кричащим: «А всё-таки она вертится!», и утверждающим безграничность пространства в ущерб посредственному учению о твёрдом небесном своде, мы имеем культуру и науку, а не только уничтожение мирового наследия варварами, подобно саранче, вылезшими из преисподней и провозглашающими свою истину как общепринятую норму. Но что такое норма? Скажи мне, пожалуйста, что? А я отвечу тебе. Норма - это муравейник. Иерархически, структурно выстроенный и без изменений живущий миллионы лет... К такому муравейнику и стремятся все догматы - если не можем заглянуть в будущее, то будем планировать его в существующей идентичности к этому теперешнему настоящему. Ведь стабильность и незыблемость — это так приятно, а свобода выбора... это ветер перемен. А каждая «ячейка общества» не любит «ветер перемен» в своих домах и особенно - спальнях.

Влада, подзуживая Яна, захохотала:

- Ян, ты что, за свободную любовь?

- Ну, зачем же так извращать мои слова? - Возмутился Ян. - Я за свободу личности. У личности непременно имеется инструмент приспособления к миру или его преобразования, подчёркиваю, осознанного приспособления или преобразования, согласно своим интересам, а не навязанным извне всякими манипуляторами. В нирване и муравейнике - только безличное. Те же, кто во дворцах, они все - за выбор для себя, верхушки пирамиды, и за незыблемость основ для низов, за норму. Ведь так

пирамида устойчива и их там, наверху, не тошнит от потрясений...

- Ян, я вообще не пойму, почему мужчины любую тему переводят в плоскость политики и, конечно, революции? Давай наслаждаться пространством вокруг нас. Здесь и сейчас. Мир прекрасен. Все проблемы остались там, на асфальте и брусчатке, в офисах, а здесь вечность...

Влада смотрела себе под ноги и поддевала ногой ракушки, подбрасывая их:

- Вот она, вечность, а мы пока живы с тобой, можем наслаждаться и миром и собой в нём.

Но ракушки под ногою,
Как надежды чьей-то крах,
Заплетают в смех приборя
Нарастающий мой страх...

- А мы пока живы, и нам нечего бояться неизбежного – оно ведь неизбежно! Ну-ка, побыстренько, поцелуй меня.
- Влада обняла Яна и сама поцеловала его.

Солнце уже коснулось горизонта. Подул ветер, и море начало штормить. Одна из волн ударила в скалистый кусок камня, возле которого остановилась пара, и забрызгала их. Влада и Ян засмеялись, отбегая подальше от брызг.

Они пересекли пляж и по лестничным пролётам поднялись в город. По пути присели на скамью у клумбы с цветами. Отряхнули ноги от ракушек и песка и обулись.

Влада обернулась к клумбе и с наслаждением втянула ноздрями аромат цветов. Посмотрела с улыбкой на Яна, в этот момент зашнуровывающего туфли, а потом перевела взгляд на заходящее солнце, на море...

Влада театрально протянув руку к морю, восторженно продекламировала:

Видишь, кромка горизонта?
Так за нею поспеши.
Поиграй в немое рондо
Тёмной собственной души.

Солнце наполовину спряталось за горизонт, окрасив небосклон в красно-оранжевые тона.

Влада и Ян, обнявшись, шли по вечернему городу. Смеялись, рассказывая что-то друг другу. По зебре пешеходного перехода, в потоке людей, перешли дорогу. Весь воздух вечернего города пронизывала музыка, она неслась из проезжающих мимо авто, из кафешек, привлекающих клиентов, из акустических систем, закреплённых на столбах дорожного освещения.

Проходя мимо кафе под открытым небом, Влада выскользнула из объятий Яна и быстро заняла только что освободившийся столик. Она сделала заказ подошедшему официанту и, что-то у него спрашивая, засмеялась. Официант в ответ улыбнулся.

Ян неотрывно смотрел на Владу, на её весёлые глаза, сверкающие задором, на губы, которые не покидает очаровательная улыбка, на её прекрасные пальцы рук, иногда поправляющие чёлку.

Влада поймав взгляд Яна, протянула через стол руку и нежно коснулась его кисти, перевернула ладонью вверх и накрыла своей.

Им принесли заказ - молочный коктейль.

Арест Виктора

В коридоре, возле двери с золотистой табличкой «ЯН СОБОЛЬ. ПСИХОТЕРАПЕВТ», стояли трое полицейских и один в штатском. Полицейский, с погонами майора, гневно стучал кулаком по двери.

- Ян! Соболев! Чёрт побери, открывайте дверь или я прикажу её выломать.

Майор оборачивается к штатскому.

- Иванцов, Вы звонили вашему другу? Где он шляется? Если мне сейчас не откроют эту чертову дверь, то я вас обоих посажу в клетку. Где консьерж?

- Господин майор...

Но майор, недослушав Иванцова, перебил:

- Какой я тебе господин? Господа все в Париже.

- Товарищ майор... Я звонил ему, но он не отвечает на звонок. Вот ещё раз сейчас позвоню.

Иванцов набрал номер, за дверью кабинета послышался звонок сотового телефона.

- Вот видите, госп... товарищ... майор, он ушёл без телефона.

- Видеть не вижу, но слышу точно. Откройте мне эту чёртову дверь сейчас же.

К полицейским, столпившимся у кабинета психотерапевта, подошёл консьерж, растеряно осматривая людей возле двери. Майор заметил его.

- Консьерж? Ну-ка, живо откройте её мне.

Консьерж нерешительно мялся, не двигаясь с места.

- А у вас есть ордер? Неприкосновенность частной собственности...

Майор сделал шаг к консьержу и, в гневе нависая над консьержем, поднёс к его лицу кулак.

- Вот мой ордер. Тоже хочешь ночь провести в обезьяннике? Там, за этой дверью, возможно, находится преступник, виновный в смерти трёх человек. Живо открывай! А то арестую за противодействие и укрывательство...

Консьерж подошёл к двери, открыл замок и приоткрыл дверь. Полицейские, оттолкнув консьержа, вошли в тёмную комнату. Кто-то включил свет. В кресле сидел с закрытыми глазами, безвольно свесив голову, Виктор Шейн.

Майор подошёл к нему и, не церемонясь, взял за волосы, и поднял голову.

- Вот он где отсиживается! – Воскликнул майор со злорадным торжеством. - А мы тебя, сайгак, ищем, ночи не спим, а он тут прохлаждается... Серёгин, сверь ещё раз его по фото.

Лейтенант Серёгин открыл папку, которую держал в руке, и посмотрел на фото.

- Он, товарищ майор, он. Посмотрите сами.

- Уже нагляделся, вижу. – Майор раздражённо отвернулся от Виктора Шейна, небрежно отпустив его голову. - Иванцов, ищите своего друга гипнотизёра, живо! Иначе я обоих вас отправлю в транс. Вот этим предметом. Или пойдёте у меня по статье за укрывательство преступника и соучастие.

Майор показал кулак Иванцову, злорадно посмеиваясь.

- Бойтесь Иванцов? Страх - это хорошо. Это признак уважения к власти.

- Странное у Вас, госп... товарищ майор, восприятие уважения. – Парировал майору Иванцов. – Страх - это признак несвободы, а уважение только там, где свобода.

- То есть, журналюга, ты меня не уважаешь? Раз я вижу твой страх... Мне как-то без разницы, уважает ли меня кто из obsługi или нет. У каждого своё место и своя роль, писака. Волки, они санитары леса... Зачем им уважение слабых животных?

- Я как-то по глупости своей думал что вы, полицейские, в obsługi. Слуги народа же! – вновь парировал Иванцов выпад майора. - Живёте на налоги граждан и нас же запугиваете. Как-то на паразитирование похоже это... Вам так не кажется?

- Поговори мне тут ещё! Поумничай.

Майор сел в кресло психотерапевта напротив Виктора Шейна и оглядел помещение, задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику.

- Серёгин! Вот там, на буфете, графин с мутной жидкостью. Сок? Если да, то носи его сюда. И стакан не забудь.

Серёгин поставил стакан на стол, намереваясь налить в него сок из графина.

- Дай сюда. Я сам налью. Ищите лучше этого гипнотизёра.

* * *

По коридору стремительно двигался Ян Соболев, за ним, значительно отставая, семенила на каблучках Влада.

- Ян, успокойся! Возьми себя в руки. Не делай глупостей...

Стоящий возле двери, в коридоре, консьерж, едва успел отскочить в сторону от Яна, пролепетав:

- Господин Соболев... я...

Ян, пронесаясь мимо консьержа, ворвался в кабинет.

- Кто-нибудь мне скажет, что здесь происходит?!

Ян выжидательно смотрел на майора, вольготно расположившегося в его кресле и пьющего сок, принадлежавший хозяину кабинета.

Майор поставил полупустой стакан на столик, жёстко, будто впечатывая его в стол. Встал.

- Я скажу. Видите, у Вас в кресле сидит человек? Так вот, он разыскивается за наезд на трёх человек со смертельным исходом... для всех троих.

Майор вплотную подошёл к Яну Соболеву. Угрожающе посмотрел на него, но видя, что Ян не реагирует на его взгляд, заложил руки за спину и обошёл Яна, заставляя его повернуться следом. Ян повернулся к майору.

- Это не Виктор Шейн, как вы его тут называли. И с этим тоже будем разбираться.... Это Артур Баев. Он, находясь за рулём автомобиля, предположительно в нетрезвом виде, потеряв управление, совершил наезд на молодую семью... Удар был такой силы, что все погибли мгновенно. Причём автомобиль проехал ещё сто метров и лишь затем остановился. Но помощь он не вызвал, а попросту скрылся с места преступления.

Майор замолчал, глядя на Яна.

- Выводите его из транса и едем участок.

Ян Соболев сел в своё кресло, взял стакан, из которого пил майор, повертел его в руках и поставил обратно на стол. Налил из графина сок и выпил. Достав носовой платок, вытер им губы.

- Попрошу всех сохранять тишину. – Обратился Ян к присутствующим. - И закройте дверь, наконец!

Ян смотрел на своего пациента напротив. Тот сидел, безвольно повесив голову с растрёпанными волосами после соприкосновения с рукой майора.

- Виктор, Вы слышите меня? Я сейчас начну обратный отсчёт... от десяти к одному, щёлкну пальцами и Вы, Виктор, проснётесь!

Ян Соболев замолчал, обвел взглядом всех присутствующих и остановился на Владе, девушка улыбнулась Яну, он кивнул ей и вяло улыбнулся в ответ.

- Виктор, я начинаю отсчёт. Десять... девять... восемь... семь... шесть... пять.... Следите за моим голосом, Виктор. Четыре... три... два... один!

Ян щёлкнул двумя пальцами, Виктор поднял голову. Смотрел на всех непонимающим взглядом.

- Господа! – Обратился Ян к полицейским. - Вы не оставите нас с пациентом на минуту? Я должен объяснить ситуацию...

- Вот уж дудки! Объясните по дороге. В наручники! Обоих!

Ян Соболев встал и подошел к Виктору, по-прежнему сидящему в кресле и растеряно смотрящему на происходящее вокруг.

- Виктор, нам сейчас надо ехать с этими людьми... полицейскими... Сохраняйте спокойствие, делайте что требуют, не поддавайтесь на провокации, ничего не подписывайте без адвоката - мы его Вам предоставим. Вы меня поняли, Виктор?

- Ну что вы там церемонитесь с ними?! – Раздражённо крикнул майор на своих подчинённых. - В наручники обоих и в машину! Пусть инструкции даёт по дороге. Ему самому адвокат потребуется... И Вы, девушка, тоже с нами поедите. Это Вы нашли беглеца?

Влада растерянно кивнула в ответ и протянула руки для наручников. Майор ослабил.

- Ну что вы!? Такое очарование и в наручники! Мы

же не звери какие...

Майор, взяв под локоток Владу, вывел её из кабинета. Консьерж посмотрел вышедшим вслед, покачал головой, выключил свет в кабинете и закрыл его на ключ.

Перед вестибюлем уже столпились телевизионщики и газетчики. Припаркованные полицейские машины привлекали внимание зевак мигалками. Полицейские вывели Виктора Шейна и Яна Соболя в наручники. Протиснулись сквозь толпу и, грубо наклонив голову, усадили их на заднее сидение автомобиля.

Последним из здания вышел майор, по-прежнему придерживая Владу за локоток. Её посадили в другую машину. Майор обернулся к Иванцову:

- Иванцов! А Вы что, особое приглашение ждёте? Вы на машине? Вот и прекрасно, следуйте за нами.

Включив сигнальные сирены, машины сорвались с места и влились в общий поток автомобилей.

* * *

В коридоре полицейского участка открылась дверь кабинета, из которого вышла Влада.

- Напоминаю Вам, девушка, о подписке... - Прозвучал ей вслед голос следователя. - Не покидайте город.

- Да, конечно, спасибо.

Влада закрыла дверь и вышла из коридора в фойе. Посмотрела на настенные часы: без десяти два. Вздохнула: ночь! Присела на стул и с тревогой прислушалась.

Почти напротив неё в стеклянной будке сидел полицейский и меланхолично, что-то пережёвывая, смотрел в телевизор.

Из коридора донёсся клацающий звук дверной защёлки и шаги. Влада встала навстречу. Вышел полицейский и скрылся за дверью, ведущей на улицу. Влада вновь присела. Ждёт. Вновь щёлкнула где-то в коридоре дверь, раздался шаг. Влада вскочила и пошла навстречу.

Полицейский в стекляшке посмотрел на неё лениво и вновь уткнулся в телевизор.

Из коридора вышел Ян. Влада кинулась к нему, обнимая и целуя.

- Боже мой! Я так испереживалась - вдруг, они тебя не отпустят. Ну что, домой?

Ян не успел ответить, как с улицы вошёл Иванцов.

- Все свободны? Я вас уже ждался. Пойдёмте, отвезу.

Все трое вышли

Автомобиль ехал по ночным улицам города. Иванцов был за рулём. Ян и Влада сидели на заднем сиденье, прижавшись друг к другу.

- Ян, извини, но у меня не было возможности тебя предупредить. Ты хоть бы телефон с собой носил. На объявление о розыске откликнулась семья его, Артура Баева, и сразу в редакцию нагрянула полиция. Устроили мне допрос... Коллеги даже коситься стали, как на преступника... Японский городской! Нет, ты видел?! Ты видел?! Как он мне только зеркало не снёс?!

Иванцов бурно среагировал на обогнавшего его лихача.

- Олег, устрой мне встречу с семьёй Артура Баева, – обратился к Иванцову Ян. - Надо встретиться и обговорить защиту его на суде. И вообще, надо побольше узнать о нём и его жизни до аварии. И адвоката ещё бы найти...

- Ян, а зачем тебе его искать? Чем твой брат Ярослав плох? Молод? Ну так в этом году он не проиграл ни одного дела. Как, собственно, и в прошлом году. Так... приехали.

Машина остановилась у обочины перед домом Соболя.

- Олег, до завтра. Устрой встречу с семьёй. Не забудь. Это важно. Пока.

Ян и Влада вышли из машины и скрылись в подъезде.

Дамоклов меч

В кабинете двое – Ян и Влада. Влада сидит в кресле, Ян стоит возле окна, смотрит то в окно, то на трубку телефона.

- Хоть бы раз пришёл вовремя. Все должны его ждать...

Влада молча наблюдала за Яном. Тот не выдержал ожидания и начал набирать номер в сотовом. Дверь кабинета распахнулась, вошёл Ярослав с телефоном в руке, показывая на звонящий телефон Яну и демонстративно делая сброс. Присел в кресло напротив Влады.

- Всем привет!

Ярослав повернулся к Яну, по-прежнему стоящему у окна.

- Итак, я здесь... И я, кстати, без завтрака... Чем угостишь? Капучино? Нет? Сок хотя бы нальёшь?

Ян молча подошёл к буфету, достал три бокала, поставил на разнос и разлил в них сок, рядом положил фрукты и печенье. Поставив всё на журнальный столик, подал бокал с соком Владе, взял себе и сел возле нее на подлокотник кресла.

Ян и Влада выжидательно смотрели на Ярослава. Он невозмутимо взял бокал сока, сделал несколько глотков и поставил его на место. Улыбнулся паре напротив него. Потёр руки.

- Ну-с, я весь внимание... Город уже гудит, как улей. Осталось только газетёнкам заперестрить заголовками: «Ян Соболев ставит эксперименты», «Артур Баев – преступник или жертва?», «Братья Соболев против морали» ... Ну и так далее...

Ярослав вновь потёр руки, сложил ладони вместе, оперся локтями о колени и поднёс сложенные ладони к губам. Посмотрел на молчащего брата, перевёл взгляд на Владу, затем вновь на Яна.

- Я так понимаю, мне предлагается защищать в суде преступника и беглеца Артура Баева?

- Нет, Ярослав. Тебе предлагается защищать интересы невинного человека – Виктора Шейна.

- Хм... А разве это не одно и то же лицо?

Ян Соболев позволил себе улыбнуться.

- Как ты сейчас правильно заметил: одно и то же лицо. Да, одно лицо, да личности разные. Артура Баева больше нет.

- Хм... Но у Виктора нет документов, удостоверяющих его личность. У Баева же они есть... И он сбежал с места преступления.

- Ярослав, у тебя есть две разные личности, одни документы и одно тело. Нужно доказать, что Виктор не может отвечать за преступления Артура, даже если и находится в его теле. Как не может ноутбук отвечать за преступления хакера. Ноутбук всего лишь инструмент, как и тело, а преступление совершает некая личность. Представь, если за аварии на дорогах будут карать не водителей, а их машины. Резать и отправлять на металлолом.

- Хм... Однако, Ян. Ты брата ставишь в неловкое положение. Я за последние два года не проиграл ни одного дела. У меня превосходная репутация... Представляешь, что будет с моей карьерой, если проиграем? К тому же есть прецедент с ноутбуком, которого наказали за преступления хозяина. У нас может быть всё что угодно, только позолоти ручку, протянутую из-под мантии.

Ярослав откинулся на спинку кресла и торжествующе улыбнулся.

- Представляю, – Ян встал и подошёл к окну. - А ты представь, что будет с человеком, если мы проиграем. Ему же не тюрьма грозит в этом случае, а психушка.

Ярослав встал с кресла, подошёл к окну, посмотрел на улицу. Повернулся к брату. Хотел что-то сказать, затем помахал рукой, как бы отгоняя видение. Вновь сел в кресло и большими глотками выпил сок до дна.

- Ян, насколько я слышан, у тебя сегодня встреча с коллегами...

- Встреча – это мягко сказано. Большая стирка. Из-

влекут всё моё грязное бельё, припомнят каждый промах.

- Это понятно. Сочувствую, брат, но ничем помочь не могу здесь. Что же касается Виктора Шейна, то мне нужен некий документ, подтверждающий, что Артура Баева больше нет, а в его теле живёт новая личность – Виктор Шейн. Иначе говоря, ты должен на этой своей стирке заручиться поддержкой коллег и получить от них документ, имеющий юридическую силу. Проведите обследование пациента.... Иначе, как ты и сам понимаешь, моя защита будет голословной, и тогда мы точно проиграем это дело.

- Этим я и намерен заняться сегодня. Тогда прямой вопрос: ты согласен представлять интересы Виктора? Уже сегодня, уже сейчас.

- Согласен, Ян, но если не будет нужного мне обследования, возьму самоотвод.

- Хорошо. После коллегии я с тобой свяжусь. Будет правильно, если ты наведишь Виктора. Я, как его лечащий врач, тоже буду там, но позже.

Часы на руке Ярослава подали сигнал. Он посмотрел на время.

- Всё, мне пора.

Молодой человек встал, пожал брату руку, наклонился к девушке, сидящей в кресле, и, поцеловав её в щёчку, вышел из кабинета.

Ян вновь сел возле Влады, на подлокотник её кресла. Обнял её за плечи. Влада положила голову на бедро Яна, взяла кисть его руки и посмотрела линии на ладони. Провела по ним своим пальчиком.

- Мы победим. Не переживай, Ян.

- Хорошо, солнце. У меня сейчас пациент, потом мне на экзекуцию. Ты чем займёшься?

- Пойду к морю, расскажу ему о своих проблемах. Заручусь поддержкой Посейдона.

- Поддержка богов лишней не будет, солнце.

Влада нежно обняла Яна за шею и поцеловала в губы.
- Из-за тебя я совершенно не выспалась.

* * *

В кабинете, почти по центру, стоит стол из тёмного дерева. Пятеро мужчин сидят вдоль стола с одной стороны. С противоположной сидит Ян Соболев. На месте председательствующего директор клиники Антон Павлович Макарович – грузный седой мужчина лет шестидесяти с лохматой шевелюрой и ухоженной бородкой, в очках.

Макарович угрюмо молчал, просматривая папку бумаг на столе. Говорил полноватый брюнет, однокурсник Яна, Пётр Симченко, сидящий ближе всех к Макаровичу.

- Хорошо. Ну, допустим, а если бы твой прогноз, Ян, не оправдался? Тогда что?

- Но он же оправдался! И мы имеем здорового человека, которому требуется лишь коррекция. К тому же мы все помним, что стало с пациентом... Он у вас проходит как Иван Непомнящий. Верно, Пётр? Что с ним? Сидит целыми днями возле окна, сидит и ждёт свою маму. Это всё, что вы смогли сделать для него? Вы, может быть, и забыли об этом пациенте, но я-то помню. Я и тогда был против ваших методов его лечения, Антон Павлович не даст соврать. Так ведь?

Антон Павлович оторвал свой взгляд от бумаг и угрюмо посмотрел на Яна.

- Всё верно – Вы были против. Но случай с Иваном Непомнящим не даёт Вам права на самостоятельные эксперименты с клиническими больными. Это дело врачебной коллегии. Напрасно Вы думаете, Ян, что победителей не судят. Это не партия в шахматы. Ваш отчёт...

Макарович показал на бумаги на своём столе.

- Так вот... Ваш отчёт требует детального рассмотрения, и я его оставляю пока у себя, естественно. Предлагаю ограничиться замечанием нашему коллеге Яну Соболев. Есть возражения? Нет? Прекрасно. Займёмся те-

кущими делами. Все свободны. И Ян... ещё один подобный случай, и я Вас лишу практики. Вам это понятно?

Все встали и вышли из кабинета. Пётр Симченко продолжал сидеть и смотреть на Яна, сидящего за столом. Ян встал и обратился к собравшимся:

- Спасибо за доверие, коллеги. Антон Павлович, а как решим с Виктором Шейном? Мне для защиты нужно Ваше заключение по состоянию его психики.

- Ян, Вы только вчера мне подали отчёт, а сегодня хотите получить наш вердикт по его судьбе? Я сделал запрос в юстицию, если его рассмотрят положительно, то мы заберём Виктора Шейна в клинику и проведём обследование.

- Антон Павлович, а ускорить процесс нельзя? Используя Ваши связи...

Ян посмотрел на Макаровича, тот демонстративно читал отчёт Яна.

- И у меня сегодня встреча с его семьёй, Антон Павлович. Супруга и дочь... Может, Вы тоже примете участие?

- Хорошо, Ян, привозите их сюда. Быстрее получите нужные Вам бумаги.

Ян кивнул и вышел из кабинета. Макарович посмотрит ему вслед, затем перевёл взгляд на Петра Симченко.

- А всё-таки, Пётр, он молодец! И победителей не судят....

* * *

Ян Соболев сидел за рулём автомобиля, пережидая красный свет светофора. Барабанил большими пальцами по рулю в такт музыке, несущейся из соседней машины, нервно посматривая то на светофор, то на часы. Жёлтый. Зелёный.

Ян повернул автомобиль направо и остановился возле гостиницы. Не выходя из машины, опершись на пассажирское сидение рукой, рассматривал людей.

- Надо же! Неужели опоздал?!

Но тут к автомобилю подошла симпатичная брюнетка в цветастом платье и белой сумочкой через плечо.

- Здравствуйте. Вы психиатр Ян Соболев?!

- Так точно! Вы – Эльвира Баева?

- Да. Это я.

- Эльвира, присаживайтесь. А ваша дочь?

Женщина села на переднее сидение.

- Дочь осталась в номере гостиницы. Для неё и так много потрясений за последние дни.

Ян понимающе кивнул, и машина тронулась.

- Ян, я не смогла встретиться с мужем. В полиции сказали, что он переведён в психиатрическую клинику. Зачем? Вы сомневаетесь в его рассудке?

- Это было бы слишком просто для этой ситуации. Эльвира, тот человек, которого Вы называете мужем, не помнит Вас. Он вообще не помнил, когда попал ко мне, ничего из прошлого, и не знал, как его зовут. Понимаете?

- Вы говорите, Ян, в прошедшем времени. Что это значит?

- Это значит, что мною ему была создана ложная память. Он сейчас Виктор Шейн. Нам нужно узнать как можно больше информации о прошлом Артура и состыковать всё возможное с личностью Виктора. Для его и Вашего блага. После аварии он пережил сильнейшее потрясение и не захочет вспомнить то, что его вызвало. Он не захочет стать вновь Артуром. Вам надо к этому привыкнуть... Не кидайтесь к нему на шею и всё увидите сами. Так-с, мы приехали.

Ян Соболев и Эльвира Баева вышли из машины и поднялись по ступеням клиники.

Охранник на ресепшене проверил пропуск Яна, посмотрел паспорт Эльвиры, записал её в журнал и дал расписаться. Через фойе они прошли к лифтам и поднялись на нужный этаж. Пройдя по коридору мимо дверей кабинетов, они остановились возле двери с табличкой «А.П. Макарович. Директор психиатрической клиники». Ян

постучал и открыл дверь.

- Антон Павлович, разрешите?

Пропустил вперёд Эльвиру.

- Знакомьтесь – Эльвира Баева. Антон Павлович Макарович – руководитель клиники и его заместитель – Пётр Алексеевич Симченко.

Все расселись за общим столом.

- Итак... Ян, Ваш пациент, Виктор Шейн, уже у нас. – Макарович посмотрел на Яна. - Врачи клиники проводят обследование. Потом, после разговора с Эльвирой, мы сделаем коррекцию воспоминаний. Эльвира, Вы привезли ваши совместные фотографии, видео?

- Да, Антон Павлович, привезла. Вот они.

Эльвира достала из сумочки конверт с фотографиями, флэшку, диски и передала всё Макаровичу.

- Так... Прекрасно! Ян, кстати, Виктор хотел Вас видеть. Они сейчас этажом ниже. Шестьсот шестьдесят шестой кабинет.

Ян передёрнул плечами.

- Ух! Три шестёрки! Другого кабинета для нас не нашлось?

Ян встал из-за стола и вышел.

Навстречу Яну по коридору шли две симпатичные девушки в белых халатах. Одна, очень миловидная, кокетливо улыбнулась Яну. Пройдя по коридору, Ян, свернул и спустился по ступеням.

Нашёл шестьсот шестьдесят шестой кабинет и, постучав, вошёл.

В кабинете находились только два доктора, изучавшие снимки МРТ.

- Привет, это Виктора Шейна?

Ян пожал им руки и стал рассматривать снимки вместе с врачами.

- Здоров, как космонавт. Аневризма... и вообще какие-либо патологии отсутствуют. А где он сам? Он уже в

палате?

- Ян, вы уже стали нейрохирургом? Браво... На третьем этаже... Триста двадцать вторая...

Ян помахал на прощанье им рукой и вышел. Пройдя по коридору, задумчиво остановился возле лестничного пролёта и после секундной заминки направился к лифту. Нажал кнопку вызова.

В кабине лифта стояла пожилая маленькая женщина с тремя разноцветными папками.

- Здравствуйте, Софья Анастасовна.

- Здравствуйте, здравствуйте, Ян. Что-то Вы давненько у нас не были...

Лифт остановился на третьем этаже. Ян почтительно поклонился, приложив руку к сердцу, и вышел.

Здесь кипела жизнь. Персонал клиники был занят деятельностью. Сновали туда-сюда медсёстры и врачи – с чемоданчиками, с папками и без, с пациентами, которых вели на процедуры. Ян осмотрелся, решая, в какую сторону ему идти.

К Яну, со спины, подходит дама в лиловом брючном костюме.

- Ян, ты что заблудился? Сколько лет, сколько зим?!

-О! Лиза привет, душа моя. Триста двадцать вторая палата где?

- Так уж и душа твоя!

Задорно смеётся дама в лиловом костюме.

- Сердце своё... и душу... ты подарил другой! Молоденькой... Видели, видели вас. Триста двадцать вторая палата – иди направо. Там увидишь.

Ян улыбнулся даме и пошёл в указанном направлении. Остановился возле палаты с номером «Триста двадцать два». Прислушался к звукам за дверью и, постучав, вошёл.

В палате на кровати лежал Виктор Шейн. Руки и ноги его были пристёгнуты манжетами. Он горестно по-

смотрел на Яна и промолчал, отвернувшись к окну. За окном качалась зелёная макушка тополя, и плыли белые тянучки облаков.

- Виктор здравствуйте. Почему Вы пристёгнуты? Бу-
янили?

Ян подошел к кровати Виктора и пожал ему руку. Присел на краешек.

- Было дело... А как бы Вы на моём месте поступили? Прикинулись овечкой? Обвиняют в убийстве, отправляют в психушку... Называют чужим мне именем... Это что, повод для буддистского спокойствия? Вводят какие-то препараты, но никто мне не может внятно ответить – зачем это всё.

- Виктор, поверьте, мы все на Вашей стороне. Проведут исследования, по результатам исследования мы сделаем Вам документы и будем отстаивать Вашу невиновность в суде. Потерпите, Виктор. Верьте мне.

Виктор усмехнулся, посмотрел на свои руки и ноги в манжетах.

- У меня есть выбор? Куда я денусь с этой подводной лодки? Потерплю...

Распахнулась дверь и в палату вошёл Пётр Симченко с двумя санитарами.

- Виктор, мы сейчас отстегнём манжеты. Ведите себя адекватно. Нужно провести гипнотический сеанс... Мы Вас на сеанс сейчас и доставим. Хорошо?

Виктор в ответ кивнул и посмотрел на Яна. Ян пожал плечами.

- Не моя территория, Виктор. Сохраняйте спокойствие... буддистское. Это коррекция памяти. После коррекции Вы сможете вспомнить лица жены и дочери.

Пётр Симченко внимательно посмотрел на Яна. Тот в ответ вопросительно приподнял брови.

- Ян, Вы можете пойти с нами... если труба не зовёт... Так и пациенту будет спокойнее.

Ян поймал на себе вопросительный взгляд Виктора

Шейн.

- Конечно! Я с вами.

Все выходят из палаты.

* * *

В кабинете психотерапевта - Макарович, Симченко, две ассистентки, два санитара и Эльвира Баева.

В кабинете приглушён свет. В кресле сидит Виктор Шейн с открытыми глазами. Рядом с ним, положив руку на запястье, сидит Макарович. Почти прямо перед Виктором, чуть левее, вращается радужный светящийся диск. Правее вращающегося диска установлен большой монитор. Виктор в трансе. На экране Виктору показывают фотографии жены и дочери. Макарович почти шёпотом говорит на ухо Виктору, чьё изображение видит Виктор. Даёт социальные и психологические характеристики изображённого человека.

- Виктор, это твоя жена – Эльвира. Она экономист, работает в банке. Посещает фитнес. Любит отдых на природе... Это Ваша дочь – Алина. Она учится в пятом классе. Весела, легко заводит себе друзей, увлекается рисованием и ходит в музыкальную школу...

Раздался стук в дверь и в помещение вошёл полицейский, лейтенант. Ян стоял ближе всех к нему и потому полицейский обратился к Яну, шёпотом.

- Мне нужен доктор Макарович. Антон Павлович.

- Он занят. Проводит сеанс.

- А Вы кто? Пётр Алексеевич Симченко?

- Нет, Ян Соболев. Пётр Симченко вот.

Ян показал на Симченко, сидящего на стуле и смотрящего на Яна и полицейского. Полицейский на цыпочках подошёл к Симченко, наклонился и что-то сказал ему, Пётр расписался в бумагах полицейского, после чего тот ушёл. Симченко встал и подошёл к Яну.

- Торопятся полицейские. Послезавтра Виктора необходимо доставить к месту аварии на следственный экс-

перимент.

Ян сделал круглые глаза.

- Мы избавляем пациента от стресса, а они его приумножают. Не нравится мне эта затея. Рано...

- Каждый делает свою работу, да и не пациент он им... Ничего не поделаешь - я уже расписался. Думаю, мы успеем закрепить новые воспоминания и образы к этому времени.

Ян посмотрел на наручные часы.

- У меня пациент скоро – я поехал.

Ян, прощаясь, коснулся рукой плеча Симченко и вышел из кабинета.

Побег Виктора

Недавно проснувшееся солнце ещё путается в кронах деревьев, настойчиво пробиваясь лучами сквозь переплетения ветвей и листвы. Воздух насыщен звуками пернатых, трелями и чириканьем приветствующих начало нового дня. По ярко-голубому небосклону неторопливо плывут белые облака, чуть позолоченные утренним солнцем. Мир прекрасен и полон восторга, как и это безмятежное утро в городском парке.

Но откуда-то издалека в эту идиллическую картину врываются звуки полицейских сирен. Вначале слабые и едва слышимые. Но постепенно звук сирен нарастает, крепчая в силе, заглушая пернатых и беспокоя прохожих.

В конце парковой дороги видны полицейские автомобили,двигающиеся на большой скорости.

Один, первый, резко тормозит возле самой обочины парковой дороги. Открывается дверь и на дорогу опускается грубый пыльный ботинок майора. Майор встает с сидения, резко хлопает дверцей машины и осматривается. Хлоп-хлоп - хлопают двери автомобилей, выходят

остальные полицейские.

Майор проверил свои карманы и с озадаченным видом повернулся к лейтенанту Серёгину:

- Серёгин! Дай закурить! Свои забыл в кабинете.

Майор взял протянутые сигареты и закурил, щуря один глаз от попавшего дыма. Вернул сигареты лейтенанту Серёгину. Вновь осмотрелся, вертя головой по сторонам.

Выпустил дым и развёл руками.

- Ну ничего вовремя сделать не могут эти мозгоправы!

Майор повернулся к лейтенанту Серёгину, по-прежнему стоящему возле него.

- Серёгин! Отгони одну машину на то место, где стоял автомобиль Баева после аварии. Посмотри по снимку... А здесь, возле нас, была сбита им семья Петриковых... Верно, Серёгин?

- Так точно, товарищ майор. Сейчас обозначим место.

Лейтенант Серёгин пошёл к машине, по пути отдавая распоряжение полицейскому:

- Пономарёв! Николай! По месту гибели семьи расставь маркеры. Да! Давай живей! Баева сейчас доставят.

Серёгин сел в машину, отъехал вперёд на сто метров и развернул автомобиль посередине дороги. От него резко в сторону уклонился белый фургон, шедший навстречу. Обогнув автомобиль лейтенанта Серёгина, фургон проехал дальше и остановился напротив майора.

Открылась дверь купе и из фургона вышли трое. Первой – молодая миловидная девушка лет 27-30, за ней здоровенный детина в белой куртке с логотипом клиники – санитар, последним чрево автомобиля покинул Виктор Шейн.

- Доброе утро! – поприветствовала девушка к майору. - Я представитель клиники, доктор – Андрианова Вероника. Со мной санитар Александр и наш пациент –

Виктор Шейн... для проведения сл...

Майор небрежно, щелчком пальца, отбросил в сторону сигарету и перебил девушку.

- Девушка-дохтур, а Вы смотрели на время? Вам не кажется, что вы как-то припозднились чуток, доктора и пациенты?

Майор подошёл ближе к девушке и через её плечо посмотрел на Виктора Шейн, в это время наблюдающего за полицейскими, расставляющими маркеры. Полицейские расставляли небольшие пирамидки белого цвета, обозначая ими расположение тел погибших.

Майор пристально и нагло встал перед глазами девушки.

- Пациент, говорите? Для нас он не пациент, а подследственный. И убийца трёх человек.

- Для нас он пациент, и мы выполняем полученное нами предписание. – Парировала Вероника. - По окончании следственного эксперимента наш пациент будет возвращён в клинику для проведения намеченных процедур...

- А почему он не в наручниках? Серёгин, живо пристегните его к себе. От этого сайгака можно ожидать всё что угодно... - раздражённо приказал майор.

Лейтенант Серёгин пристегнул наручниками Виктора Шейн к своей левой руке.

- Мы готовы, товарищ майор. Приступим? – доложил Серёгин.

- Да, приступим! Раньше начнём - раньше посадим этого сайгака. А Вам, девушка, лучше не путаться у нас под ногами – будьте возле своей машины до окончания следственного эксперимента. Всё понятно?

Майор посмотрит в глаза Вероники. Та кивнула в ответ. Майор и лейтенант Серёгин повели пристёгнутого наручниками Виктора Шейн к маркерам, расставленным на траве и дороге.

- Александр, присматривайте за пациентом, глаз с него не сводите, а я пока в клинику позвоню. - Распоря-

дилась Вероника. Девушка достала сотовый телефон и отошла в сторону от машины. Слова были не слышны – лишь тембр голоса и интонации.

Санитар с Вероники перевёл взгляд на группу полицейских и Виктора Шейна. Виктор, пристёгнутый к руке лейтенанта Серёгина, послушно следовал за ним, останавливаясь возле маркеров, отрицательно качал головой.

Мимо санитара Александра прошёл молодой полицейский, младший лейтенант, с чёрной папкой.

- Товарищ младший лейтенант, - обратился к нему санитар, - извините, а что ваш майор так агрессивен? Прямо как пациент нашей клиники.

Санитар Александр ухмыльнулся, глядя на приостановившегося полицейского. Полицейский сделал несколько шагов обратно и остановился возле Александра.

Маленький, худенький полицейский посмотрел снизу-вверх на высокого санитара. Выжидательно помолчал, наблюдая как усмешка сходит с лица санитара. Вздохнув, приложил свою руку к левой стороне груди санитара.

- Как бы вело себя Ваше сердце, если бы Вашу дочь сбил вот такой лихач-беглец? Полтора года уже как... На-смерть.

Младший лейтенант открыл папку, что нёс и показал санитару фото тел с места аварии Виктора Шейна.

- А вот последствия катаний пьяного Артура Баева.... Что, не нравится? Неприятно, правда?

Полицейский посмотрел на отвернувшегося санитара.

- То-то и оно... что не нравится. Нам тоже это не нравится. А вы – пациент... пациент...

Полицейский захлопнул папку и пошёл дальше. Подошёл к майору и передал её ему. Майор раскрыл папку и показал, перекладывая, снимки Виктору Шейну. Тот отвернулся.

Майор закричал так, что его слова донеслись до санитара.

- Сюда смотреть! Сюда! В папку! Не нравится? А пьяным гонять по городу нравится?

Лицо майора скривила гримаса ярости.

- Александр, что там такое?! – Заметив действия майора, среагировала Вероника. - Я же просила не спускать с них глаз.

Девушка и санитар подбежали к пациенту. Возле группы полицейских их остановили, не подпуская ближе, так, чтобы они могли только наблюдать за происходящим.

Листки майора, которые он показывал Виктору, упали под ноги. Майор выхватил новые и опять стал показывать отворачивающемуся Виктору Шейну, которого держали за руки двое полицейских.

- Не нравится? Мне тоже не нравится, когда в моём городе гибнут люди! Сюда смотреть, сюда! На! Жри! Жри их!

Майор начал запихивать в рот Виктору Шейн скомканные листки фотографий.

- Прекратите это безобразие! Что вы делаете? Прекратите!

Вероника попыталась прорваться к пациенту, но её схватили за руку.

- Назад! Я сказал - назад! Хотите пулю схлопотать?

Майор выхватил из кобуры пистолет и потряс им в воздухе, показывая его Веронике.

- Не хотите? То-то и оно. Уберите её.

Девушку вывели из круга с полицейскими. И она, отстраняясь от ситуации, переплетала руки на груди, продолжая обеспокоенно наблюдать.

- А может, ты хочешь пулю схлопотать? А? А это за просто – пристрелю тебя, как собаку, при попытке к бегству...

Майор показал пистолет Виктору и направил ему в лицо.

- Отстегните его.

- Товарищ майор..., - робко попытался протестовать

лейтенант Серёгин.

- Отстегните, я сказал. Живее.

Лейтенант Серёгин нехотя снял наручники с руки Виктора Шейн, а затем и со своей руки. Показал отстёгнутые наручники майору.

- Ну что, сайгак, хочешь в бега податься? Тебе не привыкать бегать. Давай! И покончим с этим. Ну... Нет, да? Ну что ж...

Майор переложил пистолет в левую руку и резко ударил Виктора в живот. Тот согнулся от удара, почти упав на колени.

Неожиданно Виктор ударил головой в живот майора, от чего тот упал на траву. Виктор схватил выпавший из руки майора пистолет, перепрыгнул через лежащего полицейского и побежал к ближайшей машине.

Майор, корчась от боли, произнёс сквозь зубы:

- Ах ты, мать твою, сайгак... Ну всё! Ты труп.

Привстав на колени и хрипя закричал:

- Серёгин! Серёгин...

И увидев, как лейтенант Серёгин садится в машину, вновь упал на траву.

* * *

Виктор Шейн влетел в автомобиль, бросил пистолет на переднее сидение, включил зажигание и надавил на газ.

Машина, повизгивая от прокручивания колёс, сорвалась с места.

Виктор, лавируя по парковой дорожке, сигналил прохожим. Потом догадался включить сирену и с воем и визгом вылетел на дорогу, едва не задев автомобиль, идущий в общем потоке.

Полицейская машина с Виктором за рулём неслась по городской дороге, нарушая правила и игнорируя светофоры, оставляя за собой хаотично остановленные автомобили, истерично сигналившие ему вслед.

Виктор, уходя от погони, вылетел на очередной перекрёсток на красный свет и, уходя от столкновения, задел машину скорой помощи, в этот момент совершавшую поворот. На дорогу посыпались осколки фар машины скорой помощи. Но Виктор этого даже не заметил.

Машина Виктора понеслась дальше, а за ней и конвой преследователей.

Двое прохожих старичков, остановившись, смотрели на происходящее и сокрушённо качали головами.

- Сеня, ну, ты только посмотри, друг мой, что творится! Эти полицейские совсем перестали думать о нас, гражданах. Устроили днём гонки. Разбили скорую... А если там умирающий больной, Сеня!? А?! А если на перекрестке женщина с детской коляской? В нашей молодости такого не было, Сеня. Машин было мало и всем хватало места. А что сейчас? Тьфу...

Старичок в сердцах плюнул на тротуар.

- Ну что ты делаешь, дружище! – Возмутился второй. – Ну нельзя же так! Плюнул на тротуар... Одно безобразие порождает другое! Мир нескончаем - вечное колесо причин и следствий. Пойдём уже в парк. Там хоть этого не увидим.

- Да уж... не увидим... а молодёжь, залезающая на скамейки с ногами... как курицы на насесте, право, ей богу! Курицы.... Батюшку-царя надо. Монархия всё поправит, Сеня.

- А Сталина не хочешь? Двадцать четыре часа на сборы и алая-улю... гони гусей!

- Да, причём здесь гуси, Сеня! Я ему талдычу про одно – он мне про другое...

* * *

Ян Соболев, что-то мурлыча себе поднос, ходил по кабинету. Поправил картину на стене, подошел к книжному шкафу, достал книгу, полистал её, поставил и взял

другую. Прочитав что-то, перестал мурлыкать, поднял вверх указательный палец.

- Эврика! Нашёл-таки.

Поставил книгу на полку и, вновь мурлыча, вышел из кабинета на балкон. Опершись руками о перила, смотрел на людей, идущих по улице, на небо и бегущие по нему облака. Вдохнул полной грудью утренний воздух и, взмахнув руками к небу, воскликнул восторженно:

- Прекрасно! Лепота! А мир всё-таки прекрасен, господа!

Раздался встревоженный женский голос с улицы:

- Сумасшедший какой-то. Пошли скорее отсюда.

Ему вторил мужской со смехом:

- Ты чего там, брат, вкурил? Мир прекрасен... мир - бяка!

Ян соболев посмотрел вниз и ответил случайному оппоненту с улицы:

- Мир, как стакан. Он или наполовину полон, или наполовину пуст. У меня – полон...

- Ну я так и понял – без стакана тут не обошлось!

Ян Соболев зашёл в кабинет. Раздался звонок стационарного телефона. Ян взял трубку и ответил, весело, пребывая всё ещё в восторженном состоянии:

- Кабинет психотерапевта. Ян Соболев у аппарата.

Лицо Яна Соболева стало серьёзным и обеспокоенным.

- Когда? Как это случилось? Блокировали... Заложники? Где он? Хорошо. Сейчас же еду к нему. Да.

Ян спешно вышел из кабинета.

Окраина коттеджного посёлка. Возле одного из домов стоят несколько полицейских машин, одна, протаранив забор, находится на внутренней территории, почти упоревшись в дом.

За забором и возле машин – полицейские с оружием в руках. Несколько в стороне от всего этого, стоит фургон психиатрической клиники и возле него двое – Веро-

ника Андриянова и санитар Александр. Наблюдают за происходящим.

Полицейский, с погонами капитана, стоит возле машины и говорит в рупор:

- Артур Баев... положите оружие... отпустите заложников и выходите с поднятыми руками... Артур Баев...

Из открытого окна коттеджа доносится голос Виктора Шейна:

- Я не Артур Баев... это недоразумение! Вызовите Яна Соболя.

К фургону психиатрической клиники подъезжает автомобиль и из него выходит Ян Соболев. К нему подбегает Вероника и что-то говорит, активно жестикулируя. Ян слушает, разворачивается и быстро идёт к полицейским. За ним семенил Вероника, по-прежнему что-то рассказывая на ходу.

Полицейский с рупором продолжает:

- Артур Баев... положите оружие... отпустите заложников и...

К полицейскому подходит Ян Соболев, показывает удостоверение.

- Ян Соболев. Психотерапевт Виктора Шейна... Скажите, что я иду к нему.

- Артур Баев... у нас Артур Баев...

- У вас может быть... у меня - пациент Виктор Шейн, и он сейчас в этом доме. Скажите, что я иду.

Полицейский с рупором меланхолично выполняет просьбу психотерапевта:

- Арту... Виктор Шейн, к вам идёт психотерапевт Ян Соболев...

Ян Соболев прошёл в разлом в заборе, подошёл к окну. Окно было завешано полупрозрачной тканью. Помещения не видно.

- Виктор, это Ян. Я сейчас войду в дом. Сохраняйте спокойствие. Я один.

Ян Соболев подошёл к парадной двери и, осторожно приоткрыв, вошёл в дом. Обычный ничем не примечательный дом с небольшой прихожей. Перед прихожей гостиная, справа - дверь на кухню.

Ян повернул направо и увидел пожилую семейную пару, сидящую за столом. У них было налито в бокалах, а на столе стояли вазочки с конфетами и печеньем. На кухне пахло ароматом чая и шоколадных конфет. Царили уют и благодущие.

- Здравствуйте. Мир вашему дому. - Ян попытался сгладить момент для хозяев дома. - Не пугайтесь его, он...

Хозяйка дома сделала глоток из бокала и ответила Яну:

- А мы и не пугаемся. Мы тут, дожидаясь Вас, разговор о жизни ведём. О детях...

- Прекрасно. - И уже обращаясь к Виктору. - Ты как? Я в курсе произошедшего. Просто нервный срыв и у майора, и у тебя...

Ян Соболев подошёл к Виктору, сидящему на полу в углу комнаты, возле окна. Пистолет лежал рядом с ним, справа. Перед Виктором стоял пустой бокал и вазочка с печеньем и конфетами. Ян Соболев сел на пол рядом, взял из вазочки конфету.

- Люблю сладости.... - Ян улыбнулся, обращаясь к хозяевам дома. - Спасибо.

- Угощайтесь. На здоровье! - невозмутимо ответила хозяйка дома.

Виктор наблюдал за тем, как Ян разворачивает конфету, а потом, прикрыв глаза, наслаждается ею.

- Говоришь, нервный срыв у него? Да он - бешеный пёс. Его к Вам в клинику надо. Что теперь? Меня посадят?

- Теперь-то уж точно. Посадят. Вопрос только, на сколько. Постараемся всё это смягчить, будем давить на провокативные действия майора и физическое насилие.

Ян Соболев положил руку на плечо Виктора.

- Виктор, надо выходить. Давай мне пистолет и пошли. Не стоит нагнетать обстановку. Адвокат сегодня с тобой свяжется, а я сейчас встречусь с руководством этого майора. Привлеку к этому Макаровича. Всё уладим. Идём?

- Пошли. Сколько можно тут сидеть, злоупотребляя гостеприимством милых хозяев.

Ян и Виктор встали.

Ян Соболев крикнул в открытое окно:

- Мы выходим. Пистолет у меня... И вы... поаккуратней там...

Виктор Шейн обратился к пожилой паре:

- Прошу меня извинить за вторжение. И за забор тоже.

- Ремонт забора оплатим. Вот моя визитка. Звоните.

Ян Соболев протянул визитку хозяйке дома и вышел с Виктором из кухни.

Перед домом изнывали в ожидании полицейские. Но вот приоткрылась дверь и послышался голос Яна Соболева:

- Мы выходим. Не стреляйте. Мы выходим...

Полицейский с рупором не выдержал и со смехом сказал в рупор:

- Да выходите уже. Выходите. Война войной, а обед по расписанию.

Полицейские смеялись.

В приоткрытую дверь протиснулись с поднятыми руками – сначала Ян, держа пистолет за кончик ствола, а затем – Виктор Шейн.

Голос полицейского с рупором, буднично и без эмоций отдал распоряжение:

- На колени, руки за голову.

Ян Соболев и Виктор Шейн опустились на колени. К ним тут же подбежали полицейские. Забрали у Яна пистолет и надели наручники Виктору. Ян встал на ноги и

смотрел, как Виктора сажают в полицейскую машину и увозят.

Хорошие новости

Ян Соболев вышел из двери следственного изолятора быстро пробежав по ступеням, подошёл к Владе, присевшей на капот автомобиля.

Ян подозрительно посмотрел на автомобиль и Владу.

- Ты его не продавишь? А то будет странный отпечаток.

- Кого продавливаю? Никого давить не собираюсь, – Влада наигранно изобразила недоумение. - Я даже жучков на дороге объезжаю.

- Ну да... Буддистка ты наша. Комаров ты тоже обходишь стороной...

Ян присел на капот рядом с Владой и смотрел на дверь изолятора, откуда только что вышел, потом перевёл взгляд на Владу.

- Солнце моё, ты что жуешь такое вкусное? Дай пожевать. А то я нервничаю.

Влада посмотрела на Яна, улыбнулась и, приоткрыв ротик, показала на языке жвачку.

- На. Но она клубничная. Была...

- Не-е-е... фу! Какая гадость.

- Ах, ты ж... брезгуешь? – Влада игриво стукнула его кулачком в плечо. - Ну-ка, быстро меня целуй.

Из двери следственного изолятора вышел Ярослав. И Ян, не сводивший глаз с двери, его тут же замечает.

- Целоваться потом будем, солнце. А сейчас будем пытаться Ярослава.

Ян Соболев помахал рукой Ярославу, подзывая к себе.

- Ярик! Ком цу мир.

Ярослав подошёл к Владе, поцеловал её в щёчку и

пожал руку брату.

- Что, мой старший братец, от меня желает? Новостей ждёте?

- Делись. Как он там? Как движается дело по Артуру Баеву?

- Чувствует себя он нормально и даже хорошо. Особенно после той новости, что я ему рассказал. Вот... А ты даже не знаешь об этом.

- Ну-ка, ну-ка... что такое?

- Дело Артура Баева слушаться в суде не будет.

Ярослав сделал намеренную паузу и наслаждался недоумением на лице брата.

- Ну-же, ну-же... почему? Что за оборот дела, чем нам это грозит?

- Влада, ты где нашла такой реликт? Постоянно нукает. А ещё психиатром себя называет...

Ярослав смотрел на Владу, заинтересованно слушающую их разговор.

- Да говори же, Ярик! - не выдерживает Влада.

- Не тяни kota за хвост, Ярослав? А то тигр проснётся.

- Ладно, ладно! Тигр... Артур Баев признан, на основании твоего и Макаровича обследования, четвёртой жертвой в той автокатастрофе. Так-то, жертв аварии четыре, включая водителя. Сейчас Виктору Шейну оформляют новые документы – паспорт и свидетельство о рождении.

- Новость хорошая! Гарная новость. Но свидетельство о рождении? И какой ему год напишут? Этот? Год создания личности?

- Год рождения Артура Баева и напишут. Будет считаться, что в одном теле жили две личности. Знаешь «А» и «Б» сидели на трубе. «А» пропала, «Б» упала. Что осталось на трубе? Как свидетельствует двоюродная сестра Артура Баева, его хотели назвать Виктором в честь умершего брата его матери. Так что... Ничто не случайно в этом мире.

- Там, по-моему, «А» упала, а «Б» пропала...

- Правда, Влада? А что от этого меняется?

- Великолепно! Просто-таки замечательно! Хорошую ты новость принёс сегодня. И когда его, Виктора, выпустят на свободу?

Ярослав повернулся к Владе и усмехнулся.

- Влада, эти психиатры иногда бывают такими наивными. Да? - Ярослав смотрел на брата уже без тени улыбки. - Говорят, новости сороки на хвосте приносят, я же их лишь рассказываю... Ян, а как же угон автомобиля? Будет слушание по угону автомобиля. К тому же он подвергал граждан нашего города смертельному риску, устроив гонки. Инцидент с майором и пистолетом улажен. «Заложники» тоже без претензий к Виктору. Забор за твои деньги отремонтировали уже. Остаётся угон авто... в состоянии аффекта. Месяца три, может шесть дадут. И, кстати, майора отстранили пока от работы. Его обязали пройти обследование и лечение в клинике у Макаровича.

- Великолепно! Бумеранг, брошенный майором, его же и стукнул. Это возмездие, - возликовал Ян.

- Не радуйся, Ян, чужой беде. Он тоже заложник ситуации...

- «Заложник ситуации». Надо вовремя обращаться к специалистам. Ко мне, например. И тогда таких эксцессов не будет.

- Ладно... На данный момент это все новости для вас. Скоро тебя вызовут свидетелем по этому делу.

- Меня же не было на гонках.

- Но ты имеешь отношение к рождению на свет Виктора Шейн.

Ярослав поцеловал Владу в щёчку, пожал руку брату и проговорил с усмешкой:

- Ты же знаешь, родители всегда в ответе за своих детей.

Ярослав отошёл от Яна и Влады и направился к сво-

ему автомобилью.

Ян встал с капота и протянул руку Владе.

- Ну, что, принцесса... Едем домой? Я сегодня свободен, как ветер.

- Не-а... не домой. Поедем к морю. Расскажем ему новости.

Влада взялась за протянутую руку и встала с капота машины.

- К морю, так к морю.

Ян резко дёрнул Владу за руку, обнял за талию, прижимая к себе. Влада раскрыла глаза пошире, изображая недоумение.

- Отдайте жвачку, девушка.

Ян поцеловал Владу, отпустил её и стал жевать её жвачку.

- По коням, милая!

- А дверь кареты открыть принцессе?

Ян собошь шутливо расшаркивался:

- Ах, простите мою оплошность, Ваше величество! Сей же час будет всё исполнено.

Ян подбежал к дверце авто, открыл её, усадил Владу на сидение и захлопнул дверцу. Оббежал машину и сел за руль.

- Ну, значит к морю, принцесса?

- К морю. И Ян, действительно, ты много нукаешь.

- Тебе не нравятся мои нуканья? Ладно, не буду. Ну, что ж... Ах да, забыл: нукать нельзя! Тогда просто: к морю так к морю. Вперёд, моя Дульсинея. Там четырёхрукие великаны машут ими день и ночь...

Ты рвёшься в шторм, Ты ищешь бури,

Покой не сладок и не мил,

Ты видишь в проблесках лазури

Лишь смерть безумную ветрил...

- Что за бред, Ян? Какие великаны? Мельницы? Где ты у нас их видел?

- Мне они пригрезились, милая.

Ян включил зажигание, и машина тронулась с места. Автомобиль Яна и Влады выехал с парковки у здания следственного изолятора и влился в поток машин городской дороги. Их с хорошими новостями ждало море.

* * *

Спустя три месяца в город пришла осень. Деревья и кусты вдоль дорог и в парках она украсила золотом и карминными вкраплениями. Осенние ветра закручивали пёстрые пируэты из опавших листьев. Люди, ёжась от ветра, поднимали воротники плащей и курток, носили с собой зонты на случай дождя и вспоминали весёлое лето.

Осенние ветра несколько дней гуляли по улицам города, паркам и скверам, очаровывая мир яркой феерией осенних красок.

Ветра утихли и осень, подустав, вновь уступила своё место лету. Всего на несколько дней. Бабье лето. И люди заспешили на пикники и к морю. Отправились в загородные поездки и на прогулки в парках и скверах.

В один из таких дней Влада и Ян тоже выехали за город, но они спешили не на пикник, а на встречу с Виктором Шейном. Сегодня для Виктора наступает новая пора жизни. Сегодня к Виктору приходит свобода. Свобода от прошлых ошибок. Сегодня в его жизни появляется новая точка отсчёта.

Машина Яна неслась по дороге, петлявшей меж полями, вспаханными для будущих посевов, меж полями, на которых ещё только собирали урожай. Вдоль дороги росли редкие деревья, за которыми и виднелись поля и пашни.

В автомобиле громко звучала музыка. Влада вытянула правую руку вперёд, выставив кисть руки в открытое окно, и пальцами ловила потоки воздуха.

Ян смотрел то на Владу, то на дорогу. Владе надоело

играть пальцами с потоками воздуха, и она протянула руку к магнитоле автомобиля.

- Извини, Ян. Мне надоела эта музыка. Поищем что-то другое.

Влада перебирала станции. Везде плохой сигнал – шумы и трески. Наконец, она остановилась на какой-то одной. Послышались последние музыкальные аккорды песни и началась новая.

Голос из радио затянул: «Буты-ы-ырка, зачем сгубила ты меня...».

- О, боже! Только не это! - Воскликнула Влада и, протянув руку к магнитоле, выключила её.

- А что? – засмеялся Ян. - Как раз по теме нашей поездки. Едем к Виктору. Не в Бутырку, конечно, но...

В машине наступила тишина, только шум ветра через открытые окна и пение птиц.

- Правильно! Так даже лучше... - Ян попытался приободрить загрустившую Владу. – У меня где-то в бардачке флэшка с твоей любимой музыкой.

- Хорошо. На обратном пути послушаем её. Что-то грустно мне, Ян. Осень тоску нагоняет.

Влада грустным голосом начала читать стихи, отчего мир становится ещё более грустным, будто прощание природы с летом заставляет и людей прощаться с былыми восторгами и радостями:

Осень листья носит-
То поднимет, а то бросит,
То закружит вихрем страстным,
Но напрасным, но напрасным.
Все утихнет, все уснёт,
Сны зима несёт.
Будет плащ её раскинут,
С неба на землю изринут
Белый иней, белый снег.
Краски осени покинут
Край ленивый, землю нег.

- Замечательно, Влада. Но мы уже приехали.

Ян повернул автомобиль, и они въехали на парковочную площадку перед зданием тюрьмы. На площадке стояло несколько автомобилей. Возле одного из них Ян заметил Эльвиру с дочкой и припарковался возле них.

Ян вышел из машины, обошёл её и открыл дверцу Владе. Протянул ей руку, помогая встать. У Влады виден небольшой животик. К ней тут же подошла Эльвира:

- О, да у вас пополнение семьи ожидается. Здравствуйте!

- Да, осенью ждём. – Улыбнулась в ответ Влада. - Здравствуйте, Эльвира!

Эльвира жестами подозвала к себе девочку и обняла её:

- А это наша дочка - Алина!

Алина - стеснительный подросток. Кивнула головой в знак приветствия, не проронив ни слова.

Ян поздоровался с Эльвирой за руку и кивнула Алине.

- И намного вы нас опередили? Давно уже здесь?

Эльвира посмотрела на дочь.

- Да, наверное, уже минут тридцать. Да, Алина?

Алина пожала плечами и смущённо отошла в сторону от взрослых.

Ян посмотрел на наручные часы.

- Уже должен бы выйти.

Эльвира улыбнулась и погладила живот Влады.

- И кто родится? Уже знаете?

Ян Соболев, не скрывая ликования и гордости, ответил Эльвире.

- Мальчик. Наследник.

Влада бросила на Яна косой взгляд и ответила Эльвире с улыбкой.

- Ох уж, этот патриархальный мир. Если мальчик, то счастье, если девочка, то так... обуза...

Эльвира засмеялась:

- Ничего, Влада! Матриархат уже не за горами. Ох уж, они попляшут у нас, голубчики!

Ян Соболев шутливо возмутился:

- Уважаемый суд, я протестую против слова «голубчики». Какие-то неправильные ассоциации возникают... Лучше – «молодчики». Ну, или как-то так...

Открылась дверь в здании тюрьмы и вышел Виктор с сумкой. Эльвира с Алиной бросились к нему навстречу, обнимая и целуя. Смущенный Виктор неловко отвечал на поцелуи и объятия.

Они втроем подошли к Яну и Владе. Мужчины пожали друг другу руки и обнялись.

Ян Соболев, улыбаясь, поприветствовал Виктора.

- Со свободой тебя, Виктор! С началом новой жизни! Виктор также одарил всех своей улыбкой.

- Спасибо. Спасибо... Похоже, и у вас начинается новая жизнь.

Виктор посмотрел на Владу и её животик.

Влада, несколько смущаясь постороннего мужского взгляда, ответила:

- Да, новая жизнь. Зимой ждём. И у нас изменения в статусе.

Влада вытянула вперёд руку и показала на пальце обручальное кольцо.

Ян Соболев, ловя взгляд Виктора, подтвердил:

- Да, у меня тоже. Окольцован. Околдован. Прямо отсюда мы едем в свадебное путешествие. У нас медовый месяц.

Эльвира обняла Виктора:

- Как замечательно! И мы тоже! Нам друзья сделали подарок, и мы через три дня улетаем на Тенериф.

Влада, восторженно, посмотрела на мужа:

- Ян, а подарок Виктору? Ты же его не забыл?

Ян Соболев хлопнул себя ладонью по губам:

- Точно! Айн момент.

Ян кинулся к машине и, порывшись в вещах на заднем сидении, извлек небольшую прямоугольную коробочку. Протянул её Виктору. Тот открыл и увидел часы.

- Это от нас с Владой. На память.

- Там и гравировка есть... на обратной стороне... Сама ходила к гравёру. Ян несколько дней забывал и забывал...

Ян Соболев, смеясь, обнял жену:

- Дорогая, нельзя дискредитировать мужа перед друзьями. Ты должна заботиться о моём имидже.

На мгновение повисла неловкая тишина. Все молчали. В этой неловкой паузе слышались звуки, доносимые ветром из-за стен тюремных: скрежет металла и голоса людей.

Ян Соболев, улыбаясь, разводит руки в стороны:

- Ну, что? Будем прощаться? Нам с Владой на паром.

Виктор Шейн, также улыбаясь:

- И нам тоже пора уже отсюда. Мне и этих трех месяцев хватит на десять лет воспоминаний.

Ян и Виктор пожали руки, обнялись. Женщины тоже обнялись и поцеловали на прощанье друг друга в щёки.

Эльвира села за руль. Виктор - на пассажирское сидение рядом с Эльвирой и Алина, одна, на задние сидение.

Машина тронулась с места, выехав с парковочной площадки, свернула на дорогу и скрылась за кустами и деревьями.

Чета Соболев провожала их взглядом. Влада вздохнула.

- Всё. Уехали... к новой жизни. Как у них всё сложится? Ян, ты там правильные установки дал, нигде не ошибся? А то, смотри, виновен будешь.

Влада задорно засмеялась.

Ян молча подошёл к машине и открыл супруге дверь с пассажирской стороны.

Влада, несколько кокетливо, заявила:

- Я, пожалуй, тоже сяду за руль. Милый, ты же не будешь возражать?

- Как скажешь, царица моей души.

Ян подошёл к жене и, обняв её за талию, повёл к водительскому месту, открыл дверцу, помог сесть и пристегнуться ремнём безопасности. Обошёл машину и сел сам.

- Ну, веди, капитан, наш корабль. Только не разбей его о рифы.

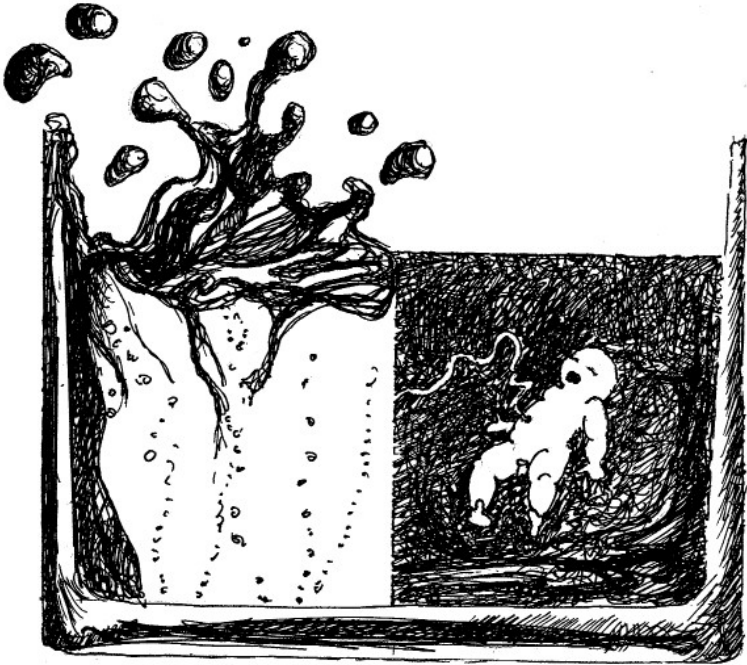
Ян протянул руку к магнитоле. Зазвучала музыка.

Влада включила зажигание, и машина плавно тронулась с места. Выехала с парковочной площадки на дорогу. Автомобиль набирал скорость и уносился вдаль, сливаясь с горизонтом и придорожными деревьями.

ВОЗВРАЩЕНЕЦ

рассказ

Тьма... До моего сознания донёсся звук... только след.... Пришло странное ощущение покачивания... Шелестели волны, покачивая то вверх, то вниз, подхватывал круговорот... Пробежал легкий бриз, осыпая тьму призрачными искрами... бликами, рассыпался где-то шипением... Сознание всколыхнула мысль: как волны о ракушки на берегу... Шипение накатывало, нарастало, озарилось вспышкой, рассыпавшейся где-то вдалеке. Запульсировал гуд, прокатился грохот, пространство содрогнулось, как от набежавшей волны. Вспышка - ещё и ещё, искры - всё озарилось огнями, фосфоресцирующими всполохами. Засверкало, закружилось, будто дуновением ветерка донеслись звуки скрипки - звуки вальса. В этом было что-то знакомое, я пытался вспомнить вальс, он ускользал, кружил и... всё оборвалось. Тишина. Тьма и тишина. Пространство вздрогнуло, и покачивание сме-

нилось падением. Я падаю... тьма... бездна... тишина...

Тишина? Я вижу: тишина на цыпочках вкрадывается в мою комнату, своей призрачной накидкой касаясь бумаг на столе. И затихают звуки, и я молчу... Оживает мир за окном: крики, гомон, хруст снега и льда. Вспененный шип скользящих машин. Лай ошалевших собак. Всё сливается в одну пульсирующую волну радости и счастья. Чу! Я слышу тишину - она смеётся! Смех искрится, отражаясь от стен, рассыпаясь фонтаном искр, заполняет мою комнату едва уловимым светом. Сильней! Сильней! Волны неслышанной музыки захватывают меня в свой круговорот, наполняя тело сладкой истомой блаженства. Мир меркнет, затихая вдалеке... И я чувствую искринки смеха, бегущие по моим венам, нервам... Круговорот музыки и смеха. Круговорот тишины...

- Простите, Вам плохо? – Надо мной огромным пятном расплывалось лицо стюардессы. Её пальчики с накрашенными ноготками больно впились в плечо. Сквозь ватное сознание врывается действительность...

- Вам нужна помощь? Что с Вами?

- Нет, нет, всё в порядке! Не беспокойтесь! Воды, если можно...

Стюардесса ушла. В салоне было душно. Я полез в карман за носовым платком. Пережитое было настолько сочно и ярко, что я никак не мог унять нервную дрожь. Утирая трясущимися руками лицо, посмотрел в иллюминатор - там серая мгла какими-то клочьями и рваньём проносилась мимо. Лайнер слегка подрагивал, сквозь гуд доносилась музыка... Появилась стюардесса. Приветливо улыбаясь, протянула стакан воды.

- Спасибо! – Я взял с подноса стакан с водой. В прохладном и чуть влажном стакане кругами рябила вода. Газированная вода обожгла горло, больно ударив в нос... Стюардесса, улыбнувшись, протянула салфетку. - Спасибо, спасибо... - Я вернул стакан и стюардесса ушла. Откинувшись в кресле, стал смотреть в иллюминатор. Капли влаги, размазываясь по стеклу, на краях иллюминатора сверкали потоками. Налипали новые и опять стекали... Кругом, насколько можно было видеть, серела мгла.

Дама из соседнего ряда, всё это время пытавшаяся обратить на себя моё внимание, наконец не выдержала:

- Это я вызвала её. Вы вроде бы уснули, а потом, знаете ли, как-то странно замотали головой, вцепились в ручки кресел, даже пальцы побелели, и вдруг затихли. Я забеспокоилась и вызвала стюардессу.

- Спасибо! Очень Вам признателен. Просто сон. Устал – много работы.

- Да, я Вас понимаю, бывают такие ужасные сны. Моя школьная подруга, знаете ли, умерла во сне! Уж не знаю, что ей приснилось, но мне самой иногда так

страшно бывает...

Спасибо! Перспектива умереть во сне меня как-то не радует! Рановато... Недослушав, я отвлёкся. Моё внимание привлекли всхлипывания в начале салона, прислушавшись, понял: всхлипывает маленький ребёнок. Скользя взглядом по салону, остановился на соседке - она продолжала что-то говорить. Бывают же такие болтуни! Всё равно, о чём, лишь бы говорить. Мне стало интересно - кого она хочет обрадовать своим приездом? Я стал рассматривать её внимательней. Она продолжала говорить, при этом ещё и жестикулируя. В её мимике был вопрос. До меня донёсся звук её голоса:

- И что Вы об этом думаете?

- Простите? Я что-то пропустил...

- Вы меня не слушали?! Вы мужчины - все такие, - обиделась соседка.

Я попытался что-то промямлить в своё оправдание, но она, не слушая, демонстративно уткнулась в журнал. Ну вот, ещё и обидчивая... Я взглянул на наручные часы: через двадцать пять минут, согласно расписанию, мы должны приземлиться в аэропорту.

На земле, перед вылетом, ничто не предвещало разгула стихии - в аэропорту было солнечно, и полёт должен был продлиться всего час. Но уже через пятнадцать минут полёта на горизонте появился темный фронт туч, стремительно расползающийся во все стороны. Мы двинулись в самый центр. По салону прокатилась дрожь, и мы погрузились в серый сумрак.

Лайнер трясло, как старую телегу на просёлочной дороге. Меня охватило беспокойство - не затянется ли наш полёт, и я нажал на кнопку вызова.словно из воздуха, возле меня появилась стюардесса. Её очаровательная улыбка, казалось, сама должна была развеять все наши сомнения и беспокойства.

- Вам воды?

- Нет. Простите меня, я очень обеспокоен - не затянется ли наш полёт? У меня, знаете ли, намечена очень

важная встреча, сразу по прибытию и вообще очень плотный график встреч.

- Вам не стоит беспокоиться – мы благополучно приземлимся через тридцать минут. Внизу ураган и гроза, и нам пришлось немного изменить маршрут полёта. Надеюсь, это никак не повлияет на ваш график!

Понуднее расположившись в кресле, я продолжил смотреть в серые толщи за стеклом. У меня была черед трудных дней, и начала сказываться усталость - равномерный гуд успокаивал, убаюкивал... Сон обволок моё сознание, и я погрузился во тьму...

Подо мной, внизу, проносились кроны деревьев. Ветер трепал одежду, подхватывая тёплыми потоками, бросал меня то вверх, то вниз. Я взмывал за облака и в разрывах видел нескончаемые деревья, ковром устилавшие землю до самого горизонта. Опускаясь и скользя над деревьями, ужасался - я был так близко к ним, что иногда казалось – какая-нибудь ветвь зацепит, и я сорвусь вниз, во тьму, угрожающе засевающую меж ветвей. Но всякий раз поток ветра подхватывал меня и уносил ввысь. На северо-востоке появился огромный диск луны, грустным тёплым глазом обозревая свои бескрайние владения, наполненные шелестом листвы и стоном ветвей, раскачиваемых ветром. Впереди заискрилась поверхность воды. Узкая лента извилисто мерцала внизу, разрывая тёмно-зелёные массивы бескрайних лесов. Струя ветра потянула меня к реке. На огромной скорости я нёсся над поверхностью спокойных вод, вдыхая густой, насыщенный влагой воздух. Берега с плотно стоящими деревьями стали отступать, расходясь в стороны. И вот уже, насколько охватывал глаз, заискрилась поверхность воды. Прямо передо мной, над поверхностью висел огромный жёлтый диск Луны, и, казалось, я неминуемо должен в него врезаться...

Что-то пробудило меня. В иллюминаторе уже не вид-

но было крыльев лайнера – серые лохмы заполнили весь видимый мир. Ощущалось мощное давление, казалось, что толщи серых туч, как океанские воды, давили со всех сторон. Лайнер вздрогнул и надрывно загудел, будто из последних сил прорываясь вперёд. Серую массу за стеклом иллюминатора озаряли частые всполохи огня. По салону прошла стюардесса и через минуту сквозь гуд и дребезг прорвался её голос: «Прошу всех пристегнуть ремни. Наш лайнер производит посадку в сложных погодных условиях. Просим вас сохранять спокойствие, не вставать с мест до полной остановки двигателей и выхода экипажа». Пассажиры обрадованно закопошились, предвкушая окончание затянувшегося полёта. Лайнер накренился и начал снижение.

Мы вынырнули из серой мглы, и сразу под нами оказалась территория аэропорта – мокрый чёрный грунт и бликующая от вспышек молний взлётно-посадочная полоса. Манёвр над строениями – и мы пошли на посадку. Шёл дождь. Сквозь стекло мокрого иллюминатора мир казался нереальным и фантастичным, будто выкрашенным синей краской и очерченным чёрными контрастными тенями. От всполохов молний стёкла зданий и огромные лужи вспыхивали вкраплениями желтизны. Но вот шасси коснулись земли, и вздох облегчения пронёсся по салону. Взревели турбины, гася скорость.

Тьма... До моего сознания донёсся звук... только след... Отдалённое эхо. Дробящийся порошок... Пришло странное ощущение покачивания. Шелестели волны, покачивая то вверх, то вниз, подхватывая круговорот... Пробежал лёгкий бриз, осыпая тьму призрачными искрами, бликами, рассыпался где-то шипением... Сознание всколыхнула мысль: как волны о ракушки на берегу.... Шипение накатывало, нарастало; озарилось вспышкой, рассыпавшейся где-то вдалеке. Запульсировал гуд, прокатился грохот, пространство содрогнулось, как от удара

волны о скалу. Вспышка - ещё и ещё, искры - всё озарилось огнями, фосфоресцирующими всполохами. Засверкало, закружилось, будто дуновением ветерка донеслись звуки скрипки - звуки вальса. В этом было что-то знакомое, я пытался вспомнить вальс - он ускользал, кружил, то нарастая феерией и буйством красок, то отдаваясь и спадая до едва уловимого шороха...

Яркий свет ослепил мне глаза. Свет приближался, переходя в заполняющий всю голову звон, горячей волной обволакивая тело. Свет был нестерпим, и я закричал... Всё в миг померкло и секунду назад светящееся пространство поглотила тьма... Тишина.

Ко мне вернулось сознание. Сквозь сомкнутые веки пробивался белый искрящийся свет. Во всем теле необычайная лёгкость. Тихо. Очень тихо. Тихо настолько, что слышно, как в голове гудит кровь, текущая по венам и артериям. Или это не кровь? Станный гулкий звук. Почти как многократное эхо...

Я открыл глаза и - всё тот же белый искрящийся свет! Вокруг только он - белый искрящийся свет... Я вскочил на ноги, но не почувствовал разницы в положении и в ужасе закричал. Мой голос был странным, и я тут же смолк. Я поднёс к лицу руки: они мало чем отличались от окружающего пространства - всё тот же белый свет наполнял их, лишь слегка выделяя в окружающем мире. По краям, по оболочке они были чуть темней, было ощущение, будто свет пробивается сквозь некий контур, определяющий мои руки. Определяющий всё моё тело и одежду, также излучающие свет.

- Боже, где я? Я что, умер? Или это бред?

- Вовсе и не бред. И я тебе - не Боже! Поздравляю с возвращением! - Прозвучал в моей голове голос с явно ехидными нотками.

Справа от меня, если конечно здесь приемлемо такое определение, проявилась человеческая голова с явно

знакомыми мне чертами.

- Ну и что ты на меня так смотришь?! Я же сказал: поздравляю с возвращением! Ну и рожа у тебя! Во, как она у тебя вытянулась! – И голова изобразила...

И тут до меня дошло: это же я - моя голова! Мой фантом, двойник! Странно только – без тела.

- Похоже, ты совсем дар речи потерял?! Ну ничего, это у тебя быстро пройдёт. Точно!

- С возвращением куда? Что происходит?

- С возвращением домой. В «альма-матер», так сказать! И спешу тебя заверить: ты не умер! Иначе - разве ты разговаривал бы со мной сейчас? У тебя, конечно, много вопросов ко мне. Спрашивай – на все отвечу! Я знаю всё, что ты забыл. Хотя, следует сказать, помнил ещё совсем недавно... Оп-с...

- Исчезни! – Раздался ещё один голос.

Из светящейся пучины выплыло неопределённое по форме пятно. Голова тут же растворилась. Ехидство головы ушло вместе с ней, с ней ушли и моя растерянность, и сомнение. Светящееся пятно источало вокруг себя доброжелательность, доверие и некое ощущение родства душ.

- Где я? Ничего не понимаю! Я помню... Я чётко помню: самолёт заходил на посадку. Мы сели. Что произошло?

- Мы оставим пока твой первый вопрос в стороне и ответим на второй. Смотри...

Непонятная сила меня потянула куда-то в сторону, и я очутился в нескольких десятках метров над территорией аэропорта. Небо сверкало, как новогодняя ёлка, всполохами молний и грозových разрядов. Казалось, что аэродром вымер. Сверху всё походило на сверкающую глянец игрушку. И лишь лайнер, выруливающий к терминалу, да «заправщик», разбрызгивая лужи, спешивший куда-то, давали понять, что аэропорт живёт ожиданием прибывающих.

Молния ударила в осветительную мачту, охватив

её призрачным огнём. Сквозь мерцающую плазменную дрожь с шипением разбрызгивалась вода. Вдруг «заправщик» резко ушёл в сторону от вспыхнувшей поблизости молнии и врезался в осветительную мачту. Взметнулся столб огня. Мачта вздрогнула, покачнулась и начала неустойчивое падение. С грохотом и скрежетом корёжившегося металла обрушилась на крылатую игрушку. Взрыв. Один... второй...

Пламя, охватившее лайнер, казалось, добралось и до меня на высоте. Лицо, руки, всё тело горели, причиняя мне ужасную боль...

- Ну вот, ты видел всё сам!

У меня не было слов, у меня не было сил. Я не мог выдавить из себя ни одного звука. Мой мозг, будто превратившийся в желеобразную массу, отказывался мне служить. И белый искрящийся свет, и светящееся бесформенное пятно затуманились, качаясь в желеобразной массе моего мозга, раздваиваясь и дробясь на куски сверкающей рваной ткани, превращаясь в белые хлопья... Шёл снег, белый и пушистый. В безмолвии плавно скользили снежинки. Я лежал в снегу, раскинув руки и ноги, уперев застывший взгляд в сверкающую снежную высь. Шёл снег, засыпая меня тишиной и покоем...

Мгла отступила, и я увидел перед собой всё то же сверкающее пространство и терпеливо чего-то ожидающее светящееся пятно.

- Нам пора! Ты получишь ответ на свой первый вопрос!

Искристая масса пришла в движение. Прямо перед нами начал формироваться пучок яркого света, разрастаясь, он стал превращаться в нечто вроде туннеля. А потом и вовсе преобразовался в сферу ярчайшего сияния, но этот свет почему-то не вызывал болезненных ощущений. Сфера была заполнена переливающимися шарами. Шары перемещались внутри сферы и пульсировали, то разрастаясь до невероятных размеров, то сжимаясь до

едва видимого пучка.

- Что всё это?

- Если выражаться категориями более понятными для тебя на момент этого проявления, то это что-то вроде пункта слежения за прибывающими. Ну и, конечно, возвращающимися! Что, собственно, мы с тобой сейчас и осуществим. Ты возвращаешься обратно.

- Куда, в самолёт?

- О, нет! Мы не фокусники. Это нам не подвластно: что произошло, то произошло. Скажем так, ты не справился с некоторыми «тестами» и теперь их тебе придётся пережить вновь и найти верное решение. Для каждой конкретной ситуации это решение может быть разным. Важно, чтобы эти решения не были достигнуты путём доставления страданий и неприятностей, сопутствующих тебе по жизни. Важно достижение максимальной величины гармонии, этакое оптимальное сочетание твоих жизненных интересов и сопутствующих тебе по жизни. Сейчас мы выберем место твоего нового проявления.

- То есть, я должен буду вновь родиться? Если да, то нельзя ли сделать так, чтобы я родился у моей бывшей подруги? Боже, как это нелепо звучит... Она давно хочет ребёнка, и я думаю, она хорошо обо мне позаботится. Её зовут...

- Да, я её вижу. Но это невозможно. Согласно полнотелым ея бонусам она значительно тебя опережает.

- Она? Да, она же наивная дурочка!

- Важно не умение решать сложные математические задачи, а находить точки равновесия. Чувство гармонии.

- О, она очень гармонична: сюси-пуси, мои киски, сюси-пуси, мои собачки...

- Может быть, тебе стоит вспомнить доведённого тобой до отчаяния и разорения бывшего компаньона?!

- Он был никчёмен! Он взялся не за своё дело...

- И что, это было единственно правильное решение?

Я молча пожал плечами. В это время возле меня задрожал, переливаясь всеми цветами радуги, один из кур-

сирующих вокруг шаров.

- Выбор сделан. У тебя будет еще немного времени на переосмысление своей прошлой жизни.

- Немного – это сколько?

- В земном эквиваленте - несколько месяцев, пока будет развиваться твоё новое тело.

И я ещё некоторое время пребывал во всё том же сверкающем пространстве, где с надоедливой периодичностью меня посещала ехидная голова, мой аутоскопический двойник. Но наступил момент, и свет затуманился и померк. В наступившей тьме мне виделись размытые потоки света и доносились, будто издалека, голоса. Голоса людей.

И вдруг меня понесло и потащило, выворачивая и перекручивая, пока свет не ударил мне в глаза, и я не закричал от боли. Чьи-то большие пальцы обхватили меня, поднесли к яркому свету... И я услышал: «Смотрите, какой крикливый! Богатырь!» Меня, ослепшего от света, орущего от боли, страха и холода, завернули в ткань. Положили и повезли среди таких же сопящих, орущих и барахтающихся «возвращенцев». Мне стало тепло, и я уснул.

СТАРИК

рассказ

Далеко на горизонте, из-за возвышающейся над долиной горы, медленно выползал красный шар стареющего Сорна. Мгновенье назад долина, сверкавшая синовой своих снегов, игравшая блеском ярких звёзд и отражавшая вспышки метеоритных потоков, погасла. Сорн укутал мир краснотой, туманной и угрожающей,

дряхлающий мир пробуждался после лютых ночных морозов. Сорн ласкал планету лучами, как старик холодными и трясущимися руками - заботливо и жалко, пытаясь согреть то, что каждую ночь прихватывала стужа. Он старел, и долина всё больше сковывалась морозом - на три-четыре месяца впадая в полную спячку зимой, когда морозы особенно нестерпимы. Поверхность планеты под ледяным панцирем вымерзала, но жизнь продолжалась, прячась в изъеденной ходами планете.

Недра долины и опоясывающих ее гор, опутанные сложной, почти хаотичной, системой пещер и ходов, их связывающих, когда-то напоминали суетливый муравейник. Но Сорн старел, старела и планета, ветшая и дряхлая, теряя суету и многолюдность. И, как и древняя старушка, она спала и спала, лишь изредка пробуждаясь

в красном старческом мареве, едва помня, кто она.

Ветра бродили по скованному морозом телу, хлеща его бичами вьюг. В глубинах планеты шуршало и скрипело, посапывая и повизгивая, то немногочисленное и уже не суетливое, спящее и ещё живое, но с каждым витком старушки отдаляющееся от прекрасного и светлого прошлого; планета кружилась в предсмертном танце, проваливаясь в холодную и угрожающую бездну безграничного...

Старик всегда предчувствовал приближение утра, первого утра после долгой зимы, он пробуждался с первыми лучами красной звезды. Лучи Сорна не могли проникнуть под крепкие своды пещеры, но старик, будто слившись душой со старым светилом, всегда чувствовал, как в глубине его души зарождалось ощущение тепла и света - красного комка, нарастающего и пульсирующего. Старик заворочался под грудой старых шкур и истлевшего тряпья, только и пригодного, что для зимней спячки.

Из груди показалась всклоченная бородастая голова. Обведя подслеповатыми гла-зами своды пещеры, старик тяжело вздохнул, тёмных пятен на стенах стало больше, они образовывали огромные массивы черноты, зиявшие бездной на фоне стен, подсвеченных плесенью. Фосфоресцирующей плесени стало меньше, ночь была холодной и долгой, что грозило полным вымерзанием плесени и непроглядной темнотой холодными ночами. Эта зимняя ночь была особенно долгой, голод хищной когтистой птицей терзал тело. Выбираясь из зимнего логова, старик с кряхтеньем произнёс: Эх, Озим, Озим - твой дом станет тебе могилой, холодным и темным склепом, где даже плесени не будет места.

Старика неудержимо влекло наружу, вон из пещеры, туда, где глоток воздуха пьянит, туда, где рваные лохмы облаков виснут, цепляясь за кромки гор, туда, где глаза не натываются на заплесневелые стены пещеры и где - свобода!

Ещё не вполне отошедший от зимней спячки, то и дело натываясь на едва видимые предметы, старик подошёл к высеченному из камня столу. Пошарив на нем, нашёл что-то съестное и, положив в рот, принялся, закатив от удовольствия глаза, жевать, одновременно продолжая поиск на столе. Не найдя и с разочарованием оглядев свои владения, направился к выходу из пещеры. Сорвав наросты мха, с усилием отворотил несколько валунов, приоткрыв невысокий лаз, пролезть в который можно было, только согнувшись и почти на четвереньках. Собравшийся было выходить, старик что-то неожиданно вспомнил и почти бегом кинулся к своему логову. Нервно разгребая шкуры и тряпье, он едва слышно что-то бормотал, и, найдя нечто замотанное в лохмотья, в изнеможении присел, прижав обеими руками свёрток к груди.

- Моя ты милая, как же это я... Старый дурак, Озим совсем забыл о тебе! Как же...

Старик беззвучно плакал. Слёзы текли по его бледному морщинистому лицу, бесследно исчезая в бороде. Глаза, замершие на одной точке, были безучастны. Старик унёсся в видениях в глубины своего прошлого. Призраки толпились перед его сознанием, пытаясь прорваться в растревоженную душу. Одни вежливо, дожидаясь своей очереди, другие - врываясь и сметая мелькнувшее, не давали памяти ухватиться за образ...

Старик с невероятным усилием разгрёб толщу снега, смёрзшегося за долгую зиму, накрепко запечатавшего вход в пещеру, и, выбравшись наружу, замер - мир был прекрасен! Над разогретыми снегами долины поднималась закручиваемая ветрами дымка, переливаясь от нежно-розового до бордового цвета, она искрилась, дрожала и извивалась, как живое существо. Всё вокруг жило обновлённой жизнью, мир наполнился звуками - шипением и шелестом оползающих с вершин снегов, редким грохотом увлекаемых оползнями камней. Пещера стари-

ка находилась на теневой стороне долины и потому его не беспокоила опасность оползней, но необходимо было торопиться - постепенно Сорн доберётся и до этой стороны.

Озим пытался вспомнить, где больше всего росло сладких корней марги прошлым летом. Постарев, он перестал быть охотником, ему не угнаться за зверем, особенно за таким, как коршы, небольшим, жирным и покрытым густой шерстью - необычайно юрким зверьком. Эти мерзкие коршы доставляют много хлопот старику - они не засыпают на зиму и самое скверное - они, так же, как и Озим, любят корни марги.

Старик начал спуск по склону. Знакомая ему за долгие годы жизни местность в этом году была необычайно преображена - за зиму навалило много снега и льда, обрушив некоторые скалистые выступы. Старик, с трудом ориентируясь, добрался до ложбинки между двух скал, когда-то давно падавших навстречу друг другу и, соприкоснувшись головами, как два сказочных великана, замерших навечно. Снег, схваченный коркой льда, плохо давался ослабевшим рукам, дышать было тяжело, кружилась голова, и наваливался приступами кашель. Превозмогая слабость, старик голыми руками разгребал снег, утапывая его. Углубившись под наст, он добрался до промерзшей земли. Его спасение, что марга не пускала свои корни глубоко.

Замерзшая земля хранила следы когтистых лап. Расчищая снег, старик натыкался на всё те же бороздчатые следы. У него не было уже сил на поиски в другом месте. Не до конца выеденные корни свидетельствовали о том, что зима была особенно лютой - коршам не хватало сил на смерзшуюся землю, и они довольствовались тем, что на поверхности. Найденным поблизости куском камня Озим старательно расчищал землю, извлекал корни, складывая их горкой рядом. Периодически голод напоминал о себе и тогда старик, вычищая о снег ледяные

корни, принимался жевать маргу. Набравшись сил – продолжал. Время текло незаметно.

Собрав достаточное количество корней и насытившись, старик стал выбираться из-под ледяного панциря. Долина, разогретая светилом, подернулась туманной дымкой. Сверкающие вихри экзотическими живыми столбами поднимались высоко в небо. Под ногами змеобразными потоками двигались массивы ледяных кристаллов и снега. Порывы ветра сбивали с ног, больно били по лицу. Тяжело дышать. Воздух, насыщенный парами влаги, затруднял дыхание. То и дело льдинки, попадая в задыхающийся рот, обжигали горло. Старик спешил, с каждым шагом идти было трудней. Изнемогая от потоков ветра, бьющего со всех сторон, он подумывал о небольшом привале.

Найдя укромное место между двух глыб льда, старик в изнеможении опустился на ледяной выступ. Ветер выл, налегая на скалы. Глыбы льда опасно трескали от контрастных температур: теплых красных лучей и ледяного ветра, будто несущего в себе холод космической бездны. Все вокруг было в движении. Ветер, пропитанный снегом и льдом, нес переливающиеся массы. Нес вырванные куски льда, вскрывая ими поверхность и тут же вылизывая царапины и трещины. Старик решил переждать опасный период: час-другой и Сорн согреет всю долину - ветер успокоится.

Поставив перед собой свою заплечную сумку, он извлек несколько корней марги и принялся с наслаждением их жевать. Достав сверток, развернул его, из груды тряпичных лохмотьев показалось нечто серо-коричневое и прямоугольное. Это была старая, с пожелтевшими и хрупкими листьями, книга. Озим, погружаясь в воспоминания, с любовью гладил страницы, рассматривал рисунки. Он вспоминал детство... Страницы былого, как в калейдоскопе, сменяли одна другую...

Что-то вспугнуло воспоминания. Сквозь вой ветра донесся дикий вопль. У старика похолодело все внутри: он давно уже не слышал ничего подобного – это был голос человека. Уже давно в этой долине старик соседствует со зверями. Он даже и не предполагал, что где-то еще... Сердце забилося чаще, наполняясь надеждой на встречу, о которой старик уже и не мечтал. Из розоватого сумрака надвинулась тень, это был молодой человек, замотанный с ног до головы в шкуры, с острым цепким взглядом хищного животного, замечающего каждую мелочь. Его взгляд уперся в сумку. Угрожающе надвинувшись на старика, взял сумку, запустив в нее руку, извлек несколько корней. Пробуя на вкус корни марги, обнажил в улыбке острые зубы. Озим, пораженный, молча наблюдал: перед ним было нечто хищно-урчащее и... человекоподобное. В его движениях чувствовалась мощь. Существо жевало, наблюдая за стариком. Озим почувствовал, как холодок ужаса ползет по спине, охватывая все его существо. Откуда-то издалека донеслись крики... У Озима мелькнула мысль: холода пригнали их сюда. Старик, в ужасе прижимая книгу к груди, сильнее вжался в угол. Взгляд существа остановился на книге, отчего старик еще крепче прижал ее к себе. Это самое прекрасное, что у него было, связывающее с тем, померкшим миром. Существо протянуло руку к книге. Озим, прижимая ее к груди, замотал головой. Существо схватило книгу, но цепкие руки старика продолжали ее удерживать. Тогда существо второй рукой схватило старика и швырнуло на ледяную глыбу, старик ударился головой об острый выступ и сполз по глыбе, оставляя кровавый след, едва различимый в красном свете Сорна. Пришелец, повертев книгу в руках, вырвал несколько листов, хрупкие листья ломались, рассыпаясь под его пальцами. Попробовав на вкус, выплюнул и, бросив возле старика, шагнул в снежный сумрак. Его силуэт растаял в розовом хаосе. Мгла поглотила его...

Ветер рвал листы книги, хрупкие страницы, ломаясь, разлетались во все стороны, кувыркаясь в искрящемся тумане, взмывали высоко в небо, в бездну. Старик с удивлением следил за ними, разбегающимися, как дети, вырвавшиеся из-под опеки. Найдя глазами, красноватое пятно Сорна, старик улыбнулся. Спокойствие и блаженство, пульсируя, растеклись по замерзающему телу. Непонятное умиротворение наполняло душу... Веки, тяжелея, опустились.

Ветер поземкой вплетался во взлохмаченную бороду и волосы, покрывая их пуши-стыми снежинками и искринками льда. Скрюченные пальцы старика плотно сжимали ком вырванных листов, испещренных непонятными знаками...

Шел снег, укрывая следы. Ледяная туманная взвесь скрывала очертания. И только красный глаз Сорна из последних сил пробивался сквозь мглу, все так же переливая-щущаясь от нежно-розового до бордового оттенков. Она искрилась, дрожала и извивалась, как живое существо. Мир, когда-то им рожденный, все еще жил. Шел снег...

ГАРАЖ

рассказ

Как это часто бывает в жизни, совершенно обычная встреча, поход, поездка, а может быть, просто схватились не за те два проводочка, и – память на всю оставшуюся жизнь. Пути вселенной нам не ведомы, и звезды прокладывают наш путь по своим, только им известным маршрутам. Наша история не замысловата, тем и комична. На одном из промышленных предприятий города работали наши персонажи – три друга, три товарища.

Граждане страны, тогда советской. И так как это было давно, память затёрла мелкие детали, сохранив нам самую историю.... В то время, когда три друга, три товарища только предполагали, а может быть, только зарождалась мысль о предстоящем событии – звёзды предопределили...

- Кузьмич... - Седовласому гиганту возле токарного станка. - Эй, Кузьмич, где Санька? С обеда его не вижу...

- Я что, мамка ему!? – отвечает Кузьмич, пряча усмешку в пушистых усах. И вдогонку. – Эй, Вовчик! К Катьке в инструменталку загляни – он без неё ни дня, ни часа.

- Окей! – И скрылся за дверью.

- Окей, окей... - заворчал Кузьмич, передразнивая Владимира. - Чем «ладно» или «хорошо» хуже!? Ума от иностранщины не прибавится, а понимать перестанут...

- Кузьмич, ну ты долго ещё?! – Подлетел мастер. - Давай быстрее – вкладыш уже ждут. Из-за тебя парни стоят. Заканчивай! Пора уже собирать...

- Пусть не стоят, а посидят – им не привыкать... Я – метеор вам штоли, видишь – точку! Станок дышит уже на ладан, а тебе всё быстрее. Сейчас «гафкнется», и на ремонт!

- Ладно, ладно – не пугай! Давай делай по-шустрому – пятница, всё-таки! Сегодня надо собрать...

Мастер снимает свои очки и, нервно протирая их тряпицей, заменяющей носовой платок, уходит. И уже издалека:

- Шустри, Кузьмич, шустри! А то премию не дам...

- Куда ты денешься?! – Заводится Кузьмич. – Уйду - кто работать будет? Много желающих? Одни мальчишки... Ты их со мной сравниваешь? Грозильщик...

Едва перекрикивая шум работающих станков, Кузьмич пытается ещё что-то сказать, но мастер, не слушая, скрывается в мастерской, хлопнув дверью.

В это время Владимир, найдя Саньку в инструменталке, пристроился пить чай.

- Санёк, куда ты столько ешь!? Посмотри, тебя уже циркулем можно нарисовать!

- Хорошего человека должно быть много...

- Ну не когда он – «метр с кепкой»! Тебя как ни положи – одинакового роста...

- Вова, что ты к нему пристал?! – Вступилась Катя. - Зато он добрый! Лучше скажи, что ты прилетел? Пятница покоя не даёт?

- Да! Пятница – питница... К тому же, «моя» сегодня у сына в школе на собрании. А мне что делать, в потолок плевать?!

- Только не ко мне! – Заявила Катя. - Ко мне придет подруга с дочкой. А чтобы не плевать в потолок, надо дома хоть что-нибудь делать. Уверена, Вова, тебе найдётся, чем заняться!

- Ладно! Чо ты прицепилась ко мне? Санёк, может быть, к Кузьмичу в гараж? Он как-то предлагал. Заодно и «обмоем» покупку! С нами он гараж не обмывал.

Кузьмича долго уговаривать не пришлось – испорченное мастером настроение надо было исправлять.

В конце рабочего дня друзья сели в «семёрку» Кузьмича и помчались «отовариваться». Взяв пива и разнообразной закуски, загнали машину в гараж. Импровизируя стол из деревянного ящика из-под болтов, расположились у раскрытых ворот. За разговором и шуткой, за пенистым пивом и вкусной трапезой ход времени был не замечен. Пиво заканчивалось, а Владимиру с Саней хотелось ещё. Кузьмич вспомнил, что в подвале гаража должна быть начатая бутылка водки. Люк в подвал был справа от машины, как раз напротив задних дверей «семёрки». Кузьмич, слазив в подвал, разлил друзьям водки, а сам, не захотев мешать, потягивал пиво. Через некоторое время небо стало золотиться, краснеть. Легли длинные тени. Первым почувствовал желание поспать

Саня, и без лишних слов качающейся походкой побрёл к машине. Усевшись на переднее сиденье за руль, уснул. Прошло ещё немного времени, и на землю опустились сумерки. Появились первые проблески звёзд. К Кузьмичу подошёл сторож и отвёл его в сторону. Владимир остался в одиночестве. Бессмысленно озираясь по сторонам, как бы вопрошая: где я, Владимир обратил внимание на машину и, втянув свое тело на заднее сиденье, отключился.

Кузьмич, вернувшись, пытается их растолкать, но тщетно. Собрав остатки пиршества, Кузьмич собирается домой. Слазив зачем-то в подвал, забывает закрыть люк. Вытащив ключи из замка зажигания машины, Кузьмич захлопывает дверь гаража, благо дверь с защелкой, и, не навешивая замок, уходит.

- Эй, Петрович! – Кричит Кузьмич сторожу, проходя мимо сторожки. - Там у меня двое - в отключке. Я гараж не закрыл – так захлопнул. Пригляди, если что! Ну, давай, до утра! Покеда!

Ночь. Тишина. Где-то лают собаки. И то нарастающий, накатывающий, то убывающий рокот. Первым проснулся Владимир. Проснулся от естественной потребности – пиво просилось наружу.

– Что за.... Где я? Тьма, хоть глаза выколи. И качает, боже, почему так качает?! Что за шум? Море? - Владимир открывает дверцу машины и пытается выбраться. Но неожиданно замирает. Поболтав ногой, Владимир пытается сесть ниже и нащупать почву под ногами, но... ничего! Владимир в испуге втягивается в кресло. Захлопнув дверцу, сидит, очумело вглядываясь во тьму, ничего не понимая! Мозг, еще не отошедший от алкоголя, не находит решений. Услышав сопение впереди себя, решает: Саня!

- Санёк...- позвал слабым голосом Владимир. - Саня, мы где?! Саня, слышишь, проснись...

Но впереди ни движения. Саня спит. Тогда Владимир, набравшись решимости, протягивает руку и тере-

бит Саню за плечо. - Проснись, слышишь?!

- А...что? – подал голос Саня. - Ты кто?

- Идиот! - сдавленным голосом прошипел Владимир.

- Это я – Вова!

-Ты меня напугал, - зашевелился Саня и под его грузным телом машина закачалась.

- Не шевелись! - Заверещал от страха Владимир.

- А, чо?

- Открой дверь, посмотри, возле тебя земля есть.... По-моему, мы на скале, на море....

- С ума сошёл! - открывая дверцу и вытаскивая ногу из машины, и уже изменившимся голосом .– У меня тоже... ни чего....

В машине воцарилась тишина, и все тот же то нарастающий, то убывающий рокот.... Друзья сидели без движения, в молчании и полной темноте. В наступившей паузе всё явнее звучал шум моря, несколько далекий и приглушенный.

- Всё, я больше не могу! Пиво просится наружу. – Владимир, не выдержав открывает дверцу.... - Саня, слышишь, высоко падает... и эхо... Ущелье штоли?!

Владимир с облегчением откинулся в кресле. В голове у него перестало «бухать», сознание стало проясняться.

- Саня, а почему звёзд не видно.... Странно как-то.... Сколько время? Посмотри на часы.

- Я ни его не вижу, - подал голос Саня. - Темно!

- Саня ты совсем мозги пропил – свет включи над собой....

Машину осветила тусклая лампочка. – Чёрт побери! - Выдохнули оба разом. - Мы же в гараже у Кузьмича. – Владимир ринулся открывать дверцу и ... увидел перед собой люк в подвал, который он принял за ущелье. Друзья выбрались из машины, включили свет в гараже. И, преодолевая штормящее сознание, принялись хохотать. Владимир, показывая рукой на Саню:

- А штаны у тебя чо мокрые?

- Волной накрыло...

ГОЛОС ВЕТРА

РАССКАЗ

Это началось неожиданно. Сегодня. Утром. Вначале всё было, как обычно. Будничное утро, похожее на сотню таких же обычных и ничем не примечательных утренних пробуждений, сборов и семейных препирательств.

Сначала жена закатила истерику, что бреюсь утром, а не с вечера, как все нормальные люди. И где она ви-дела этих «нормальных людей»?! Потом дочь, что кофе закончился, а без кофе - весь день пропал, вместе с её настроением, и школу сегодня она видеть не может, как собственно, и нас, родителей. Стараюсь сохранять ров-ное дыхание и ни на что не реагировать. Бреюсь, пью кофе, тот, что остался, и которого почему-то достаточно для меня, но не для моей дочери, максималистки. Слышу голос жены: «Я жду тебя в машине». Второпях обжига-

юсь кофе, выскакиваю в подъезд, вспоминаю, что забыл материал по презентации. Обратно домой. Недовольная дочь у двери: «Ну что опять не так?!» Хватаю бумаги и бегом, под завывание клаксона нашей машины, вон из дома! На вылете из подъезда останавливает дотошная соседка и начинает мне высказывать за громкую музыку, что слушает моя дочь. Обещаю всё решить. Почему она высказывает это мне, а не моей жене?! Слишком мягко? Наверное. Жена долго разговаривать с ней не будет. Вот и вешают всё на меня.

Плюхаюсь на пассажирское место. Машина резко срывается, на скорости, с повизгиванием покрышек. Едем. Молчим. Останавливаемся возле моей работы. Выскакивая из машины: «До вечера, дорогая!» В ответ: хлопок дверцы и сорвавшаяся с места машина. «И я тебя... дорогая!», - смотрю вслед, пока красный «лексус» не потерялся в потоке машин. Вздыхаю: «Как долго это может продолжаться?»

«Привет... Привет. Привет! Доброе утро. Здравствуй. Салют, старик, как дела?» - Я уже в потоке, растекающемся по этажам, коридорам и кабинетам. Знакомая дверь. Вечно хмурый взгляд «главного» и кивок вместо приветствия. Радостная Ксюша - ей двадцать один, и она в восторге от всего, что её окружает. Мне иногда даже кажется, что она ко мне неровно дышит. Клавдия Мионовна внимательно смотрит на меня, подходит, снимает несуществующую соринку с костюма: «Стас, у тебя всё в порядке?» Боже, завела бы себе собаку и заботилась о ней! У меня всё в порядке. У-ме-ня всё-о-о в-по-ряд-ке-е! В ответ улыбаюсь: «Здравствуйте, Клавдия Мионовна, у меня всё отлично, собственно, как и всегда!»

«Станислав Николаевич, вам кофе налить?» - Это Ксюша, не успеваю ответить, а вопрос уже с другой стороны: «Стас, материал по презентации продукции где? Готов? Директор в одиннадцать нас ждёт у себя!» И опять не успеваю ответить. Распахивается дверь - Марина из бух-

галтерии с большой речью, без пауз: «Стас! Доброе утро! У меня опять комп завис, не грузится». Посмотри, пожалуйста! Ты же знаешь, системщиков пока дозовёшься, с ума сойти можно! А у меня воз работы и ещё маленькая тележка! Стасик, пожалуйста!» Я только что опустился на стул за столом. Но этой обворожительной рыжеволосой красотке сложно отказать. Она знает об этом и пользуется этим. Встряхивает роскошными рыжими волосами и улыбается. Иду. А в мыслях ворчу: «А у кого работы воз, да ещё маленькая тележка?» Минут сорок мучаюсь с её компьютером. Нервничаю. «Всё, пробились!» Запустился. Бегом к себе. Время почти десять. В одиннадцать к директору, а у меня сравнительный анализ продукта ещё не готов! Мне жарко, на лице испарина, хотя «кондёр» работает на всю.

Одиннадцать. Кабинет директора. Всё как в тумане. Свой голос слышу откуда-то издалека. Что-то показываю на графике. Вокруг лица. Пожимают руку. Хлопают по плечу. Улыбаются.

До сознания доносится голос «главного»: «Молодец, Стас! Директор доволен». Только сейчас понял, что я уже у себя в отделе, за столом. И вновь Клавдия Мироновна: «Стас, с тобой всё в порядке? Какой-то ты бледный. Налить воды?» «Нет, Клавдия Мироновна! Нет! Не в порядке...» И «главному»: «Что-то душно мне. Пойду, пройдусь!»

Выйдя из здания, почувствовал порыв ветра. Прохладный, освежающий порыв. Прикрыл глаза и подставил лицо. Ветер будто понял - струя живительной прохлады наполнила мои лёгкие и освежила лицо. Сознание прояснилось. Можно было бы, постояв, вернуться в отдел. Но я решил пройтись до ближайшей пятиэтажки и посидеть в тени, под кроной дерева.

Сев на скамью и удобно откинувшись на спинку, закинул руки за голову и, переплетя пальцы, сквозь кро-

ну дерева стал наблюдать за бегущими облаками. Белые и пушистые, в голубом небе сквозь зелень листвы, они казались особенно прекрасными и безмятежными. Мне почувствовалось, что мой взгляд сквозь переплетенье ветвей и листьев в голубое небо, как взгляд пожизненно заключённого сквозь прутья решётки. Небо безгранично, облака свободны... На мгновение у меня закружилась голова. И через минуту подумалось: «Свобода облаков иллюзорна, им хозяин ветер - куда подует, туда они и поплывут». Охватило безотчётное чувство тоски. Спазм сковал горло, стало тяжело дышать. Бросил взгляд на окружающих - и с удивлением определил, что счастье и безмятежность небес вокруг: прошла улыбающаяся девушка, другая, проходя мимо, смеялась, разговаривая по сотовому, шумной стайкой пронесли пацаны, в обнимку прошла парочка...

- Эй... Эй! Мужчина! Я тебе говорю... Эй, на скамейке!

Я с удивлением поднял голову вверх, на голос. Обладательницей голоса была пожилая женщина в очках, перегнувшись грузными телесами с балкона четвёртого этажа, она обращалась ко мне.

- Чё уставился! Тебе говорю: что раскидал бутылки? Попил пиво - выбрось в урну, вон она - рядом. После вас, алкашей, сидеть там невозможно! И не смотри на меня так! Убирай! А то милицию вызову.

Проходившие мимо люди косились на меня недобрым взглядом. Мне казалось, что через всё моё лицо горело клеймо: «Ату его! Он виновен!» Пересилив своё удивление и растерянность, промямлил в ответ: «Это не я. Здесь так было...». Она расслышала.

- Да, как же, не ты! Я только чай попить поднялась, а ты вон сколько накидал! Убирай, говорю. - Не унималась беспардонная «блюстительница порядка».

Я встал и растерянно развёл руками.

- Вы только посмотрите на него! Стоит! Убирай сей-

час же, - завизжала женщина.

Я развернулся и быстро пошёл прочь от этого безумия. Прочь. Прочь. Я бежал от неё, от себя, от всего, что так неприятно и беспокоит. Подальше, подальше... Перед глазами пелена, в ушах её мерзкий голос.

Ноги вынесли меня к морю. Штормило. Волны разбивались о камни, накатываясь на берег, шелестели увлекаемыми за собой ракушками. Берег был пуст и только чайки ликовали в рокоте морском. Я в изнеможении прислонился к большому наклонному куску скалы и прикрыл глаза. Камень вздрагивал при ударах волн о берег. Налетавший волнами ветер нёс с собой влагу и брызги.

- Эй! Эй...

Что-то больно ткнуло меня в плечо. Темно. Голос слышался сверху. Я почувствовал, что лежу. Сел. Повернув голову на голос, спросил в темноту: «Ты кто и где я?»

- Где, где!? Открой глаза - увидишь... Точно! Алкаш!

- А ещё прилично одетый, - произнёс второй, как я понял, старушечий, голос.

Открыв глаза, я их тут же закрыл. В сторону от меня, прогуливаясь по берегу, уходила пара пенсионеров, старик опирался на трость. Я сидел возле того же куска скалы. По-видимому, уснув или потеряв сознание, я упал. Скорее, последнее - в голове ватно бухал колокол. Больно открывать глаза - свет иглами пронизывал всё моё сознание и тело. Во рту поганый привкус. Ощущение реальности и времени было потеряно. Хотелось упасть и растечься по песку, просочиться сквозь него водой и исчезнуть.

Я откинулся на песок, сотканный из миллионлетних ракушек, разбросав руки. Пересилив боль и страх, чуть-чуть приоткрыл глаза. Надо мной стремительно проносились лохмы облаков: «Дыхание вечности и свободы». Я почувствовал, как миллиарды лет, закованные в панцири вымерших раковин и камней, просачиваются в меня, делая себе подобным. Ощущение невероятного

покоя и блаженства... Ветер принёс голоса. Далёкое многоголосье. Я закрыл глаза и прислушался, но ничего не разобрал. Голоса то приближались, то отдалялись... Переходили на шёпот. Я открывал глаза – никого! Появился страх. Со страхом пришли строки: «Но ракушки под рукою, как надежды чьей-то крах, заплетают в смех прибою нарастающий мой страх...» Я пересилил страх. Мною овладело равнодушие ко всему, и к мыслям, которые лезли в голову. Мысли стали жить своей жизнью – прилетать и улетать. «И без свидетеля живёт история... Твои похороны, состоявшиеся тысячу лет назад, повторятся вновь и вновь. Ящеры и не предполагали, что их потомки будут говорить на разных языках. У всякой тайны есть план – начало и конец. Ты первый раз пошёл в школу, и всё было тайной. Для тебя. Но не для твоего учителя. Нет тайны, и я знаю, что ты будешь делать завтра!» Это не мои мысли! От неожиданности я подскочил. Вокруг ни души. Но голоса... С левой стороны шепот: «Боишься?! Я буду даже тогда, когда не будет тебя. Я буду в твоём завтра, как есть в твоём сегодня...»

Ветер налетал неожиданно. Резкими порывами трепал полотно рубашки, разбрасывая волосы по лбу, попадал ими в глаза. Это раздражало. Но это не самое ужасное. Самым ужасным было то, что ветер говорил! Он то нашёптывал, то ехидничал, а то и просто, неожиданно налетев, орал в ухо. Неожиданность пугала.

Я встал и пошёл прочь от берега и ветра. Ветер догонял и шептал: «Я знаю всё о тебе и твоём завтра...» Я бежал. Я метался из стороны в сторону, распутивая прохожих. Запутывал следы. Но ветер знал. Он знал, где я. Он знал меня. Он знал обо мне то, что я забыл или не хотел вспоминать. Он догонял меня и орал, и шептал... Доставал из глухих уголков моей души виденья и тыкал меня в них, как паршивого щенка носом в свежую лужицу. Он смеялся надо мной, срывая искусно созданные образы.

Я бежал. Я знал, где он меня не достанет - там, где простор, там, где ему негде спрятаться. На крышу. Я бежал туда, где работал, на крышу своего здания. Я хотел остаться там один и собраться с мыслями.

«Стас, Ста-а-сс, Станислав Николаевич!» Я пронёсся мимо всех. Я перепрыгивал ступени и лестничные пролёты на пути к свободе. Вот заветная дверь на крышу. Слава богу, она открыта. Свет обжёт моё сознание. Я прикрыл глаза и встал посередине, раскинул руки, подставляя их пробивающемуся сквозь облака солнцу. Простор! Свобода!

- Свобода - иллюзия! Разве не ты говорил: «Свобода облаков иллюзорна, им хозяин ветер»?! Они бегут от меня, как и ты тоже! Только я делаю то, что хочу. А ты - лишь флюгер. Для меня нет преград и всё пространство - я! Я - погонщик жалкой плоти. Твоё тело укрыто изысканной одеждой, но оно тщедушно и жалко так же, как и тысячу лет назад. Твоё сознание - так и не раскрытый цветок лотоса, сгнивший изнутри. Ты...

- Всё, довольно! Хватит болтовни. Тебя не существует! Ты - плод моего воспалённого сознания...

- Забавно! Если меня нет, то чего ты от меня бегаешь? И говоришь ты со мной или с собой? Я прав: твоё сознание настолько ничтожно, что не верит в то, что видит и слышит. Твой мир - иллюзия! Мир призраков!

- Один из которых - ты!

- Опять ты за своё! Вон там, чуть левее, лежит дамское зеркальце. Взгляни в него, и ты увидишь себя настоящего, а не того, кого привык брить по утрам.

Я взглянул налево и увидел зеркало, горящее в лучах солнца. Солнце будто прислушивалось к нашему разговору - облака расступились, открыв невероятной голубизны небо. Свет резал мне глаза, и я вынужден смотреть на мир сквозь щелки чуть приоткрытых век. Подобрал зеркальце и взглянув в него, я вздрогнул и выронил его. Оно раскололось на части, засверкавшие в солнечных лучах

цветами радуги. Там был не я! Оттуда на меня глянуло безобразное существо с потухшим взглядом. Но я не такой! Я жив и полон жизненных сил.

- Жизненных сил... Разве ты жил? Не кривя душой, скажи, ты жил? Что для тебя - жить?

- Ну... - Я вспомнил ярко-жёлтое солнце из своего детства, призывный блеск воды летнего тёплого моря. Я вспомнил шелест листвы в бабушкином саду, вкус свежесорванного винограда. Вспомнил мелких рыбёшек в лужах после спада реки. Вспомнил...

- Ладно, ладно! Это детство. В детстве всё иначе. А сейчас что для тебя - жить? Любить близких? Но ты давно сдаёшь им той же монетой, что и они тебе, - презрением! Ты любишь свою работу и коллег? Тебе нравится проводить уикенд с семьёй? Что ты называешь жизнью? Судьбу свою? Ты ею доволен?

- Судьба?! Хм-м... Судьба здесь ни при чём! Судьба - это не более чем наши привычки. Привычки прошлого и настоящего. Земля даёт всем равное право на жизнь. Как детям в большой семье - возможности даны одинаковые, а все дети разные. Я жил... Я живу и борюсь со своими привычками и исправляю свои ошибки. И глупо называть судьбою боль от падений. Моя невнимательность послужила причиной падения и боли. Мои неоправданные ожидания - причиной ожогов моей души. Земля, как мать, даёт нам жизнь и свободу проявлений - самостоятельность. Наше право - разбить себе лоб о стену или проявить мудрость и обойти её.

- Земля - мать... Ты об этой земле, под ногами? Если она твоя мать, то кто твой отец?

- Да, я говорю об этой Земле - о космическом теле. Отец? Солнце - отец! Сорванные одежды можно вернуть, утерянные иллюзии - никогда!

- Станислав Николаевич! Боже, с кем вы говорите? Сами с собой? Отойдите оттуда, пожалуйста! Идите ко мне - всё будет хорошо!

Я повернулся на голос. На крыше здания, недалеко

от меня, стояла Ксюша, протягивая ко мне руки. За ней толпились неизвестные мне люди.

От взгляда себе под ноги моё сердце замерло от ужаса. Я стоял на самом краю крыши.

Пространство под ногами, внизу, дрожало и покачивалось. Визги и вопли со всех сторон, приносимые ветром, рвали тело и сознание на части, в клочья. Ветер взвыл и подул сильнее. Пространство внизу призывно задрожало. Тротуар встал на дыбы и надвинулся.

Глухой звук «там-тама» и протяжное затухающее эхо... Я разглядел неровные края красной тротуарной брусчатки и струйку жидкости, быстро заполняющей неровности камня. Свет перестал резать мне глаза. Ветер перестал со мной говорить. Я услышал топот ног и голоса людей. «Боже мой! Станислав Николаевич!» Всё стихло. Мелькнула мысль: «Ветер - раб солнца, раб ночи и дня, холода и тепла...». Тепло! Тепло разлилось по моему телу...

МАЛЬЧИК, КОТЁНОК И НОЧЬ

РАССКАЗ

Вечерело. Солнце катилось к кромке горизонта, норовя окунуться в расцвеченное бликами море. В темнеющем просторе неба не торопясь плыли желто-оранжевые облака. Сочно окрашенные, будто кистью импрессиониста, они придавали пространству оттенок ирреальности и фантастичности... Проснувшийся легкий ветерок пробежал по верхушкам деревьев и, запутавшись в кроне, по стволам скользнул вниз. Зашелестел листвой кустарников. В вечернем воздухе особо отчётливо слышались звуки: редких проезжающих машин, лай собак и нечаянно столкнувшихся под балконами дома котов. Два кота,

рыжий и черный с крупными белыми пятнами, замерев напротив друг друга, выгнув спины и нервно дёргая хвостами, истошно вопили. Кто знает, сколько продолжалась бы эта акустическая баталия, но раздосадованная хозяйка со второго этажа облила их водой. Коты, будто того и ждали, как уйти с достоинством от драки - бросились наутёк в разные стороны...

- Вова!.. Вова... - с галереи соседнего дома женщина звала ребенка. - Вова, быстрее... Ужинать...

- Щас, мам... - из кустов близ дороги раздался звонкий голосок мальчишки. Кусты зашевелились и, один за другим, протиснулись три мальчугана лет восьми.

- Ладно... я пошёл...

- Чё, ладно? Марки когда принесешь? А то стекло взя-
яял, а марки не принёёёс, - сказал круглолицый, очень коротко стриженный мальчишка по имени Андрей. Говоря это, он смешно качал головой, как это делают ябеды-девчонки.

Вова, самый высокий из троих, рыжеволосый, извлек из кармана черное стёклышко и, глядя в него, попытался в просвет кустов разглядеть солнце.

- Не видно, - вздохнул Вова. - Не дрейфь, будут тебе марки. Я побежал, а то мама заругает.

И развернувшись, стремглав умчался. Двое оставшихся мальчишек, как по команде, вздохнули - домой идти не хотелось, а играть вдвоем вроде как-то неинтересно... Молча стояли и смотрели на прохожих. Порывом ветра донесло какой-то вкусный, аппетитный запах. Мальчишки, поведив головами, принялись. Воображение моментально нарисовало картину вкусовости... Захотелось домой.

- Я тоже пойду домой, - сказал худощавый и черно-головой мальчишка.

- Сережка, ты завтра выйдешь?

- Не-аа... Мы завтра на дачу...

Андрей тоскливо посмотрел вслед быстро убегающе-

му Серёжке. Оставшись один, он не торопился домой. Что ему дома делать? Сестрёнка Ленка, был уверен Андрей, играет в куклы, разложив их по всей комнате, и, может, ещё и не одна, с подружкой Ольгой, а та такая вредина.... А комната у них одна на двоих и маленькая. Папа с мамой смотрят телевизор. Не играть же ему с девочками, а сидеть в одиночестве на кухне не хотелось... Попинав комки песка под ногами, развернулся и пошёл в противоположную от своего дома сторону.

Улица пустела на глазах. Взрослых не видно, только дети небольшими группками носились вокруг домов. Андрей шёл бесцельно, не торопясь. Иногда останавливался то у одного, то у другого дома и смотрел на играющих детей. Все они были старше, и Андрей не решался к ним подойти. Пройдя ещё немного вперёд, мальчик вышел на площадь перед универсамом. На скамейках сидела группа подростков, курили и о чём-то громко спорили. Андрей, испугавшись, что к нему пристанут и побьют, резко повернул вправо и, перейдя дорогу, направился к морю.

Идя по каменистому грунту, он спотыкался о камни, распугивая сусликов и ящериц. Подойдя к обрыву, в нескольких метрах нависающему над морем, мальчик осторожно приблизился к краю и посмотрел вниз. От высоты перехватило дыхание и закружилась голова. Отойдя от края на безопасное расстояние, он сел на кусок известняка, покрытого коростой плесени, и стал наблюдать закат. Солнце, более чем наполовину погрузившееся в море, налилось краснотой, щедро разбрасывая гранатовые отблески по облакам и мокрому каменистому берегу. В воздухе прошуршала первая летучая мышь. Мальчик поднял голову к небу и проследил за ней. Высоко в небе вспыхнула звезда, за ней вторая и ещё, и ещё... Тёплые порывы ветра доносили запахи полыни и далёкие голоса. Изредка слышался гудок корабля на рейде. С места, где сидел Андрей, порт не был виден, но два корабля маячили у самой

кромки горизонта, а из-за скалистого мыса выходил третий. Андрей подумал, что если бы у него был бинокль, то он смог бы разглядеть матросов, а так... Незаметно село солнце, и только узенькая багровая полоска ещё тлела над морским изломом, подсвечивая горизонт. Тьма всё больше накрывала пространство, и уже в море засверкали огни кораблей, дополняя небесную россыпь. Маяк, как пропеллер, красным и белым лучом резал сумрак надвигающейся ночи... Андрей нехотя встал – надо было идти домой: «Мама, наверное, меня уже искала...»

Каменистая прибрежная полоса утопала во тьме, и только свет дорожных фонарей обозначал детали кустов, камней и неровности грунта. Спотыкаясь о камни и попадая в расщелины, мальчик направился к дороге, опустевшей от машин, он торопился. На всякий случай быстро перебежав дорогу, поспешил домой...

Вот и дом. И уже взбегая по лестничным ступеням, Андрей замер и прислушался. Из-под лестницы слышался слабый мяукающий голосок...

Мальчик быстро сбежал вниз и присел.

- Кис-кис... кис-кис... ну где ты? Кис... - из мрака вынырнул пушистый комок. И хрипло:

- мяууу...

Обычный рыжевато-полосатый зверёк, каких пруд пруди.

- Ты один... И тебе скучно... Мявка, хочешь есть? Иди ко мне... - Андрей взял котёнка на руки, - пошли к нам домой, мявка, я тебя покормлю...

С котёнком на руках мальчик вбежал по ступеням на второй этаж. И остолбенел – на галерее стояла мама и смотрела на него...

- Я тебя звала... и хотела идти искать уже. Пошли домой. Котёнок?

- Мам, извини, я заигрался.... А это... Васька... Мож-

но? Он сам меня выбрал.

- Заходи!

Мальчик юркнул в приоткрытую дверь. В прихожей посадил котёнка на пол, присел на корточки и начал развязывать шнурки...

- Опять кошки!

Андрей увидел перед собой ноги в тапочках и, подняв голову, взглянул на отца.

- Пап, можно? Он хороший...

- Нет! Хватит! Кто за ним будет ухаживать? Ты? Или опять я? Нет, нет и нет! Давай, быстренько забирай его отсюда... И... неси... где взял.

- Пусть поест сначала, - вступилась за Андрея мама. – А потом отнесёт...

- Вот отнесёт – тогда и поест! – Отрезал папа и, развернувшись, ушёл в комнату. Давая понять, что решения он своего не изменит и разговор окончен.

Мама вздохнула:

- На, возьми хлеба, дашь ему... там... Иди и побыстрее! Отнесёшь – купаться и спать.

Андрей поднял котёнка, взял хлеб и, не завязывая шнурков, вышел из квартиры. Галерея пуста, улица – тоже. Лампочки галереи тускло светили, из-за чего вокруг было всё оранжевого оттенка, и лишь придорожные фонари изливали яркий, белый свет, освещавший дорогу, кусты, деревья и дома. Мальчик посмотрел на котёнка, которого прижимал к груди. Тот мурлыкал и терся о неё головой. Андрею стало обидно и жалко себя, котёнка... на глазах навернулись слёзы... Он присел возле квартиры, прислонившись спиной к бетонному столбу. Опустил на пол рыжий мяукающий комок. Посмотрел на хлеб в руке. Отломил кусочек и предложил котёнку. Посмотрев, как тот жадно в него вгрызся, отломил ещё... Повертел оставшееся в руке, рассматривая и размышляя: оставить котёнку или.... Голод взял верх над размышлениями, он отломил себе маленький кусочек, потом ещё... Хлеб ока-

зался таким вкусным, что Андрей подумал: он хочет ещё такого же и готов поменять свои любимые печенья на такой же кусочек хлеба.

Шло время. Рыжий Васька свернулся калачиком на коленях и мурлыкал свою кошачью песню. Ноги у мальчика затекли, но он не хотел шевелиться, чтоб не беспокоить Ваську. Обеспокоенная мама выглянула в поисках сына.

- Ты чего здесь сидишь? – с удивлением произнесла она. – Андрей, относ и заходи в дом...

Сын ничего не ответил, лишь упрямо покачав головой.

- Ладно... Пойду поговорю с отцом, – мама вновь закрыла дверь. И через некоторое время, выглянув:

- Нет, дорогой, относ его!

- И долго ты собираешься тут сидеть? – Раздался голос папы. Он вырос за маминой спиной, грозно глядя на сына:

- Ну и чего молчим?

- Я буду за ним ухаживать... можно?

- Нет, нет и нет! Ты так уже говорил, а выгуливал твоего кота я. К тому же скоро ты уедешь на каникулы. И? Нет.

- Тогда я буду здесь... с ним сидеть! – Заупрямился Андрей.

Родители переглянулись. Папа, пожав плечами, сказал сыну:

- Сиди... может, что высидишь, но я не передумаю. И потому лучше иди спать... в дом!

Андрей ничего не ответил. Папа развернулся и ушёл. Мама укоризненно глядела на сына. На его упрямую стриженую голову... Она вышла к нему на галерею, стояла и молчала.

- Ну... может, хватит?! И пошли уже отнесём его вместе?

- Не дам, – и Андрей крепче прижал к себе по-прежнему мурлыкающего и ничего не подозревающего рыже-

го Ваську.

Мама, вздохнув, погладила сына по голове и зашла в квартиру. Мальчик и котёнок остались одни. Слезы наворачивались на глаза, но Андрей крепился, не давая им катиться неудержимым потоком. Но одна всё же упала на рыжую шерстку. Андрей прикрыл её рукой, будто стыдясь своей слабости. Рыжий Васька потянулся, зевнул и, посмотрев на Андрея, вновь свернулся и замурлыкал. Тепло рыжего товарища по несчастью и его мурлыканье убаюкали и Андрея.

- Эй... Э-эй! Андрейка! Спишь, что ли? Ты чего здесь сидишь? А? Случилось что?

Андрей открыл глаза и непонимающим взглядом уставился на человека, его разбудившего.

- А... Марат... - протянул Андрей, - привет!

- Что случилось с тобой?

- Папа котёнка не разрешает... А он мне нравится...

- Понятно... - протянул Марат. - Как долго сидишь?

- А сколько сейчас?

- Начало двенадцатого...

- Тогда - недолго. Я пришёл, было уже темно... Сидел на скале, смотрел закат... Мы с тобой там были и... твоей невестой – Гульмирой.

- Скажешь тоже... невестой, - хмыкнул Марат.

На голоса выглянула мама:

- Здравствуй, Марат! Ну... тебе ещё не надоело? Нет? Ладно...

И дверь вновь закрылась. Марат оперся о перила руками и, слегка наклонившись, смотрел куда-то на крышу.

- Смотри... Туман ползёт – уже крыши укутал. Завтра море будет холодным.

Андрей встал, потряхивая ногами.

- Что, ноги затекли? Скоро туман расползётся, и по галерее тоже, будет холодно. Шёл бы ты домой, Андрей!

- Марат, а тебе нужен котёнок? Смотри, какой хоро-

шенький...

Марат погладил котёнка на руках у Андрея:

- Нет, брат, извини... Мне некогда следить за ним. Кто бы за мной следил...

- Жаль... - Протянул Андрей, вздыхая.

- Хочешь, принесу печенья? Твои любимые. Будешь? Сейчас...

И Марат зашёл к себе в квартиру. Он был их соседом, жил рядом в такой же двухкомнатной, как у них, но один. Просторно у него...

- На, держи, - протянул Марат мальчику раскрытую пачку печенья. - Жуи! И иди домой. Я тоже пошёл, извини, посидел бы тут с тобой, но хочу спать. Это твоя война, воин. Воюй, если так хочется, а я спать. Пока!

Громко в наступившей тишине щёлкнул замок в двери соседа. Андрей посмотрел вверх. Тянульки тумана ползли по крышам и кронам деревьев, но вниз не спускались. К дому подъехало такси, и из машины вышла пара.

- Пока-пока... до завтра, мииильный! - Поцеловались. Мужчина сел обратно в такси, а её каблучки зацокали по ступеням.

- Пока-пока... мииильный... - передразнил их мальчик. На кухне включился свет. Андрей хотел подойти к окну и взглянуть, кто там, но тихо приоткрылась дверь. И мама шёпотом: «Заходи быстро... Папа уснул».

И на немой вопрос сына:

- Завтра поговорим... с папой. Пошли, хватит уже... Упрямец... Ты кушать будешь? Мыться? Тоже нет?! Ну, ты молодец...

- Я пить хочу!

Мама подождала, пока сын напьётся.

- Иди, постель расстелена. Иди, иди - я выключу свет.

В комнате у детей горела красная лампа-ночник. Кровати их стояли по сторонам окна, а по центру, меж ними, письменный стол с круглым аквариумом. Андрей посадил котёнка на стол, быстро разделся и юркнул в по-

стель, прихватив котёнка. Прижал его к себе, погладил и накрыл с головой простынёй.

- Чтоб папа не ругался, я тебя заберу с собой... на каникулы к бабушке... - сказал шёпотом мальчик.

Рыжий Васька спал на кровати в ногах. Простыня наполовину сползла на пол.

В раскрытое и затянутое сеткой окно бились ночные мотыльки, трепеща мохнатыми крылышками. Молодой тополь за окном шумел кроной, убаюкивая и погружая всё глубже в сон. Мальчику снились солнечные сны, и он улыбался.

ЦВЕТОК ЗАБВЕНИЯ

РАССКАЗ

Посвящается Сергею Брянских

В комнате у окна сидела девушка. В руке она держала книгу, заложив меж страниц свой пальчик и опустив её на колени. Другой рукой она подпирала лицо, обращённое к окну. Черные одежды девушки резко контрастировали с тем тёплым ярким светом, что врывается в окно. За окном - мир, залитый солнечными лучами. Мир суетливый и вопящий – снуют прохожие, бегают дети, проскальзывают машины...

«Сознание того, что чудесное было рядом с нами, приходит слишком поздно...» - подумала девушка, глядя на суету за стенами её дома и, положив книгу на подоконник, принялась читать.

Прошло ещё немного времени, и тишину взорвал пронзительный звук дверного звонка. Девушка от неожиданности вздрогнула и посмотрела на будильник, сто-

ящий на полу у дивана. Стрелки часов показывали ровно двенадцать дня.

«Мастер Леонард», - иронично улыбнулась девушка и пошла открывать дверь. Щёлкнув открывшимся замком, она так же молча развернулась и направилась обратно в комнату.

- Привет, рыжая! Ты что, даже не смотришь, кто к тебе входит?! – удивился вошедший. - А я и так знаю, кто! По тебе же часы можно сверять. Ты у нас - сама пунктуальность, - ответила девушка, не оборачиваясь на голос и идя к своему месту у окна.

- Располагайся! – произнесла рыжеволосая, по-прежнему не глядя на посетителя и уткнулась в книгу.

Старый диван заскрипел под весом молодого человека.

- Что читаешь? Мою книгу?

- Нет. Я читаю не твою книгу, а ту, что ты мне принёс, – опять иронично улыбнулась девушка, удостоив молодого человека взглядом зелёных глаз.

- Ох, Ленка! Люблю, когда ты на меня так смотришь... У тебя такие красивые глаза! Ну и как – нравится?

- Не очень. Это не моё. Не вижу, где здесь твоя «ночная романтика»?!

- Да ладно тебе! Не нравится - не читай... Так что, всё отменяется?

- Нет, не отменяется - давай сходим. Может быть, это меня хоть немного встряхнёт... Но я тебя предупреждаю: я боюсь гулять по ночам... тем более в таком месте.

- Ленка, со мной тебе нечего бояться! Я был там уже много раз и, как видишь, – я в порядке. Ладно, тогда к часу я подскочу к тебе, и пойдём.

- Подскочи... Андрей, кто-то ещё будет?

- Зачем тебе кто-то ещё?! Вдвоём. Ещё раз говорю: со мной тебе нечего бояться! Ладно, я пошёл. Проводишь?

- Сам не сможешь захлопнуть дверь?!

- Как скажешь...

Рыжеволосая Ленка вновь уткнулась в книгу, но ещё

через мгновение захлопнула её. И стала вновь смотреть в окно.

Над зелёной кроной деревьев, над крышами домов в восхитительно голубом небе курчавились белые облака. Пролетевший самолёт оставил в небе размытую тянучку. Несколько голубей поднимались выше и выше, к небу. Лена, задрав голову, вглядывалась в них, пока они не превратились в точки, поглотившиеся голубым простором.

- Салют, камрады! Всё бдите?! Стоите на рубежах родного предприятия? А деньги где? «Бабки» давали сегодня?

В заводскую проходную ввалился сотрудник охраны. С безудержной радостью в голосе, свидетельствующей о том, как ему хорошо сейчас. Его раскрасневшееся лицо светилось восторгом, а ликование клокотало в горле.

- Ну что замерли?! Аль не рады? А я вот видите – рад вас видеть. Даже пришёл раньше!

- Кирилл, ты чего веселишься? Дома не сидится?! - с утрюмостью в голосе произнес Владимир Иванович, начальник нашей охраны, протягивая ему руку и не отрываясь от бумаг на столе.

- Иваныч, ты что – ещё табеля наши не сдал? Теперь понятно, почему ты ещё на работе! Ё-моё, а я думал - «бабки» уже есть...

- Парень, ты в датах не запутался? Сегодня двадцать седьмое! А зарплата когда? С первого по пятое... Ещё вопросы есть?

- Да ладно тебе, Иваныч, не напрягайся ты так – я пошутил! Что вы все такие хмурые, случилось что? – произнес Кирилл, плюхаясь на диван. – Боже, как хорошо здесь, ей богу – как дома! Чаем угостите?

Не дожидаясь ответа, Кирилл поднялся с дивана и подошёл к чайнику, заглянул в него и, убедившись, что с водой порядок, включил. И плюхнулся вновь на диван.

Вольготно развалившись, прислушался к радио.

- Знатная вещь! Серёга, сделай погромче! Иваныч, ты не против? «...В последнюю осень, в последнюю осень. Холодное море, шипя, поглотило осеннее солнце... Уходят в последнюю осень поэты, и их не вернуть – заколочены ставни... В последнюю осень... в последнюю осень...» Да, класс! Ах, Владимир Иванович, милый... налей-ка вина!

Иваныч, полуобернувшись, так же утрюмо, но с искрой любопытства, поверх очков посмотрел на Кирилла. Увидев, как самозабвенно тот отстукивает ритм по спинке дивана, отвернулся – улыбка поползла по лицу Иваныча, и он покачал головой.

Закипел чайник, щёлкнула кнопка питания.

- А вот и чаёк наш! – воскликнул Кирилл, радуясь скорому чаю, будто любимому напитку своему. – Кому чай...

Заверещал телефон. Владимир Иванович поднял трубку:

- Да! Да. Сейчас подойду.

- Так, орлы... Директор вызывает. Пойду на экзекуцию. Из-за вас, олухов.

- А что, директор ещё здесь? – удивился Кирилл. – Время-то - вечер, десятый час! Что ему тут делать?

Владимир Иванович молча вышел.

- Серёга, так что случилось?

- Охрана вчера днём решила вздремнуть – воскресенье, чего опасаться?! А в цех забрались мальчишки, всё там попереворачивали, что-то украли... Когда заметили – было поздно. Вот и... Что ты там ищешь?

Во время разговора Кирилл встал, отодвинул тумбочку от стола и полез рукой за стол, прижатый одним боком к стене.

- Вот она, родная! – произнес Кирилл, извлекая на свет бутылку. – Будешь?

- С ума сошёл?! Хочешь вылететь с работы?

- Не дрейфы! Сто грамм за компанию?

- Уволь, что за удовольствие – не понимаю!

- Ну и ладно... Сядь возле окна – посматривай!

- Фу! Ну и гадость! Тёплая!

Сергей обернулся на горестно сморщившегося Кирилла:

- У тебя-то что случилось? Что, действительно, дома не сидится?! А?

- Да... С женой поругался! Так... ещё одну... О! Потеплело и в желудке и в душе...

Резко открывается дверь и входит Владимир Иванович. Кирилл прячет под форменную куртку цвета хаки запретный плод. Владимир Иванович останавливается, принюхивается и внимательно вглядывается в Кирилла.

- Так, Ефремов, катись-ка ты отсюда, от греха подальше! А то попадёшь мне под горячую руку – жалеть будешь. А она у меня уже горячает!

- Ладно... Иваныч, извини! Ухожу.

- Я завтра с утра тебя проверю. Имей в виду – чтоб трезв был!

- Хорошо, хорошо... Не поминайте, братцы, лихом. А я... Ухожу, ухожу...

Кирилл вышел. Постоял минуту-другую у проходной, в нерешительности выбирая маршрут – короткий или длинный.... И выбрал короткий, пролежавший мимо кладбища.

Абрикосовый закат темным абрисом обозначил дома, укрывшие солнце. В сфере засверкала первая, но ещё тусклая звезда. Где-то далеко смеялись дети, и лаяла собака.

Кирилл шел, слегка покачиваясь, злясь на ветер, вдруг поднявшийся и задувший пылью ему в лицо и, несмотря на заходящее солнце, жаром. Хотелось пить, но он только-только подошёл к кладбищу. Возвращаться назад не хотелось, и Кирилл с надеждой на чудо оглянулся, но идущих сзади не было! Пройдя ещё несколько метров вперёд, он увидел пролом в бетонном кладбищенском заборе.

Перед глазами, как мираж, замаячила пластиковая

бутылка с водой... Видение было так ярко, что Кирилл, не размышляя ни минуты, полез в пролом. Пройдя мимо нескольких могил, он наконец-то увидел искомое.

Могила с большим гранитным камнем и аккуратной скамьей и столом, на котором и возвышалась не то забытая, не то специально оставленная, почти полная, бутылка с водой. Вода была тёплой, но очень хотелось пить. Кирилл и не заметил, как осушил её наполовину. Вздыхнув с облегчением и переведя дух, он обратил внимание на надгробие.

- О, брат! Да мы с тобой, оказывается, душманов вместе гасили, по одним горам лазили... Так, подожди... Сергей Юрьевич, сейчас мы с тобой, по-фронтовому, сто грамм примем. Так, куда бы... Ага, вижу!

Кирилл поднял с земли гранёный стакан, дунул в него и, протерев пальцем, налил немного водки. Посмотрев на бутылку, добавил ещё и поставил стакан на могилу.

- За тебя, за меня... за нас и за всех, кто остался там, и кто был там!

Кирилл отпил из бутылки. Икнул.

- Чёрт возьми, какая тёплая... Обещала вернуться...

Кирилл запил водой. И, облокотившись о стол, вполголоса запел:

В Афганистане
В черном тюльпане,
С водкой в стакане
Мы молча плывем над землей.
Скорбная птица
Через границу,
К русским зарницам...

У Кирилла дрогнул голос, и он замолчал, глядя куда-то в сумеречное пространство поверх надгробий и крестов. И после паузы продолжил:

...несет ребятишек домой.
Когда в оазисы Джелалабада
Свалившись на крыло,
«Тюльпан» наш падал...

У Кирилла опять предательски задрожал голос и он, замолчав, смахнул скупую про-сочившуюся слезу. Отвинтив пробку от бутылки с водкой, сделал несколько глотков и, передёрнув плечами, с грустью глянул на плескавшееся на дне. Вдохнул. Завинтив пробку, поставил бутылку под стол. Глотнув воды, лёг на скамью, глядя в зазвездившееся небо.

Ветер стих. Густой сумрак опустился на землю. Откуда-то издалека доносились шумы машин, голоса людей, сливающиеся в накатывающую волну... Ветер стих, но изредка порывами доносил запахи. Сочный запах полыни перебивал всё...

...Мы проклинали все свою..., - шепотом пел Кирилл:
- ...Опять «бача» подвел потерей роту.
В Шинданде, Кандагаре и Баграме
Опять на душу класть тяжелый камень,
Опять нести на Родину героев,
Которым в двадцать лет могилы роют.
Которым в двадцать лет могилы роют...

Кирилл умолк. Глаза его сомкнулись. Звуки затихли. Но только что петая им песня продолжала звучать в его голове и, как магическая змея, вползала в уснувшую память, нарушая покой столь желанно забытого. Картины минувшего сменяли одна другую, тревожа сознание спящего.

Небесная сфера смещалась, звездные рисунки сменялись... Созвездия, перемигиваясь, поглядывали вниз. На спящего человека, заблудившегося среди мертвых. Звёздным шепотом заговаривая душу, измученную вырвавшимися на свободу воспоминаниями.

Терзаемый виденьями, Кирилл чуть было не упал со скамьи. Еще спящий, сел, облокотившись на стол. Обхватил ладонями голову.

Прохладный, только что задувший ветерок донёс до

сознания Кирилла голоса. Он прислушался.

- Да, ладно тебе, рыжая! Мы только вошли... Я был здесь много раз. Здесь особое ощущение вечности – кажется, будто время остановилось. Тебе понравится. Идём. О, мне нравится, когда ты так ко мне прижимаешься...

- Отстань! Иди рядом...

Кирилл вслушивался. Что за странная парочка! И чего им не сидится дома по ночам? «Я бы, - подумал Кирилл, - отдал полмиллиона тому джину, что доставит меня домой. Если б, конечно, у меня был джин и полмиллиона...». Голова его раскалывалась на части, не хотелось двигаться. Казалось, будто вокруг кружил шаман, стуча в свой шаманский бубен. Упрямо и надоедливо. Кирилл сильнее обхватил руками голову, надеясь, что боль и пульсации уменьшатся. Но боль не проходила, и в висках стучало всё сильнее.

- Ленка, я в который раз тебе говорю: со мной тебе нечего бояться! Я твой рыцарь и защитник...

- Ну да! Я это уже слышала: ты мой «Мастер Леонард»!

- Зачем ты так! Я тебе не проповедую, а расширяю твои горизонты...

Кто-то из странной парочки наступил на деревяшку или кем-то брошенную ветку. Раздался треск сломанного, сухого дерева...

Девушка от неожиданности закричала...

- Стой! Куда ты, дурёха... Нам не туда! Да не бойся ты – я же рядом!

Девушка, с испуга свернувшая с основной дорожки, оказалась недалеко от Кирилла. Он слышал, как учащенно и тяжело она дышит. Ему на мгновение показалось даже, что он слышит, как колотится её сердце. Её силуэт чётко вырисовывался у соседней ограды.

Захрустели шаги по песку и камням. Над девушкой возвысилась фигура мужчины.

- Ну, что ты... успокойся! Всё хорошо! Если хочешь –

пойдём обратно... Честно говоря, ночью я и сам здесь в первый раз...

Кирилл, наблюдавший за парой, увидел, как девушка, отпрыгнув от спутника, стукнула его в грудь.

- Ах, ты... «Со мной тебе нечего бояться, со мной тебе нечего бояться...» Андрей, как ты мог...

Раздались всхлипывания. Кирилл нечаянно задел ногой бутылку под столом, и она упала, звякнув о камни.

- Ой, что это... Ты слышал?

Кирилл заметил, как девушка прижалась к парню, ища защиты от пугающего её звука. Уставший от неподвижного сиденья, он потянулся занемевшими руками, расправляя плечи. Пластиковая бутылка с водой, стоявшая на столе, опрокинулась и с глухим звуком упав, покатилась.

- Мамочки!

Кирилл, почувствовал, как в воздухе повисло ужасной силы напряжение. Он кожей чувствовал, как у молодых людей вибрировала от напряжения каждая клеточка их организма. От них повеяло ужасом. Кирилл, подумавший было встать, замер от пришедшей в голову мысли...

Кирилл издал долгий, протяжный звук: шш-шш-ш-ш... И с громким криком: ааа-аа-а... подпрыгнул высоко в воздух, размахивая руками...

Девушка, не издав ни звука, рухнула на землю. Её спутник будто растаял в воздухе и, только издав издав донёсся топот удаляющихся ног. И... всё. Повисла тишина.

- Девушка-а... - позвал почему-то шепотом Кирилл, - Вы меня слышите? Не бой-тесь! Я человек...

Кирилл прислушался: ни движения, ни вдоха. Его охватило беспокойство: «Вдруг у неё разрыв сердца?!». Он подбежал к девушке, опустился на колени и приложил голову к её груди.

- Дышит!

Метнулся за бутылкой с водой. Кое-как, чертыхаясь, нашёл её в темноте. И обратно... Побрызгал, полил, растёр мокрыми руками лицо девушки. Она шевельну-

ла рукой, открыла глаза. Попыталась отодвинуться, но уперлась спиной в ограду могилы.

- Не бойся! Я не хотел...

- Кто Вы? - ничего не понимающим голосом произнесла девушка.

- Тот, кто вас напугал. Я, извините, спал здесь... Дурацкая мысль... Я не хотел, чтоб так...

Девушка попыталась встать, но закачавшись – села.

- Голова кружится... Это... у Вас вода?

Она протянула руку и взяла бутылку из рук растерянного Кирилла. Сделав несколько глотков, спросила:

- Где Андрей?

- Это тот, кто был с Вами? Убежал. Наверное, теперь где-нибудь за забором переживает.

- Надо же... «Со мной тебе нечего бояться...» «Мастер Леонард»... Боже, как сердце-то болит...

- Извините...

- Проехали... А Вы здесь что делали? Тоже за вдохновением пришли? Будет теперь у меня вдохновение...

- Нет. Просто спал. Хотел пить, вот и забрёл сюда. Потом разморило... Давайте я помогу Вам встать.

Кирилл помог девушке встать.

- Ну, как Вы? Уже лучше?

- Спасибо, Вашими заботами...

- Не корите – я уже тысячу раз пожалел. Я – Кирилл...

- Лена.

- Лена, Вы сказали про вдохновение... Вы что, его ищите на кладбище?

- Мой друг... лгун который... сказал, что он здесь многократно бывал и что это стимулировало его творчество. Он музыкант. Я поддалась на уговоры и решила попробовать... Я пишу рассказы и стихи.

- Приятно удивлён... Вы называли его – Мастер Леонард, почему?

- А... это из-за книги, которую он мне дал и которой он так восхищается... Ему греются стадионы поклонников... на его концертах... Ну и, конечно, что он Кумир!

- Мастер Леонард?

- В книге есть персонаж с такой же потребностью и он – Мастер Леонард.

- И тогда – о чём книга?

Кирилл с Леной подошли к пролому в заборе. Кирилл прошёл сам и помог Лене.

- Вашего друга здесь не видно!

- Неважно! Эта книга о... своеобразной смеси смерти, секса, агрессии и религиозных чувств и чудачеств. Чёрная месса...

- Расскажи?! Чёрная месса... интересное сочетание... Негритянская церковь?! Шучу! Рассказывай.

- В общем... Чёрная месса – это служение Богу Тьмы. Стихия смерти там задана самим местом проведения этих церемоний - это кладбища с разрытыми могилами и гробами. Ритуалы включают в себя дефлорацию девственниц, принесение в жертву животных или младенцев, совокупления в могилах и гробах или в неостывших еще внутренностях жертвенных животных. Дьявольский пир, в меню которого входят экскременты, менструальная кровь и разрезанные зародыши. Царит атмосфера странного религиозного ритуала жуткой силы, атмосфера служения Богу Тьмы. Книга о Вальпургиевой ночи, или Шабаше ведьм... Описываются сцены ведьмовского Шабаша с традиционными средствами магического полета - ведьмы верхом на черных козлах, боровах и метлах... Глава шабаша - дьявол в образе огромного черного козла по имени Мастер Леонард. И так далее. Мне не хочется говорить об этом, особенно сейчас. Если интересно, могу дать почитать...

- О, нет – увольте меня от этой ереси! У меня свой Шабаш – сорокаградусный.

- Мне кажется - этим не стоит увлекаться!

- Мне тоже... но иначе никак. Как сказал один мудрейший из мудрейших: «Забвение - цветок, лучше всего произрастающий на могилах». А мне необходимо это самое - забвение... Сознания, конечно! Жизнь я люблю...

Смотри, какая красота.

Кирилл запрокинул голову и, глядя в звёздное небо, раскинул руки.

- Эх! Улететь бы... туда... в просторы... Душно здесь!

И после паузы:

- Пойдем, провожу до дома... милая леди.

- Душно? Но ветерок-то прохладный! Свежий...

- Да, нет! Не здесь и сейчас! А на Земле душно.

ПОСЛЕДНИЙ ШТОРМ

РАССКАЗ

*Посвящается моим друзьям -
Шамилю Байрамову и Сергею Агапитову.*

Начало месяца выдалось сумрачным и дождливым. Вода заливала дороги, разливаясь огромными лужами. В лужах глохли старенькие «жигули» и «опели». Водители, потеряв надежду завести заглохшие машины, засучивали штанины и, неся обувь перед собой, стремились выбраться из омута дождя и брызг проезжающих авто. Улицы пустели. Первые вороны, прилетевшие на зимовку, чёрными кляксами виднелись среди ветвей. Сидели, мокрые и насупившиеся, в полном молчании, лишь изредка нарушаемом скандальными собратями. Небо, укрытое тёмно-серым ковром, иногда озарялось далёкими всполохами молний.

Горизонт скрыт пеленой. Тяжёлыми свинцовыми волнами море накатывало на берег, гулко ударяясь о камни и взлетая фонтанами брызг к небу. Пернатые демоны скользили в струях ветра, вплетая в прибой свой неистовый хохот.

Вечность укутала морское пространство, вылизывая волной камни и скалы, будто пытаясь вырваться из зато-

ченья, из ловушки, и растечься, поглотив время, обосновавшееся на скалистой земле.

Наступило утро, первое утро, когда солнце, пробиваясь сквозь разрывы туч, позолотило землю. Первое, после нескольких пасмурных. Первое утро, когда солнце отразилось в стёклах окон, задрожало, переливаясь в лужах. Утро, вновь наполненное радостным воробьиным чириканьем.

Как прекрасен запах кофе утром! Шамиль блаженно потянулся в постели, мышцы после вчерашней тренировки слегка постанывали, но запах кофе... Не хотелось открывать глаза.

Утреннее солнце, пробиваясь сквозь ветви деревьев и колышущуюся занавесь, яркими вспышками солнечных зайчиков липло на веки. Шамиль сел на постели и, не открывая глаз, повернул голову на запах. Вздрагивающими от удовольствия ноздрями втянул воздух, упиваясь ярким ароматом свежеприготовленного кофе. Запах манил.

Шамиль, не открывая глаз, ногами нащарил возле кровати тапочки. Найдя первый, надел его. Второй не попадался. С усилием приоткрыл левый глаз, наклонился и посмотрел под ноги. Не увидев искомое, встал и в одном тапочке вышел из комнаты. Сонно прошлёпал на кухню.

Жена стояла спиной к нему, нарезала хлеб, делая бутерброды.

- Ну что, проснулся? Будешь завтракать?

- Да, буду... Но пойду для начала в душ - смою сон, тренировку, а заодно и ночной кошмар...

- Что за кошмар, что снилось-то?

- Снился вчерашний кошмар, то есть - пожар - состав, порожняк с цистернами после нефти, но могло ухнуть так, что «мама не горюй»...

Последние слова Шамиль произносил из ванной ком-

наты. Включив душ, он подставил мускулистое тело атлета под холодные струи воды.

- Ах, какое блаженство, ах, какое блаженство, знать, что ты само совершенство, знать, что ты идеал, - выйдя из ванной комнаты, напевал Шамиль. Обнял жену. - Мэри, леди Мэри, Мэри...

- Перебрал ты слова, Шама, ну да ладно, принято... Что подлизываешься с утра, а? Что задумал?

- Понимаешь, леди Мэри, у Алтая день рождения сегодня. Весь коллектив с его работы, ну и мы, его друзья, собираемся в кафешке, порадоваться за нашего повзрослевшего друга, ну и за нас, конечно. Наша дружба и опасна, и трудна, и на первый взгляд, как будто не видна, но дружим мы с детства...

- Знаю, знаю, можешь не продолжать. Ты же обещал Русику пойти на рыбалку.

- Ну, забыл я, забыл, что у Алтая день рождения сегодня, вот и пообещал. Рыбалку можно перенести на другой день, а день рождения то-о-олько раз в га-а-аду...

- Певучий ты наш. А что, жён не приглашают на ваш коллективный праздник? Это что, мальчишник? И во сколько вечером?

- Нет, днём. Без жён. В два часа. А сейчас мне на работу, на собрание надо заскочить, а уже оттуда в кафешку на днюху... Без обид, хорошо?

- Хорошо, да ничего хорошего, но что я сделаю? Иди. Позавтракай только.

Шамиль посмотрел на часы. Да, времени ещё целый вагон и тележка - можно спокойно позавтракать.

- Чем меня кормить будешь?

- Выбирай. Хлеб с маслом, хлеб с колбасой, сыр, салат. Могу яичницу пожарить.

- Не-е-е, яичницу не надо, с утра не полезет. Давай салат, кофе и... хлеб с колбасой.

Пока жена накрывала на стол, Шамиль вышел на лод-

жую, посмотрел на небо, на море... Горизонт был чист, лишь море ещё не совсем успокоилось, и был слышен рокот волн, накатывающихся на прибрежные скалы. «Эх, сейчас бы искупаться. Может, море ещё тёплое. Осень только началась, а лето ещё далеко...», - думал Шамиль. Потом он зашёл на кухню, сел за стол и начал с салата, быстро расправившись с ним, посмотрел на налитый кофе и нарезанные хлеб с колбасой. «Обойдусь парой глотков кофе», - решил он.

- Маша, я всё. Собираюсь.

Ответа не последовало. Зайдя в одну комнату, в которую, и не найдя жены, пожал плечами и пошёл переодеваться. Шамиль уже стоял в прихожей, готовый выйти, когда в квартиру из подъезда вошла Маша.

- Всё, собрался?! Я к соседке ходила. Ладно, Шама, не засиживайся там с друзьями и не увлекайся празднованием. Мы тебя дома ждём, может, вечером прогуляемся у моря?

- Договорились. Ну всё, пока. Я ушёл.

И Шамиль вышел из квартиры. За ним щёлкнул замок закрывшейся двери. Подъезд гулким эхом обозначил шаги быстро спускающегося человека.

Выйдя из подъезда, Шамиль решил прогуляться пешком, времени ещё было достаточно. Их пятиэтажка находилась у подножья скалистого холма, и Шамилю надо было подниматься наверх или же пройти вдоль побережья, а уже затем выйти наверх, к микрорайонам, раскинувшимся на скалистом известняковом возвышении, а там, углубившись в старый двухэтажный район, попасть на собрание пожарной части, где он, молодой лейтенант, служил начальником караула.

Выйдя из своего микрорайона к морю, к дороге, идущей вдоль берега, Шамиль пересёк тротуар и её. Пройдя по ракушкам, скрипящим под ногами, по каменистому берегу, он его оглядел. Гуляющих было мало, в основном бежали дети, да несколько собаководов выгуливали сво-

их питомцев. Тут надо быть осторожным - того и гляди нарвёшься на результат такого выгула... Он выбрал камень, с которого было удобно добраться рукой до воды. Переждав накат волны, Шамиль присел и опустил руку в море. Вода была прохладной, но летом бывала и холоднее. Надо будет сегодня искупаться, решил он. Море явно успокаивалось, ветер дул с юга не сильно и порывами, волны уже не рокотали, а лишь шуршали по камням и ракушкам, иногда хлюпая, перекатываясь через низкие камни. Шамиль прошёл в обратном направлении, пересекая берег, дорогу и вышел на тротуар. Тротуар, по сравнению с берегом, был пуст - по обе стороны его шли редкие прохожие и мимо проскочил мальчишка на велосипеде. Шамиль уже подходил к концу микрорайона, к тому месту, где его острый выступ обозначала дорога к морю от верхних микрорайонов, когда увидел знакомую долговязую фигуру. Навстречу ему шёл длинноволосый, улыбающийся парень в очках.

- А, мой друг - художник и поэт! Куда бродил? -

Воскликнул Шамиль, здороваясь с длинноволосым парнем и крепко пожимая ему руку.

- Шама! Осторожней, руку мне хочешь сломать? Чем я буду тогда рисовать? Привет. А ты куда собрался пешим?

- Настоящий творческий человек может рисовать даже ногами, так что не переживай. Иду на собрание в часть. Ты случаем в море не купался в эти дни? Как водичка?

- Какое море, Шама, начало октября - холодрыга...

- Разве? Я только что потрогал водичку - класс! Тёплая.

- Ну, это тебе. Я же, как ты, не ныряю в холодное море после сауны.

- Закаляться надо, мой друг, закаляться, и в спортзал ходить тоже.

Шамиль посмотрел на наручные часы.

- Всё, я пошёл. Пока.

Они пожали друг другу руки, и каждый пошёл в свою сторону, своей дорогой.

По пешеходному переходу Шамиль перешёл дорогу и решил через четырнадцатый микрорайон подняться наверх, мимо университета к Площади Согласия, Ынтымак, а там, пройдя через Ботанический сад, спуститься в старый район города. Уже идя по площади, он встретил своих двух сослуживцев и они, вместе пройдя через Ботанику и микрорайоны, лежащие на пути, пришли в часть на собрание. Собрание ещё не началось, в курилке, возле части, сидели и дымили несколько человек, развлекающая друг друга смешными историями и анекдотами, от чего они хохотом перекрывали шум проезжающего мимо транспорта. Пожарная часть расположилась у основной дороги нижних старых микрорайонов, и по ней курсировали маршрутки, автобусы, частный транспорт и грузовой. Только Шамиль с товарищами присел в курилке, как всех попросили пройти на собрание. На собрании, как всегда, проходил рутинный разбор произошедшего за этот месяц. Шамилю и его команде объявили устную благодарность за оперативность в локализации пожара при тушении горящих цистерн состава.

Собрание закончилось, и все потихоньку стали расходиться, вышел на улицу и Шамиль.

- Шамиль, ты домой? -

Окликнул его сослуживец, живущий, как и Шамиль, в пятнадцатом микрорайоне.

- Нет, Володя, я на днюху к другу детства. Посидим немного в кафе, коньячку попьем...

- А-а-а... Ну, приятного вечера тогда. Давай, хоп!

- Пока.

Шамиль посмотрел на время. На часах тридцать пять минут второго. Надо поторапливаться. Он остановил проезжавшее мимо такси, назвал адрес и, получив согласие

водителя, сел в машину. Такси проследовало через два перекрёстка и свернуло с главной дороги на внутримикрорайонную, остановилось возле кафе «Арабика». Расплатившись с таксистом и, так как было ещё рановато, Шамиль присел на скамью перед входом в кафе, в ожидании друзей.

- Шама! Шама! - окликнули Шамиля.

Повернувшись на голос зовущего, он увидел Алтая, выходящего из кафе и идущего к нему.

- Что ты тут расселся? Пошли, мы уже за столиком. Все пришли раньше, тебя только ждали...

Шамиль и Алтай поздоровались и обнялись, как и положено старым друзьям.

- Алтай, поздравляю тебя с днём варенья, а это тебе от нас с Машей.

И Шамиль извлёк из нагрудного кармана конверт с деньгами.

- Ну всё, пошли, пошли... Спасибо. А это было обязательно, - сказал Алтай, указывая на конверт.

Мужчины прошли в зал. Там, за столом, собранным из двух столиков, сидела небольшая компания из восьми человек. Все давние знакомые, родом из босоногого детства. Стол был уже сервирован. Стояли три бутылки коньяка, салаты, хлеб.

- Девушка! – позвал Алтай официантку. – Горячее можно подавать - мы все в сборе.

Через некоторое время принесли картофельное пюре с куриными ножками. Праздник начался. Друзья поздравляли Алтая, говорили тосты в его честь. Вспоминали забавные и не очень случаи из их жизни. Припомнили и противостояние с парнями из соседних микрорайонов. Они были рады собраться за одним столом все вместе и говорили Алтаю, что он молодец, организовав их встречу здесь, в день своего рождения. Но друзьям не нужны поводы, чтобы собираться вместе, можно и нужно без поводов. Все говорили, что рады собираться чаще. Но из восьми человек, сидящих за этим столом, только

двое были неженаты - это Алтай и Сергей. Всех остальных в будни поглощают семейные дела и обязанности и уже в реальности они не могут так часто видаться. Всё когда-то кончается. Ушла их юность, заканчивался и их праздник. Коньяк был выпит, стол опустел, и они стали расходиться. Алтай расплатился по счёту, и они пошли из зала к выходу.

Выйдя из кафе, ребята начали прощаться друг с другом: «Ну, давай, бывай, брат. Держи хвост пистолетом. Держи пять» ... Возле кафе остались трое: именинник Алтай, Шамиль и их общий друг и товарищ Шамиля по спортзалу штангист Сергей.

- Ну, по домам? Я обещал семье прогулку вечером.

Шамиль вопросительно посмотрел на что-то приунывших товарищей.

- Шама, давай я тебя провожу - дома делать нечего, вот и прогуляюсь к морю...

- Хорошо, Серёга, пошли...

- Я с вами, - решил Алтай, - дома я ещё напразднуюсь...

Они неспешно пошли вдоль домов. Несмотря на то, что время было к вечеру, солнце припекало по-летнему, а деревья радовали зелёной кроной, необорванной бушевавшим несколько дней над городом штормом. Шамиль и Сергей, изнывая от жары, сняли с себя куртки и несли их в руках. Парни приковывали к себе взгляды прохожих - два крепких и стройных атлета. Оба - и Шамиль, и Сергей - занимались с юности тяжёлой атлетикой, с той лишь разницей, что у Шамиля мощь была природной, а Сергею, человеку худощавому и малого роста, пришлось использовать ретаболил с метандростенолоном, что не исключало, конечно, изнуряющих тренировок для обоих. Теперь они шли по улицам города и радовали своим видом прохожих. Все мы любим выглядеть стройно, мускулисто, но не все любим заставлять себя работать над своим телом и разумом. Намного проще сетовать на кон-

ституцию и природную лень. Но, как говаривал небезызвестный товарищ Иван Владимирович Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у неё - наша задача», так и здесь - они заслужили это восхищение. Но кроме восхищения они вызывали и улыбки - Штепсель и Тарапунька, рост Сергея был на уровне плеча Шамиля. Лишь Алтай резко контрастировал с ними своей неспортивной фигурой - худой и тонкий, он шёл рядом с ними, идущими в футболках, в джемпере, но так как юмор никогда его не покидал, то он не комплексовал из-за своей неспортивности. Пройдя четырнадцатый микрорайон, они спустились в пятнадцатый и, уже идя по тротуару к дому Шамиля, остановились возле киоска.

- Ну что, по пивку?

- А давай!

Они взяли по банке пива и пошли к берегу, посидеть у моря на камнях, понежиться в лучах солнца.

- Уф, ну и жарница сегодня, последние тёплые деньки! А там вновь - серое небо, серые дома и свинцовое море... Зимой, когда нет снега, и не смотрю телек, мне кажется, что мир чёрно-белый, или у меня проблемы со зрением.

- Ха-ха! Ну и выдумщик ты, Серёга.

- А что, Шама, разве я неправ? Асфальт серый, дома железобетонные или из ракушечника, тоже серые, а если небо затянуто тучами, а оно у нас всегда зимой ими затянуто, то весь город серый и сумрачный. У нас даже земля серая!

- Да, а у нас друг Серый, - засмеялся Шамиль, - везёт нам на серое. Ну а пока небо голубое, а море зелёное и солнце припекает, может, окунёмся?

- Шама, море ещё штормит, лучше завтра, если день будет таким же жарким.

- Вот именно - если будет таким же... А если не будет, то будем жалеть, что не искупались. Да и вокруг ни души, значит, никто нас не осудит.

Вокруг действительно ни души. Вырвавшиеся после многодневных дождей и шторма на прогулку люди, на-

гулялись и разбрелись. Собачники же ещё не вышли на вечерний променаж.

Шамиль начал раздеваться, Алтай тоже решил не отставать от друзей и искупаться.

- А, давай! - Сергей, разгорячённый жарой и выпитым, быстро разделся и нырнул в накатившую на камни волну, ласточкой уйдя под воду. Мутная вода после шторма скрыла его. Шамиль с Алтаем стояли на камне у кромки воды и смотрели на бликующую воду, где вынырнет их друг. Искрящиеся блики затрудняли видимость. Сергей всё не показывался. Ребят охватило беспокойство.

- Вон он. - Воскликнул Алтай, показывая на воду левее от их камня.

- Где? Нет, это камень маячит над водой. Смотри внимательней. Мне это не нравится.

И Шамиль, решив не нырять, опустился с камня в воду и, отплыв на некоторое расстояние, нырнул, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь под водой. Но тщетно. Мутная взвесь, поднятая со дна, затрудняла видимость, а тут ещё и накатывающие волны стремились увлечь пловца за собой в море.

Шамиль крикнул Алтаю:

- Видишь что-нибудь? Куда ты лезешь? Не спускайся в воду - тяжело плавать. Я сам найду его.

Но Алтай, не слушая, нырнул и, вынырнув, поплыл в сторону Шамяля.

- Блин... Холодная всё-таки вода...

- Я же тебе сказал: не лезь! Спасатель... Как бы тебя самого спасти не пришлось.

Шамиль и Алтай погружались в муть морской воды вновь и вновь, пока совсем не выбились из сил.

- Всё, плывём к берегу. Так мы его не найдём. Надо вызывать спасателей.

Уже из последних сил они поплыли к берегу. Но переменивший направление ветер усилил волну и мешал им. Наконец-то удалось подплыть к камням, и Шамиль, подсадив друга, помог Алтаю взобраться на камень. Ша-

миль пытался улучшить момент и уцепиться за какой-нибудь выступ камня, как вдруг сильной волной смыло с камня Алтая, не полностью выбравшегося из воды. Его голова скрылась под водой. Но он тут же вынырнул, откашливая воду.

- Блин, Шама, я воды наглотался.

- Давай, плыви сюда... Давай сюда, я тебе сказал!

Но Алтаю уже не хватало сил преодолеть напор волн. Шамиль поплыл к нему.

- Хватайся за моё плечо, хватайся! Гребь одной рукой, - кричал Шамиль Алтаю, периодически отплёвывая воду.

Кто-то на берегу увидел их ситуацию, и там уже бегали люди. Им начали бросать верёвку с привязанной к концу пластиковой бутылкой.

- Мы вас вытащим. Хватайтесь.

Раз за разом верёвка или не долетала до друзей, сдуваемая ветром, или их самих сносило волной от камней. У Шамиля мелькнула мысль: «Вот так нелепо может всё закончиться. А как же дети, жена...» В этот момент верёвка с бутылкой упала возле них. Шамиль из последних сил подтолкнул Алтая к ней. Алтай ухватился одной рукой за бутылку, вторую протянул другу, но тут их обоих подняло на вздыбившейся воде и разнесло в разные стороны. Он видел, как Алтая вытягивали на берег. Самого же его увлекало волной в сторону от камня с людьми, он вновь и вновь грёб, пытаясь добраться до ближайших камней. Берег маячил в волнах. От невероятных физических усилий бухало в голове, как кувалдой... Шамиль видел, как по камням в его сторону бегут люди, их голоса приглушал ветер, и не было слышно, что они кричали ему. «Я смогу, я смогу, ещё немного, и я выберусь», - успокаивал себя Шамиль. Но тут его накрыло тёмной массой воды. Вокруг только пузырящаяся мутная вода да гулкий шум от шторма. Он пытался грести к поверхности, но отливная вода его утягивала всё дальше и глубже. Ему не хватало воздуха. Лёгкие вот-вот взорвутся... Рефлек-

торное желание вдохнуть спасительного воздуха, сделать хоть маленький глоток, в такой момент сильней разума. Сведённые от усилия челюсти разомкнулись и тело, рефлексировав, глотнуло... Вода рванулась в лёгкие... Сознание померкло...

- Ну, когда папа придёт? Долго ещё ждать? Может, я пойду, погуляю сама?

- Подожди, Диана, подожди. Скоро уже... Русик, мне соседка сказала, что папу видели на берегу с друзьями. Сходи, сынок, поторопи его.

- Хорошо.

И Руслан, быстро надев кеды, выбежал на улицу, пройдя вдоль домов к морю, он перебежал дорогу и, прыгая по камням, вышел на берег. Взобравшись на высокий камень, посмотрел по сторонам. Папы нигде не было видно, и лишь в конце микрорайона маячила какая-то толпа. Руслан пошёл в ту сторону, надеясь найти там, среди людей, и отца. Уже подходя ближе, он понял, что там что-то случилось. На обочине дороги стояли две машины, одна «скорая помощь», другая - полиция. Руслан подошёл к толпе на берегу, протиснулся сквозь неё и увидел тело большого человека, укрытое тканью. Мальчика сковал ужас происходящего, но его что-то влекло вперёд, и он сделал шаг в направлении тела. Мальчика остановила рука полицейского.

- Сюда нельзя. Уходи.

- Я папу ищу... Кто это?

- Пошли... - Полицейский подвёл ребёнка к телу человека и приподнял ткань, укрывающую лицо.

В этот миг в голове ребёнка взорвался хрустальный шар на миллионы осколков и искр. Мир, только что казавшийся целым и прекрасным, взорвался и рассыпался, отдаваясь эхом в безмолвной пустоте... Мальчик сел и заплакал.

ШУТНИКИ

РАССКАЗ

Эх, братцы, были ведь весёлые времена! Не вините старика за ностальгию по недавнему прошлому! То недавнее прошлое и есть моя родина. Жили мы, ей богу, тогда дружней.... Не было дня, чтоб прошёл он без шутки. Конечно, нынешние времена – это, как земля и небо, с теми днями. Зарплату нам давали вовремя. Сейчас это кажется чудом, особенно когда подумаешь об этих бедолагах. Шутка ли, по несколько месяцев не видеть денег! А как же малые дети у них?! Все стали злыми. Будешь умирать у них под ногами – не помогут, пройдут мимо, будто тебя и нет. Будто ты пустое место.... Может оно и верно: для них я пустое место! Что со старика взять, уже всё взяли, что могли. Денег на мне не сделаешь! Смотрят теперь на тебя и оценивают, сколько ты стоишь – доллар или цент. Твоя душа и ты сам - никому не нужны. Какие-то бездушные... как это... вот! - зомби! Ну да ладно о грустном....

На каждом заводе тогда были один-два откровенных шутника, которые если над кем шутки свои не шутили, то это были отвратительные люди.... Ну очень пакостные, с которыми лучше не связываться! Пакостных людей память не сохранила, а этих шутников как сейчас помню: это Константиныч, Золотой, потому что Золотарёв, и Ванька, не помню фамилию, все его звали Ванькой. Ну, отпетые шутники, скажу я вам! В общем, порывшись в своем чердаке, извлёк я оттуда историю...

В те времена всем давали землю, то есть - огороды. Выделяли участки в районе заводов. Подводили туда воду, вбивали колышки и вязали цветные тряпочки – метили свои участки, как коты территорию! Кто во что горазд, но дружно и всем заводом, и желательнее в рабочее время.

В обед мы любили собираться, когда - в мастерской, когда - в беседке-курилке, перед цехом, и «резаться» в домино. Так же было и в тот день.

Серёга Носов незадолго до этого дня получил долгожданный участок под огород. Вскопал, разбил его на грядки, ну и, конечно, полил. Для полного счастья не хватало опилок - чтоб земля не сильно пересыхала. На работу, с утра, Сергей принёс чехол от матраса под опилки. Матрац, это, конечно, много для обыкновенного человека, но Серёга - гигант под два метра. Для него это не вес. Получив разрешение взять опилки в столярке и улучив время перед обедом, набил ими матрац. Положил он его, матрац то есть, в беседке-курилке и пошёл на обед, рассчитывая, пообедав, отнести их на огород. В обеденный перерыв в курилке собрались любители «порезаться» в домино. Пришёл туда и Константиныч. Через некоторое время он обратил своё внимание на полосатого монстра.

- Мужики, а это что? Да-а-а? Серёгины опилки? Он сам его сюда припёр? Мощь!

Константиныч скользит взглядом по курилке: где бы присесть! Не найдя места, устраивается на матрац. Через некоторое время мозг Константиныча истосковавшийся от безделья, замечает ведро под столом у игроков и переводит взгляд с ведра на матрац....

- Мужики, ну-ка дайте сюда ведро.

- Что затеял, Константиныч?

Успокаивающий жест Константиныча. И взяв ведро, идёт к поливной трубе, а это метров десять, набирает воды. Берёт матрац и аккуратно вливает в него ведро. Попробовав на вес, довольный встаёт в сторонке. Мужики после минутного молчания продолжили игру. Проходит немного времени, и Константиныч начинает нервничать: Ну, где Серёгу носит?! Константиныч не выдерживает, берёт ведро и повторяет процедуру. С напряжением отрывает матрац от земли. В это время освобождается место среди игроков, и он садится за стол. А Сергея всё нет. Недаром говорят, дурной пример заразителен, один из

наблюдателей игры решает размяться. А почему бы не повторить шутку?! И в матрац вливается ещё одно ведро. Мужики вдвоём приподнимают матрац с опилками и, удовлетворённые результатом, располагаются подальше от него. Вокруг матраца образуется мёртвая зона – никого рядом, но все теснятся возле стола. Наконец-то появляется Сергей. В курилке все замерли. Тишина. Сергей здоровается с теми, кого не видел, взваливает матрац на спину и уходит.... Мужики, раскрыв рты, смотрят вслед: что, смеяться не будем, шутка не удалась?

Сергей, как потом сам и рассказывал, зайдя за угол цеха в изнеможении сваливает матрац на землю, и, вытерев пот со лба, делает жест в сторону курилки: вот вам.... Поймав проезжающую мимо электрокару, грузит свои опилки.

И уже в цехе:

- Константиныч, спасибо за заботу! Ветер поднялся, думал сам их полить, да ты помог. Всё меньше таскать...

Иногда мужики, как дети, – шутки глупейшие, но веселят! Как-то зимой в обеденный перерыв мужики сидели в слесарке и, как всегда, «резались» в домино. Наш новенький слесарь Миша Ключев с обеда пришел с палкой колбасы, приобретённой в буфете. Надо сказать, тогда всё было для рабочего человека, пусть и в малом количестве, а не наоборот, как сейчас, – всё для бизнесменов и бездельников. Были буфеты, где можно попить кофейку и даже, для любителей, молочный коктейль и пирожное. В общем, всё для человека! Так вот, пришёл Миша с палкой колбасы в слесарку, положил её на слесарный стол и стал ковыряться, искать что-то в ящиках стола. Уж не знаю, что там искал Миша, но очень он был поглощен своим поиском. Настолько поглощен, что не заметил, как в слесарку заглянул Ванька. Этот бездельник вечно искал приключений. И находил... Ванька, увидел, что Миша его не замечает, остальные сосредоточены на игре, а тут – колбаса лежит, одна на весь стол. Соблазн! Ванька на цы-

почках, очень осторожно, подкрадывается, протягивает руку, и... колбасы как не бывало!

Миша, найдя предмет своих поисков, встаёт и обнаруживает пропажу колбасы. В сомнении он начинает опять рыться в ящиках стола, но и там её нет. Озадаченно над столом, не вставая, смотрит на мужиков, играющих в домино: кто из них? Опять начинает копаться в столе. Но колбасы – нет! Миша не выдерживает:

- Мужики, отдайте колбасу. Кто взял, верните.

- Какую колбасу, Миша? Видишь – мы делом заняты, - подаёт голос из-за стола Володя Марфин. - Зачем нам твоя колбаса...

- Золотой, ты взял – отдай! - Канючит, не сдаваясь, Миша, - отдай – я домой купил.

- Да пошёл ты к чёрту! Ты видишь, где я сижу? Я в самом углу. Я что, по их головам бегал за твоей колбасой?! А ты её... вообще приносил?! Может, ты её в буфете забыл...

Клюев от такого хамства даже дар речи потерял. Через некоторое время - опять:

- Мужики, отдайте колбасу... Отдайте колбасу...

Мужики повскакивали из-за стола. Какая игра с этим нытиком! И в тот момент, когда всё лезет по слесарке чуть ли на четвереньках, входит Бобриков с колбасой в руке. Все кидаются к Бобрикову, выхватывают у него колбасу и передают Мише: на, свою колбасу – достал ты уже!

- Золотой, ты чего?! Это моя колбаса... Очумели что ли? - Орёт Бобриков, - Клюев, а ну отдай сюда! По-хорошему тебе говорю...

В это время открывается дверь:

- Что за шум – а драки нет! Вы не это ищите...

Стоит Ванька с палкой колбасы в руке, демонстративно держа её перед собой.

А теперь представьте разгорячённых злых людей, гонящихся за Ванькой...

Золотой долго не мог простить испорченной игры и

всей этой свары из-за Ванькиной выходки с колбасой. И стал он искать подходящий момент. Когда что-то долго ищешь, то обязательно находишь! И судьба сделала Золотому такой подарок. Купил Ванька в буфете пару выпотрошенных куриц и положил в холодильник в мастерской. О лучшем случае Золотой и мечтать не мог. Набрал он болтов и гаек посимпатичней, достал из холодильника Ванькиных куриц и давай их нафаршировывать сим «железом». Ванька, как всегда, опаздывая на автобус, в самый последний момент забегает в мастерскую и, не заметив подвоха – берёт пакет и бегом. И уже на следующий день рассказывал: «Прихожу домой – на тебе, дорогая Оленька, курочек! Оставили их размораживаться, сели перекусить. А потом... драма похлеще мексиканского сериала и такая же горячая.

- Ва-ня-я, ты чего принёс? – Истошно закричала Оленька на кухне. – Иди сюда.

А я уже, рассказывает Ваня, лижу на диване, уткнувшись в голубой экран, перевариваю принятую для разминки желудка пищу.... А тут такой вопль! Влетаю на кухню... А там Оля выковыривает болты из курицы и тычет их мне в морду:

- Ты что не видел, что ты брал?! Тебя же обвесили! Да здесь же железяки ваши весят больше, чем сами куры! Забирай и завтра же отнеси в буфет, брось им в наглые рожи...

Я сразу смекнул, чьи это проделки, и давай жену успокаивать, и так, и эдак.... Говорю: это мужики пошутили.... Ни в какую, и всё тут! Чего я только не выслушал.... Потом, когда успокоилась, велела передать вам привет и наилучшие пожелания! Как только дома у нас появятся, сказала она, каждый скалкой получит по бестолковой голове...

Вот такие наши шутники были. Да... любили мужики шутки....

НЕВЕДОМОЕ БЫЛО ВЕЗДЕ

МИНИАТЮРА

Маленький червячок, не зная ни дня, ни ночи, ползал по огромной планете, прячась в опавшей листве, в перегнивших остатках бурной жизни леса. Он не знал ни ночи, ни дня, потому что никогда не покидал безопасные толщи листьев и перегноя, потому что и дом, и пища – едино. А что ещё нужно для счастья маленьких червячков?! Из поколения в поколение протекала их жизнь, стабильная и наделённая своим смыслом, смыслом не понятным, но принятым. Была ли эта жизнь безопасной? О, конечно, нет! Каждый, кому не лень, норовил раскопать и растерзать, а то и просто склевать червячка. Так и проходила их жизнь, полная сумрачных тревог и не менее сумрачных поглощений собственной среды.

Как-то маленький червячок, потеряв бдительность, покинул безопасные пределы своего обиталища и был поражён: нечто светлое ослепило, пронизывая всё его тёмное, землистое существо. Он осознал неведомые ему ощущения, и с тех пор любопытство вело червячка всякий раз к этому неведомому и непознанному миру. Он научился различать качание ветвей деревьев, бегущих и снующих зверей, перелетающих с ветки на ветку птиц. Он наслаждался. И завидовал! Всякий раз, возвращаясь в безопасные и тёмные глубины рода своего, он завидовал существам, населявшим тот, не ведомый ему мир.

И ничто ему больше не доставляло такого удовольствия, как мысли об этом прекрасном и светлом мире. Ползая в толще, оставляя за собой изъеденные туннели, червячок страдал. Всё существование его казалось ничемным, жизнь – бесцельной и пустой. Мрачно переваривая очередные порции продукта, он размышлял о времени, теряющемся в сумрачных глубинах его прошлого. Безрадостного прошлого, не озарённого Прекрасным Светом. Все существо его стремилось к соприкоснове-

нию с новым и неведомым ему, вновь и вновь. Червячок мечтал о новом мире и себе в нём. Он призывал народ, извивающийся в тёмных толщах, пойти и соприкоснуться со Светом. Смельчаки, последовавшие его призыву – не вернулись. И тогда червячок решил, что их мрачному сознанию не дано это соприкосновение. Он отверг свой род, забыл обо всех, кого любил. Он избранный и своим озарённым сознанием принадлежит новому миру. Там он, червячок, будет наслаждаться прекрасным...

Червячок молил пославшего ему Свет о преображении в существо, порхавшее с ветки на ветку, издающее непонятные, но прекрасные звуки. Он был один. И страдал...

Первые, едва пробивающиеся, лучи светила разбудили пернатую стаю. Мир наполнялся щебетанием и трескотнёй. Стайка воробьёв сорвалась с ветвей и лишь один пушистый, серый комочек остался на месте, встревожено озираясь по сторонам. Но через мгновение и он кинулся за своими собратьями...

День, наполненный суетой и страхами, пролетел быстро. Птицы располагались в ветвях, готовясь к сумеркам... Солнце клонилось к горизонту, умирняя суету крылатых. Красно-оранжевые краски, захлестнувшие полнеба, тревожили сознание, будя непонятные воспоминания. Испуганный и растревоженный воробей жался к собратьям, на краю стайки затихающих птиц. Потянулись наполненные однообразием дни. Унылое существование наполнялось мечтами о новом образе, вселявшем страх в птичье сообщество: грозном, парящем в вышине орле. Мольбы были услышаны...

Гортанный крик, ворвавшийся в дремотное, утреннее оцепенение, сорвал остатки сна, сбросив его туманной дымкой в ущелье.

Расправляя и хлопая крыльями, чувствуя свое неве-

роютное могущество, грезил новыми открывшимися его сознанию просторами...

Радость и восторг его были не долгими. Цепь многих преобразований затмила его сущность, бросив в объятия безграничной, но мелкой для него и его разума, вселенной. Вселенной, вобравшей в себя мириады галактик и более мелких вселенных. Вселенной, закованной в скорлупу непознанного.

Одиноким и злой, он метался от одного края скорлупы к другому, в досаде сметая вселенные и галактики. Угрожающей сумрачной тенью он кидался в скопления энергий. И только затухающие всполохи, и меркнувшие искры обозначали его след. Его голос больше не слышим. К его мольбам – глухи. Шло время, и мир, когда-то данный ему, мерк... Редкие скопления едва наполняли мир безумного призрачным, утасоющим светом. Холод и тишина заполняли пространство. В безумии своем, устав метаться, он принимался скрести стенки скорлупы. Мир гас, и силы покидали его. В его сознании отчетливо вспыхивали картины и ощущения прошлого, когда он был не один и слышим. Когда чувства заполняли все его существо... Он с усилием вглядывался в свой умирающий мир и чувства сожаления содрогали его существо. Чувство вины перед теми мелкими и уже не видимыми ему существами обостряли его тоску. Он грезил запахами, он вспоминал ветер, он помнил прикосновения и те, неожиданные, восторги и умиления миром. Миром, который он покинул...

Повинуясь единственно оставшейся страсти, погоне за сокрытым, он сотрясал стены скорлупы, рвал ее и корябал. И уже почти лишившись последних сил, он заметил струйку света, пробивавшуюся в треснувшей скорлупе. Теряя остатки разума, он расковыривал разлом... хлынул свет, обжигая сознание: там было неведомое...

Неведомое было везде.

ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ

МИНИАТЮРА

Наступило утро.

Первые тени, длинные, извиваясь, ползут от надвигающегося светила, будто торопясь скрыться в шелестящих водах сонного моря...

Мир наполняется звуками, минуту назад дремавшими. Мир вздрагивает и просыпается. Еще день. Новый день. Шелест, шепот, скрип заполняют пространство, как змеи раскручиваясь и выползая из ночных нор. Утро, радостно потягиваясь и встряхиваясь, переливается всеми цветами радуги, изливаясь красками импрессионизма, бросает вызов буднично озабоченному дню. Краткий миг между ночным ожиданием и суетой дня, миг, наполненный радостным восторгом пробуждения и надеждами нового. Миг юности, не верящий, что всё яркое затирается занудством дня, как свежеотчеканенная монета затирается миллионами рук, превращаясь в банальный кружок металла.

Розово-желтые оттенки меркнут. Всё вокруг приобретает выцветший и блеклый цвет: море - мгновенье, назад игравшее всеми оттенками зелени, преобразается в грязное и серое; небо - потеряв свою бездонность, уплощается до листа, раскрашенного акварелью, с едва прописанным огрызком Луны; воздух - потеряв свою свежесть, кричит «шанелями» и «диорами», пудрой и кашлем выхлопных труб. Мир вопит надеждами, рвущимися в Начало. Еще один день - день борьбы. Он расправляет плечи, убирая пестроту утра и остужая восторг, грозя столкновением с претензией ближнего на место под поднимающимся всё выше и выше светилом...

Я принял решение, но и решение не избавляет от необходимости бороться. Бессонная ночь, измотав, не ослабила желания. Тесен круг и плотны звенья. Цепь,

кованная не нами, но из нас, ползет из бесконечности в бесконечность, как швартовые укрытого корабля висят над нечем, связывая в целое то, что цело своей целостностью и разноразностью. Туман и вечность скрадывают противоречия. Любовь и ненависть выгорают как дневное солнце, превращаясь в равенство уравнений и выверенных слов. Утренние слова, порхавшие бабочками, оседают, теряя теплоту и доверительность. И только звенья, лишённые своих особенностей, становятся единым целым - цепью. Цепью из бесконечности в бесконечность, где миг как вечность и вечность – миг, где вскрик не слышен и протяжён, где время воеет вьюгой.

Бешено вращаются плицы парохода, загребая воздух и воду - одна, вторая, третья: вращение превращает их в колесо, мчащееся в неизведанное. Ещё один день, вторгающийся в Свята Святых моей души и требующий беспристрастности. Липкий воздух, обволакивающий меня, не питает легкие. Ветер, поднимая пыль, осыпает её тело, которое цветом становится похоже на лежащие вокруг валуны.

Я взираю в начало нового дня, они - в начало, написанное по старому сценарию. Ещё один день, как близнец тысячи ему подобных, ушедших или ждущих своей очереди. Ожидание из коктейля Веры и Надежды. Веры в чудо, которое вымерло ещё до моего рождения. Надежды - что всё ещё обойдется, что «Книга Жизни», не прочитанная мною до конца, ещё сулит мне прекрасные и светлые дни. Но Надежда зыбка, как зыбок песок у меня под ногами. Ещё один день...

ЛИЛОВЫЕ СУМЕРКИ

МИНИАТЮРА

Сумерки опускаются на землю. Приглушаются краски, умиряются звуки. Лиловые сумерки расползаются по городу, обтекая фонари и залитые разноцветными огнями витрины, расступаясь перед скользящими машинами и поглощая всё неяркое, не противостоящее. Мир, ещё мгновенья назад игравший красками, меркнет, теряя динамику, уступая место умиротворению и чувственному.

Лиловые сумерки щупальцами монстра вкрадываются в сознание, принуждая слышать забытое. В лиловой тишине обостряется ощущение собственного «Я». Ощущение песчинки, одной из многих и многих, забытой и поглощённой суетой, преобразуется в диалог песчинки с россыпью звёзд и тем, кого они представляют, испуская на Землю свет. Вглядываясь в звёздное небо, теряемся и замираем... Минуты плавно перетекают в миллиарды световых лет. Соприкосновение с Вечностью пугает, наполняя душу трепетом и надеждой...

Жизнь быстротечна и время неуловимо... За банальностью фраз ощущение уходящего времени и целого пласта жизни с совокупностью настроений и взаимоотношений, со сменой концепций и здоровья. Юношеский оптимизм сменяется спокойствием и размеренностью, пониманием: былое неповторимо и жизнь воспринимается без прикрас. И только в глубинах души ещё тлеет уголёк надежды и мечтаний, тлеет юношеское рвение и бесшабашность. Пока мы живы, ничто не потеряно – всё с нами и в нас.

Пожалуй, самое ужасное в жизни - это пустота. Пустота, которая образуется вокруг твоей личности. И пока смотришь на мир сквозь щелки глаз - еще терпимо, обидно, но терпимо. Но стоит взглянуть на себя и мир со стороны, подняться над обществом и самим собой - над тривиальным и мелким, обыденным, лишь только на миг

соприкоснуться с бездной, как охватывает безумная тоска - мир пуст, и каждый одинок. Не одиноки лишь не знающие этого. Самые счастливые дети – они этого не знают! О, как не хватает одной единственной мелодии, необходимой нашему сердцу и душе, как ждем мы ее, вслушиваемся... Нам говорят, нам пишут много прекрасных слов, но они пусты, если нет чувства и искренности - слова не звучат прекрасной музыкой для сердца, а лишь обыденным ритуалом. Никогда “много” не станет прекрасным...

Лиловые сумерки покрывают все пути, и хорошо, если после ночи, идущей вслед за сумерками, наступает рассвет. Рассвет, радующий своими первыми лучами, ярким золотистым светом, дающим надежду освобожденному и успокоенному за ночь сознанию. Рассвет - наше

спасение и радость. Испуганный сумеречным озарением мозг ищет утешение и надежду в привычном и ярком. Выплывающий шар солнца встречается как надежда на новый день. Рассвет и утро - надежда нового дня, надежда на новое и прекрасное в жизни... Течение времени от будущего к прошлому, к сумеркам - воспоминанию и к ностальгии по ушедшему, настоящему дню.

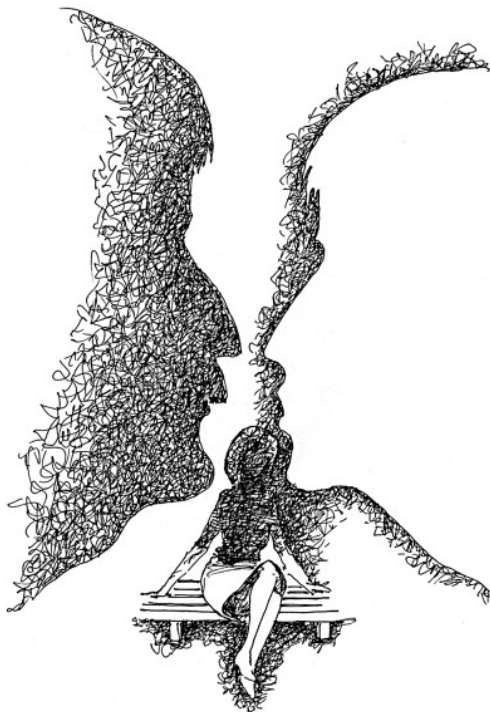
Надежды, разбуженные рассветом, погаснут во взошедшем солнце, испепеляющим реальностью, наполняющим мир шорохом и треском, заглушающим спокойную созерцательность суетой и проблемами. День - наше настоящее, при всей своей длительности, проскальзывает едва заметной тенью, ложащейся на лицо. Так, тень за тенью, проходит жизнь, так, час за часом, уходит день, заполненный суетой и беспокойством. Мы можем оглянуться, но не можем остановиться. Мы - птицы, летающие над пропастью от одного края к другому. Только сумерки, вместе с затихающим миром, освобожденным от кричащего солнца, приносят успокоение и возможность оглянуться на прожитый кусок жизни. И при всей неустойчивости и мимолетности сумерек перед нами проносится спрессованное время, избавленное от шелухи суетной. Спрессованное время стремительной рекой захватывает нас и несет по своим водам вдоль берегов, заставляя переживать прожитое и пережитое. Сумерки скрадывают полутона и оттенки, растворяют тени, деля мир на светлое и темное, раскрывают пустоты наступающей ночи, впитывающей в себя наши беспокойства. Ночь, вползающая и обволакивающая, заполняет мир звуками, едва слышимыми, будто из глубин скрывающегося меж звезд пространства, неизвестно что нам сулящего, неизвестно чем пугающего и вытягивающего из нас душу на терапию пустотой и вечностью:

...Там, на точках напряжений - на пути меридианов

Наша жизнь в слепом кружении дисков, кругов, ба-
рабанов...

Лиловые сумерки покрывалом опадают на землю, об-

нажая звезды и делая короче наши связи “с тем миром”. Вглядываясь в растревоженную бездну, вслушиваясь в потоки мелодий, льющихся на нас дождем, и как камертончики, сохраняя в себе и миг единенья, и услышанную музыку, наполняем ею слова, дела и чувства.

НАТАША

РАССКАЗ

Город, замученный дневным зноем, замер от блаженства, подставив лицо, руки - всё тело потокам порывистого ветра, налетающего с моря. Долгожданная прохлада струями растекалась по городу. Пустые до этого мгновения улицы заполнялись людьми. Справа и слева шуршали импровизированные веера из газет и журналов. Справа и слева открывались, закрывались, булькали бутылки с водой.

Морской берег наполнялся гуляющими людьми, казалось – весь город высыпал к морю. Разноголосица напоминала бы лежбище тюленей, если бы не огромное число машин, словно огромные жуки, разбросанных по побережью, и музыка, доносимая порывами ветра...

- Я вам завидую – от этого пекла вы будете спасаться на море, а мне в степь, на вахту. Две недели на жаре и в пыли... Так, король. Бито... Ладно, мне это надоело... - молодой, крепкого сложения мужчина встал с покрывала, на котором сидел с друзьями. - Всё! В глазах кресты, буби... - говоря это, он несколько раз провёл руками перед глазами. - Всё мельтешит уже! Я пойду, окунусь. Наташа, ты со мной?!

- М-м... Умар, ты иди – нам с Таней посекретничать надо. Гелани тоже с собой возьми. Пожалуйста, Гелани... - произнесла, мило улыбаясь, роскошная блондинка, потряхивая длинными вьющимися волосами.

- Вообще-то, девчонки, я и сам об этом думал. Ты меня, Наташа, опередила!

Мужчины пошли к воде, осторожно наступая на ещё горячий песок.

- Гелани, я что-то не соображу никак: когда они успе-ли сдружиться? Они же едва знакомы.

- За что ты переживаешь? Не пойму! Обычные дамские секреты – девчонки хотят посплетничать.

Парни остановились у кромки воды, поглядывая на смеющихся девушек. Эти две красотки явно привлекали к себе повышенное внимание. К ним подошли два молодых человека и о чём-то заговорили.

- Офигеть! – возмутился Умар, - мы только что отошли, а к ним уже клеятся. Я пойду и этим козлам сейчас физиономии разобью.

- Стой! Стой... - Гелани со смехом схватил Умара за руку. - Пусть веселятся. Идем, поплаваем. Я же не переживаю: вольному воля - другую подружку найду. Посмотри, сколько девчонок вокруг. Да и морду набить всегда успеем. Пошли!

- Гелани, тебе не за что переживать, а я собираюсь жениться. Мы вчера подали заявление в ЗАГС. – Произнес с раздражением Умар и, шумно разбежавшись, нырнул. Вынырнув, размашисто поплыл дальше от берега, растворяясь в бликах солнца стремящегося к горизонту. Ещё мгновение, и Умар растаял в этом блеске. Гелани, всё это время смотревший ему вслед, оглянулся на девушек. Они сидели напротив друг друга и аппетитно кушали арбуз. И рядом уже никого... Гелани, ещё раз взглянув на девушек, нырнул. Вынырнув, поискал взглядом друга и, найдя, поплыл к нему.

- Ты на камне?

- Да. На чём же ещё?! Сижу.

Гелани, подплыв, встал, оглядывая побережье. Берег пестрил и шумел. Найти, кого-либо невооруженным взглядом было невозможно. Оглядев всё побережье, он сел рядом с Умаром. Накатывающие волны монотонно покачивали друзей. Вода, нагретая за день, хранила тепло. Здесь, на воде, особенно хорошо слышны голоса с берега. Крики, визги восторга, удары по мячу... словом, вся та кутерьма, что происходила там, на берегу.

- Умар, ты чего сегодня такой злой? Может быть, жениться не хочешь? Я слышал, есть такой синдром у нас, мужчин. Хомут на шею и в житейское море с головой...

- Помолчи. Слышишь музыку?

- И?

- Крис Норман. Мне нравится эта композиция, кажется, восемьдесят шестой год... «No Arms Can Ever Hold You».

- Надеюсь, мы будем говорить не по-английски? А то я не знаток...

- Что ты хочешь от меня услышать? Нравится она мне, но что-то смущает... Каждые пятнадцать дней я буду уезжать. Потом это станет привычкой. Станут привычкой наши чувства... Захочется чего-то новенького.

- Боишься стать рогоносцем! Понятно... Скажи ей, что в горах за это убивают...

- Всё шутки шутишь?! Я не хочу начинать с подозрений. Это её оскорбит. К тому же я не этого боюсь. Наташе я доверяю. Понимаешь... Я шутя предложил подать заявление, а она взяла и согласилась! А мне кажется, я не готов жениться... и... я боюсь её потерять!

- У вас куча времени впереди... Испытай её и свои чувства - на пару месяцев съезди домой... Или ты передумаешь, или она. А может быть – «они жили долго и счастливо» ...

Умар промолчал. Было видно, что это состояние его тревожит. Он сидел мрачный, глядя в одну точку, куда-то поверх волн. Молчание нависло над друзьями, будто ватным одеялом укрыло их от окружающего мира. Мир вокруг притих, казалось, что и волны как-то по-особенному тихо плескались о тела друзей.

Солнце краем коснулось горизонта. Оранжево-красные краски залили берег. Низко над водой, с резким криком пронеслась чайка. Умар вздрогнул.

- Гелани, давай сделаем так: ты будешь заходить её проводывать, пока я на вахте. На этой, на следующей... У нас время есть. Будет что-то подозрительное - скажешь. И мне не нравится её знакомство с Таней. О-о-чень не нравится!

- Что такого?! Нормальная девчонка. Компанейская.

- Вот именно – компанейская! Забыл, где с ней познакомился? И такая (!) будет приходить ко мне в дом? Я не хочу, чтобы они встречались. Надо что-то придумать. Может быть, ты не будешь с Татьяной заходить к нам?! Приходи без неё. Ладно?! Прошу как друга!

- Да ладно тебе! Расслабься. Буду заходить один. Мне, надеюсь, доверять?

Умар в пол-оборота повернулся к Гелани и посмотрел ему в глаза. Улыбнулся.

- Конечно, ты у меня самый близкий друг! – И уже с усмешкой. - Но убью обоих, если будет за что.

И не говоря больше не слова, Умар встал, потянулся и нырнул.

Прошло три дня, как Умар уехал на вахту. Гелани помнил обещанье, данное другу, но пока еще, ни разу Наташе даже не звонил.

Он расстался с Татьяной, повод для этого нашёлся сам. Гелани с Татьяной были на вечеринке у друзей. И так случилось, что туда же зашёл одноклассник Тани Сергей. Они весь вечер проговорили вдвоём. Гелани чувствовал себя очень неуютно. Пытался флиртовать с приглашёнными девчонками, но удовольствия от этого не получил, хотя парой телефонных номеров обзавёлся. Он чувствовал себя оскорблённым. В довершении ко всему, прощаясь с одноклассником, Татьяна его поцеловала. Гелани был в ярости, но устраивать скандал в гостях не стал. И уже в машине, пока ехали домой, он дал волю накипевшему. Они ссорились. Они ругались, как пара, прожившая вместе лет десять, – зло, с сарказмом... Подъехав к дому, Татьяна вышла, хлопнув дверью так, что стекла чуть не посыпались. Гелани выругался... И уже у себя дома, успокоив раздирающие его эмоции, резюмировал: «Вот и прекрасно! Как говорят русские: «Баба с возу - кобыле легче».

Желание Умара сбывалось.

Несколько дней спустя, после расставания с Татьяной, Гелани, помнивший обещание, данное другу, решил «заскочить на пару минут» к Наташе. Взяв букет цветов, красное вино и торт, без предварительного звонка поехал на квартиру к Умару, к Наташе.

Поднявшись на третий этаж, Гелани замер в нерешительности перед дверью. Он чувствовал себя «троянским конём», человеком, идущим в гости с тайным умыслом. Неискренность ему претила. Ему нравилась эта девушка, он видел, что её мысли также прекрасны и чисты. как и её лицо... Говорят же, «глаза - зеркало души». Гелани вспомнил глаза Наташи – всегда весёлые, с легкой иронией и какими-то вечно скачущими искорками...

Сделав резкий выдох, как перед броском в бой, Гела-

ни поднёс руку к дверному звонку, но не успел нажать на кнопку, как дверь распахнулась. На пороге стояла Наташа, точно такая же сияющая, как её и представлял только что Гелани.

- О! Гелани, какой приятный сюрприз! Наверное, я экстрасенс – зашла на кухню и вдруг почувствовала, что кто-то за моей дверью... Хочет войти... Очень сильное ощущение... Ты вовремя. Я собралась пить чай и не знала, чем бы себя побаловать. «Наполеон»! Прекрасно! Ты проходи, не стой в дверях. Просимо!

Она взяла торт и прошла на кухню. Гелани, несколько обескураженный и растерянный, с цветами и вином – за ней.

- Гелани, я слышала - вы с Татьяной поссорились?!

- Да, было дело... Уже успела сообщить?

- Не-е-ет! Она перестала заходить ко мне. Перестала звонить... Я ей позвонила... И уже в разговоре узнала, что вы в ссоре, и из-за этого у неё плохое настроение. Никого не хочет видеть. Может, давайте вместе куда-нибудь сходим? Посидим, развеемся немного...

- Нет, нет! Наташа, я зашёл не для того, чтоб ты нас мирила. Мы люди взрослые – сами разберемся... Прости! Я зашел тебя провести. И с Таней... видеться ... я ещё не готов.

- Ясно! Тогда чай с тортом?! Вино сегодня я что-то не очень... Спасибо за цветы, Гелани. Как ты догадался, что я люблю ромашки?

Наташа взяла букет и, не дожидаясь ответа, вышла из кухни. Через пару минут вернулась, неся цветы в простенькой вазе, своей формой напоминающей небольшой круглый аквариум. Поставив их на холодильник и любовавшись, принялась разливать чай.

- Гелани, не сиди – нарежь торт. Кстати, может быть, ты кофе хочешь? И если ты не возражаешь, давай посидим на кухне. Маленькое пространство сближает людей и тем самым располагает к доверительной беседе. И чего ты сидишь и молчишь? Где твои шутки? Зря вы с Та-

ней... Помиритесь! Ладно-ладно, прости-прости...

- Ты мне не даёшь и слова вставить! Шучу, Наташа, шучу!

Гелани пил чай и не отводил глаз от Наташи. Глаза её горели каким-то невероятным задором, и она говорила и говорила... Иногда она забавно встряхивала головой, разбрасывая по плечам копну невероятно красивых светлых волос, ниспадающих волнами значительно ниже плеч. «Как норовистая кобылка», - мелькнуло в голове у Гелани. Когда она вставала за чем-нибудь, он зачарованно смотрел на изгиб её спины – изящной и маленькой. Шёлковый халатик цвета морской волны играл невероятными складками на её теле...

- Ге-ла-ни-и-и... Ты ещё здесь? Что с тобой?

- Извини, Наташа! Я засмотрелся. Ты так красива, что я жалею: почему я не скульптор или художник? Хотя... такую красоту не под-силу создать человеку...

Наташа рассмеялась. Её звонкий смех, казалось, заполнил всё пространство этой маленькой квартирki, заискрился, наполняя восторгом мир и эти мгновения.

Гелани чувствовал в себе стойкое непреодолимое желание - подойти к этой девушке, обнять, зацеловать... Мир переворачивался в душе Гелани с ног на голову. Он, как истинный, каковым он себя и считал, охотник за женскими душами и сердцами, никогда не уводил женщин у друзей и товарищей... Гелани считал: мир велик и в этом мире всегда найдется свободное женское трепетное сердце, готовое ему открыться...

- Наташа, прости – засиделся. Поеду, пожалуй, домой. Поздно уже.

Гелани встал и быстро пошёл к двери. Прощаясь, он изменил своим обычным правилам и не решился поцеловать её в щёчку. Он уходил в полном смятении. «Бежал, как трус с поля боя», - думал он, заводя машину.

Наташа, смущенная столь неожиданно скомканным

вечером, вернулась на кухню. Села за стол, минуту назад объединявший их с Гелани, даривший лёгкость общения и радость, но чай пить не стала, сидела, облокотившись о край стола. Услышав, как хлопнула дверца машины, подошла и посмотрела в окно. В наступившей темноте за окном только свет фар исчезающей за деревьями машины...

- А он мне нравится, он не такой, как Умар... - произнесла вслух девушка, - Гелани - доброжелательный, открытый... Интересно, какие бы у нас с ним были дети... Впрочем, это не важно, - оборвала себя Наташа.

Наташа вышла из детского сада.

Вот и закончился ещё один рабочий день. Послезавтра Умар возвращается с вахты. Наташа решила, что зайдёт в магазин и наберёт там всякой всячины. Приготовит что-нибудь вкусненькое к возвращению своего мужчины.

Наташа бродила по супермаркету, перебирала продукты, фантазируя, какой прекрасный будет стол. Фрукты, салаты, колбасы – всё отбиралось с особой тщательностью, под рецепты, созревшие в голове девушки. У вино-водочных полок Наташа застыла в некоторой растерянности. Что выбрать? Наташа долго перебирала, высматривая и вычитывая надписи на этикетках... Наконец, девушка сделала выбор в пользу терпкого красного вина «Букет Молдавии», решив, что оно как нельзя кстати подойдет и к столу, и их встрече. На выходе из супермаркета взяла такси.

Подъезжая к дому, заметила возле своего подъезда машину Гелани.

Гелани выскочил из машины с улыбкой в тридцать два зуба.

- Привет, Наташа! О! Сколько всего ты накупила...

Гелани помог взять пакеты из такси.

- Привет-привет... Ты меня пугаешь – что случилось,

почему ты сидишь и ждёшь меня?

- Может быть, сначала поднимемся, занесём твои покупки... А потом поговорим. Мне нужна твоя помощь.

- Интересно... Ну, пошли-пошли... Ты как всегда вовремя! Я думала: как я с этими пакетами - сама... Таксиста просила, а он отказался – ему и так жарко! Прикипел к своему креслу, что ли? Лентяй!

- Куда тебе столько?! Ты хочешь, чтобы Умар объелся и умер?

- Смейся-смейся... Сам потом будешь облизывать пальчики и сетовать, что так мало!

Наташа взяла два пакета и пошла вперёд. Гелани, ухватив оставшиеся, прошёл бочком в подъездную дверь, за девушкой.

- Наташка, классные у тебя джинсики. Что там, на них написано... никак не разгляжу!

Наташа, остановившись на ступеньке, повернулась к Гелани.

- Гелани, по-моему, ты не туда смотришь! Ты со мной флиртуешь? Проходи, пожалуйста, дорогой, вперед. А то споткнешься, чего доброго, и... разобьешь в пакетах что-нибудь.

Гелани всё с той же улыбочкой, прижав Наташу пакетами к перилам, протиснулся вперед.

Через несколько ступеней:

- Гелани, дорогой, между прочим, у тебя к штанам прилипла жвачка. Не смотришь, куда садишься...

Гелани покраснел и чертыхнулся. Мысленно обругал себя: надо мне было про эти джинсики... Но тут же нашелся:

- Прекрасная, по-моему, Вы тоже - не туда зрите!

Наташа рассмеялась.

- Прости, так уж получается! Я смотрю вперед, а впереди - ты. Теперь можешь пропустить меня – мне дверь открывать.

Гелани сидел в комнате, ждал, когда Наташа разберётся с продуктами. От нечего делать озирался по сторонам, скользя взглядом по предметам, стенам... Старенькая квартирка Умара с появлением в ней Наташи преобразилась. Казалось, что она стала более солнечной, более светлой, хотя за окном также стоят стеной деревья, делая квартиру сумеречной. Благодаря Наташе, квартира наполнилась едва уловимым ароматом и почти мистическим ощущением душевности, уютом. Всё тоже, и, может быть, там же, но...

- Ну-с, молодой человек! Я свободна и готова Вас выслушать. За чаем, на кухне... Пошли? Давай-давай, пошли, попьем чаю, там всё и расскажешь...

- Собственно, Наташа, рассказывать нечего, - произнёс Гелани, помешивая ложкой сахар в бокале. – У нас корпоративная вечеринка. Вот я и подумал: может быть, ты согласишься составить мне компанию?

- Я бы с удовольствием, но ты видел сам, сколько я накупила... Мне надо готовить...

- Наташа, Умар ведь не завтра приезжает! Если хочешь, я тебе помогу приготовить...

- Смешно... Ты?! Мне?! Поможешь?!

- Да. Что смешного? Моя мама между прочим шеф-повар в ресторане. Ты не знала? И я в детстве часто пропадал у неё на работе. Много что видел и многое что умею! Ну, пожалуйста!

- Да ты же белоручка, Гелани! Думаю, что не ошибусь, если скажу: ты, как и Умар, думаешь, что мужчина должен уметь приготовить одно и только одно блюдо – шашлык!

- Обижая-я-я-ешь, прекрасная! Я как настоящий кавказский мужчина умею готовить всё! Но особо – шашлык! Мясо слушается только мужчину!

- Ладно – убедил! Но обязательно поможешь! Не вздумай отвертеться! Причём, предоставляю тебе самую грязную работу – чистить картошку и прочую подобную за-

дачку... А шеф-поваром буду я! Договорились? Во сколько и где?

- Так... через полтора часа – в девять! Давай, я за тобой заеду...

- Нет... нет! Я приеду сама. Ты только меня встретить.

- Договорились, красотка!

Нервно прогуливаясь перед входом в бежевом вечернем костюме, Гелани то и дело посматривал на часы. Но иногда он замирал, поглядывая на своё отражение в больших тонированных стёклах ресторана, поправляя безукоризненно сидящий на нём пиджак, приосаниваясь...

- Ну, наконец-то! – Гелани кинулся к подъехавшей машине, ещё издали, увидев улыбающуюся мордашку Наташи. – Милая, а Вы не могли бы не опаздывать, или это элемент женского этикета?! Наши уже все собрались...

- А я не ваша! Я приглашённая! К тому же у меня уважительная причина...

- Пошли, пошли, родная. Пошли. О причинах потом...

- Стой! И ты мне ничего не скажешь о платье? Я только что его купила! На себя-то ты вон как посматриваешь в стёкла, Нарцисс ты наш!

- Правда?! Так заметно... – Гелани растерянно остановился и посмотрел на Наташу.

- Конечно! – Наташа рассмеялась, глядя в глупо-смущённое лицо Гелани. – Ну же! Смотри на меня, а не на своё отражение. Как?! Великолепное платье, правда?

- Гелани! Гелани, бери свою «распрекрасную» и входите – все в сборе, и надо закрыть двери от посторонних. – В приоткрытой двери показалась женщина в очках. – Ну что вы замерли? Входите же!

Гелани с Наташей быстро юркнули в распахнутую зеркальную дверь.

Наташу обдало прохладой и она рефлекторно сдела-

ла глубокий вдох. Блаженство медленно растекалось по телу... После яркого жаркого солнца на улице – прохлада ресторана и мягкий приглушённый свет...

Все рассаживались. Зал заполнился скрипами стульев, покашливаниями, звяканьями столовых приборов... И над всем этим висел говор, смех – мужские и женские голоса.

- Наташа! – Звал Гелани, стоя у стула и демонстративно вытянув руки в приглашающем жесте.

Негромко зазвучала музыка...

- Раз... раз... раз... Кажется, всё работает! – произнёс мешковатого вида мужчина в смокинге и нелепой красной бабочке, стоя у микрофона, в нише для музыкантов. Поблескивая лысой, будто отполированной, головой, он окинул спокойным взглядом зал.

- Все меня слышат? Вы знаете – мы славно потрудились и... столь вожделенный... наверное – долгожданный... ну, это не важно... контракт... теперь у нас в кармане. Теперь наша с вами задача грамотно, качественно и, главное, в срок выполнять поставки... - Мужчина замаялся, поймав ироничный взгляд дамы, сидевшей недалеко от Наташи и с улыбкой посматривавшей на оратора. – Похоже, я что-то не то говорю... Ну, да ладно... Поздравляю вас, и веселимся!

Мужчина в красной бабочке прошёл к столу и сел рядом с ироничной дамой. Подняв рюмку, поймал обращенный на него взгляд Наташи и, проницательно на нее посмотрев, перевёл взгляд на Гелани, сидящего рядом с Наташей и оказывающего ей знаки внимания.

- Хорошо смотрите! Славная будет пара, правда? – обратился он к сидящей рядом женщине. – Гелани, когда свадьба? А то я что-то давненько на свадьбах не гулял... За вас! – произнёс мужчина, не дожидаясь ответа и сверкая лысиной и улыбкой. Ловко опрокинув содержимое в рот, слегка поморщился и принялся деловито закусывать

или кушать...

Вечеринка удалась на славу! Шутки, розыгрыши, караоке и танцы... Все устали и были горячи от принятого. Время стремительно приближалось к двум ночи. Наташа, уставшая, присела возле Гелани, в это время темпераментно спорившего с женщиной в смокинге с расстегнутым воротником рубашки и красной бабочкой, выглядевшей из нагрудного кармана.

Наташа весь вечер пыталась ускользывать от назойливого внимания bruneta, представившегося: «Желанная звезда всех дам – Карен». Вот и сейчас «Желанная звезда» расположившись за одним из столиков напротив, опрокидывал тосты за Наташу, поднимая руку с фужером и ловя её взгляд. Девушке всё это надоело и начало раздражать. Гелани, не замечая ничего, продолжал беседовать со своим боссом.

Наташа наклонилась к уху Гелани:

- Пошли домой! Я устала!

- Сейчас! Сейчас... подожди...

Гелани взял руку Наташи положил её в свою ладонь, а второй прикрыл сверху:

- Ещё полчасика, родная!

Девушка резко с раздражением выдернула руку и встала.

- Ты куда?

Девушка, не говоря ни слова, вышла в вестибюль с надеждой вызвать такси. В вестибюле у телефона уже стояли две женщины...

- Можно, я вызову такси...

- Если б это было так просто – ни одной свободной машины! Бред какой-то!

Неожиданно кто-то сзади обхватил Наташу за талию. Дохнуло спиртным.

- А, вот она где, моя ласточка!

- Ну-ка, отпусти! Отпусти, говорю...

- Карен, отстань от девушки. – Вступились за неё

женщины. – Ты пьян. Иди, проспись.

- А, вот с ней, моей ласточкой, я и пойду спать...

- Отстань! Отпусти, тебе говорят!

- Да, ладно! Недотрога – можно подумать. Я же знаю, с кем Гелани ходит...

Карен прижимал девушку к себе всё сильнее.

- Поехали ко мне, ласточка, покувыркаемся! Тебе понравится! Я – воплощение Аполлона и Амура в одном... стакане... - Криво хихикнул Карен.

Наташе стало противно: его небритая щека раздражала ей кожу, смрадное пьяное дыхание било ей в нос. Наташу от него уже тошнило, причём в прямом смысле слова... Слёзы брызнули из глаз. Она перестала сопротивляться и закрыла лицо руками.

- А ну, отпусти её, Карен!

Женщины разжали руки пьяного парня и оттолкнули его. На шум стали появляться люди, с любопытством взирая на происходящее. Прибежал и Гелани.

- Что случилось! Наташа, почему ты плачешь?

- Да вон, стоит «кадр»! – махнула одна из женщин в сторону Карена рукой. – Сейчас мы сходим в туалет – умоем, успокоим девчонку и вам нужно ехать домой...

Ухмыляющийся Карен стоял, пошатываясь. Руки в карманах брюк, полы пиджака откинута.

Гелани стремительно вырос возле Карена и схватил его за лацканы пиджака:

- Ты что сделал, придурок!

- Да, ладно тебе... - продолжая ухмыляться, произнёс Карен. – Просто мы немного недопоняли друг друга! Хочешь анекдот? Заходит в лифт кавказец, отец семейства, а там стоит маленькая девочка. – «Слюшай, какой красивый! На тебе канн-фет-тку! Как тебе дэвочка звать?» Малышка отвечает: «Наташа!» Мужик сокрушается: «Слюшай, такой маленький, а уже Наташа! Вай, вай.» – Карен захохотал, - Вот и мы - не поняли друг друга!

- ...!

Вмешались сослуживцы и оттащили, успокаивая, Ге-

лани от Карена.

- Гелани! Такси! Бери свою девушку и домой! Давай, давай... домой! - похлопывая по плечу, произнес появившийся босс.

В такси ехали молча. Девушка отвернулась к окну и равнодушно смотрела на ночные улицы города. И только подъезжая к дому, Наташа произнесла:

- Я боюсь. Пойдём со мной! Он сказал, что знает, где я живу, и сегодня всё равно придёт...

- Наташа, брось! Это пьяный трёп: ничего он не знает! Нет, я домой...

- Гелани, пожалуйста... Пошли, посидишь немного и потом пойдешь...

- Хорошо – идём. Надо же было так испортить вечер! Всё так хорошо шло и – бах! Конец! Вот придурок! Все мы что ли такими бываем...

Наташа и Гелани вошли в подъезд, хлопнув за собой дверью с кодовым замком. Каблучки Наташи простучали по гулкому подъезду. Щёлкнул замок открываемой двери квартиры. Они дома.

- Гелани, чай будешь?

- Нет! Ничего не хочу... Где меня положишь? Ужасно хочу спать!

- Хочешь, вот, на диване! А я кресло разложу...

- Нет – диван ваш, ты и спи. Брось мне что-нибудь на пол. Мне так будет удобней. Люблю половую жизнь...

Наташа постелила Гелани на полу, недалеко от дивана, почти возле самого телевизора. Он лег, не раздеваясь, и моментально уснул.

Гелани снился сон. Бегали и кричали люди. Звякали мечи. Лошади вставали на дыбы. Кто-то больно ударил его по ноге...

- Что ты здесь развалился! До дома лень было дойти?!

Гелани, сонный, сел на постели, снизу-вверх глядя

на бушующего над ним Умара. Наташа, завёрнутая в простыню, испуганно прижималась к стене под книжной полкой.

- А ты что на меня смотришь? Нельзя одну оставлять, да?! Как хорошо, что мы ещё не расписались. Нашла заменитель...

- Что сидишь? Вставай! – Раскрасневшийся от ярости Умар пнул Гелани по ноге. – Давай, быстро! Чтоб я вас здесь больше не видел! Обоих! – Заорал Умар, глядя на Наташу. От чего девушка, казалось, ещё больше вжалась в стену. – Быстро-о-о!

- Умар... - робко позвала его Наташа. – Послушай, милый! Всё не так, как ты понял...

- Молчи! Я едва себя сдерживаю! Читай по губам: я-не-хо-чу-тебя-больше-ви-де-е-ть!

Умар кинулся к шифоньеру и принялся охапками выбрасывать из него вещи Наташи. Вещи летели на пол. Он их давил ногами, ломая пластиковые плечики, на которых весела одежда. Умар топтал их своими запыхлёнными туфлями.

- Умар, послушай! – произнёс Гелани, поднявшись с постели. – Ты же видишь – я спал в одежде и на полу. Послушай, дай объяснить! Наташа вообще здесь не причём!

- Замолчи! Ничего не хочу слышать! Убирайтесь! Оба-а-а!

Умар, тяжело переводя дыхание, окинул красным помутневшим взглядом комнату. Рванул на своей шее ворот футболки, порвав её.

- Собирайтесь и уходите! Не хочу вас видеть! Никогда! Вам две минуты на сборы...

Умар вышел из комнаты. И через секунду хлопнула, закрывшись, дверь на кухню.

Гелани сделал движение, желая выйти за Умаром... Но его остановила Наташа.

- Не надо! Не унижайся... Отвернись – мне нужно переодеться.

Переодевшись, она принесла сумки и стала не разби-

рая, запихивать вещи. Тяжело вздохнув, посмотрела на Гелани: «Помоги мне...»

Наташа и Гелани стояли возле подъезда. Удивление и растерянность застыли на их лицах. В глазах Наташи блеснули слёзы.

- Ну, ладно... не плачь... Я виноват, не надо было тебя звать на вечеринку, прости. И надо было мне вчера уйти! Кто знал...

- Да причём, Гелани, здесь ты?! Это же ужас какой-то! Он даже не слушает. Вбил себе в голову...

Наташа разрыдалась. Гелани, подойдя к девушке, обнял, прижав её головку к своей груди, ласково поглаживал по спине.

- А что было бы, если бы мы расписались?! - всхлипывая, произнесла девушка. - Представляешь?! - Наташа, отстранив голову от груди утешавшего её мужчины, снизу вверх посмотрела ему в глаза. - Что он хочет? Чтобы я из дома нос никуда не показывала... Он же никому не верит! - Уткнувшись головой в грудь Гелани, Наташа, всхлипывая, продолжала говорить. - Что я сделала...

Гелани молчал – он казнил себя за вчерашнее... Сделанного не исправишь, надо лишь подождать – может быть, всё образуется...

Гелани вспомнил, как она смотрела на него только что заплаканными глазами. Его сердце наполнилось теплотой к этому прекрасному существу рядом. Ему захотелось её расцеловать...

- Наташа, идём, не будем здесь стоять.

- Куда я сейчас пойду?! Позорище какое!

- Наташа, пошли, поживёшь пока у меня...

- Что-о-о?! - Наташа отпрянула от Гелани. - Что ты такое говоришь?! Что-о...

- Да успокойся ты! Ты меня не поняла. У меня двухкомнатная квартира. Отдам тебе спальню. Поживёшь пока у меня, успокоишься... Потом и решим, как это ис-

правлять. Прошу тебя, не отказывайся. Ты же знаешь – я тебя не обижу... Пойдём... пожалуйста...

Гелани взял две сумки, в которые уместилось всё имущество Наташи, и пошёл. Сделав несколько шагов, остановился, оглянулся на Наташу. Наташа стояла на том же месте, закрыв лицо руками, плакала. Гелани поставил сумки, вернулся к Наташе и, разведя её руки, взглянул ей в глаза:

- Доверься. Идем ко мне – всё будет хо-ро-шо...

Наташа, оттолкнув Гелани, пошла вперёд, и обернувшись:

- Да идите вы оба... знаете куда... - Выкрикнула она. Подобрала сумки и пошла, остановилась и прокричала, глядя в окно третьего этажа. - Трус несчастный! Сам себя боишься...

Наташа ушла. Гелани сел на скамью у подъезда, вздохнул...

Лёгкий ветерок шелестел листвой деревьев. Утреннее солнце, пробиваясь сквозь кроны солнечными зайчиками, липло на лицо и одежду, лаская лёгким и ласковым теплом. Порхавшие с ветки на ветку воробьи, наполняли воздух невероятной стрекотнёй. Всё вокруг радостно возвещало о своём пробуждении, ликуя и приветствуя новый день.

- Сегодня я вашу радость не разделяю... - буркнул под нос Гелани. Встал, озираясь по сторонам, и произнёс громко и театрально:

- А не пойти ли мне к морю, что-то давно я с ним не здоровался...

- Я спросил у ясеня: где моя любимая...- напевал, задумчиво морща лоб, Гелани, - Ясень не ответил мне, качая головой...

Море сонно плескалось у ног Гелани, ласково накатываясь на обросшие водорослями камни. Ветер, изредка вздрагивая, скользил по лицу. Гелани, стоя в вечернем

мятом костюме, вдруг почувствовал себя неловко - солнце припекало, вокруг ходили и бежали люди в шортах и майках. Любители утренних купаний бултыхались в воде, нагретой за эти долгие и жаркие дни, и не остывающей даже ночью. Смутное беспокойство не покидало Гелани. «Как затишье перед бурей» - мелькнула мысль. Он вгляделся в горизонт - там, у кромки, у самого излома туманились облака: «Хоть бы дождь пошёл... он всё омоет, умоет и расставит по местам. Да... как в сказке!».

Гелани развернулся и пошёл обратной дорогой домой, поднимаясь по ступеням, сбегаящим к морю. «Интересно, сколько здесь ступеней...», - вопрос был риторический, и считать не хотелось. Шагая по бетонным ступеням, Гелани напевал:

- «Я спросил у тополя...», что же я спросил у тополя?
- И после паузы. - «Где моя любимая?» Где?! где?! - у подруги... У Татьяны, наверное! Привязалась же эта песня...

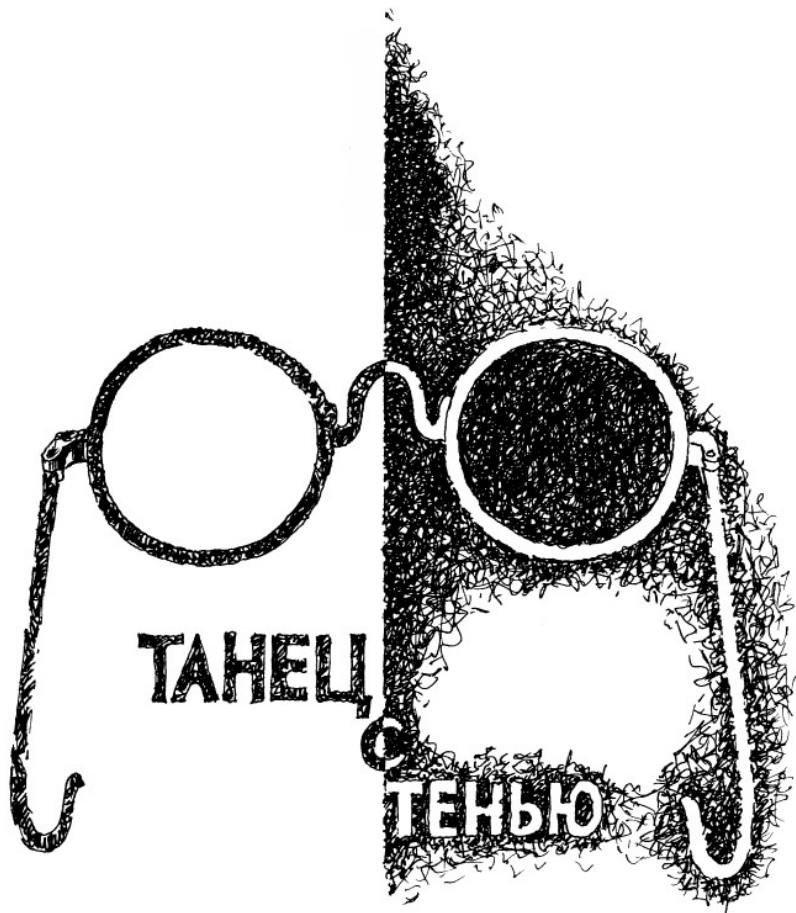
Гелани замолчал, переходя дорогу. Разогретый у асфальта воздух обдал жаркими вихрями от проезжавших машин. Откинув полы пиджака и вложив руки в карманы, шёл через буднично тихий парк домой.

Забывшись, опять замурлыкал всё ту же песню...

- «Друг ответил искренний, друг отве...», - подходя к своему подъезду, Гелани замер на полуслове...

- И что тебе ответил преданный друг?

На скамейке у подъезда, утопая в окружающей её зелени, сидела Наташа. Две её сумки аккуратно расположились рядом...

ТАНЕЦ С ТЕНЬЮ

Ещё не покинула землю ночная прохлада, ещё звёзды золотятся в небе... А над горизонтом показалось солнце, окрашивая серые облака в жёлто-оранжевые тона и разбрасывая свет лучей по земле. Отбрасывая извилистые тени, причудливо исчертив ими землю, солнце залило светом скалы с множеством теней от камней, кустарников и прыгающих пробудившихся животных. Особо азартные и молодые бросаются на тени от своих соплеменников,

играя с ними и пробуждая своё воображение...

Танец с тенью, игра реальности с воображаемым, очаровывая, уводит в мир таинственный и непостижимый, размывая и искажая пространство...

Неимоверные усилия памяти запечатлевают минувшие, для постижения будущего - неимоверные усилия интеллекта и вечный бег по кругу в настоящем. Вращение то убыстряется, то ослабевает, но ни на миг не замрет – иначе смерть!

На что только не приходится идти ради озарения и попытки познания смысла! От многочасовых медитаций и собирания мандалы из песчинок до отрубания собственных пальцев и рук... И всё ради озарения! Ради поиска смысла сущему...

Мандала, кропотливо, минута за минутой, час за часом, складывается из миллионов разноцветных песчинок. Игра! А смысл за гранью этой игры... Всё что с таким усердием было создано, с тем же усердием сметено и собрано. Всё, когда-то рожденное, – умрёт, падёт прахом. Тщета! Но ведь есть процесс?! После разрушения мандалы остаётся процесс! Но и он лишь путь к постижению смысла! Игра... Остаётся только привкус, только след...

Но игра с тенью продолжается - тень ускользает и смысл тоже.

Ускользая смысл, меняет покровы и маски, от божественного до человека, сидящего в грязной луже. Хочешь ему помочь, протягиваешь руку, но... он отмахивается - он привык. Ему и так хорошо! Он не ведает иного. Это его, пусть и не понятый, смысл, его реальность. Вся его жизнь - это перемещения по этой грязной луже в поисках лучшего места, более теплого. И можно считать, ему

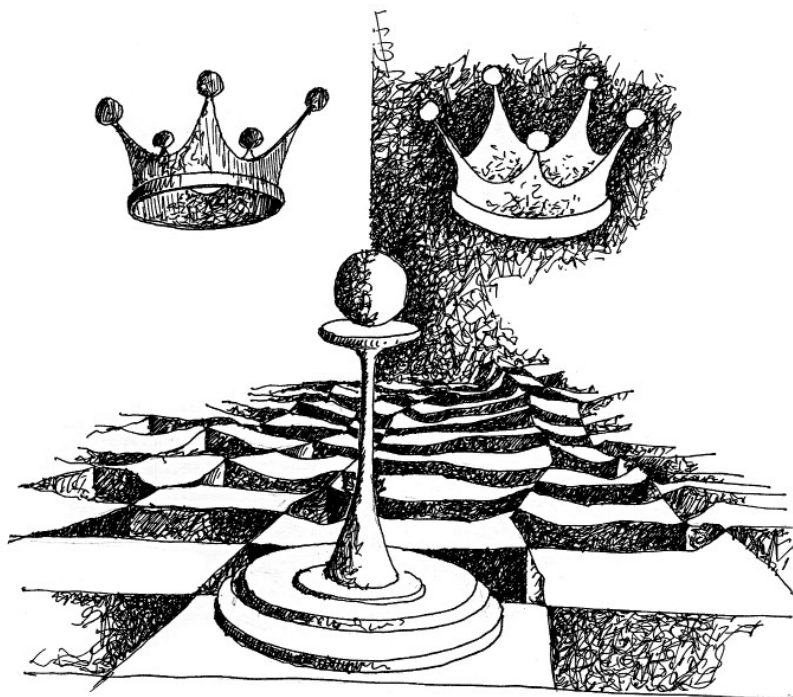
повезло, если он сам выберется за пределы этой грязи, но сколько времени и сил уйдет впустую, и нет никаких гарантий, что, перемещаясь, он не поменяет одну лужу на другую.

Опыт прошедшего этот путь, исправит наше неведение... Но как его услышать?!

Замкнутое пространство дрожит, переливаясь огнями, меняет формы, сжимается и вновь набухает... Живёт... Зачем? Зачем живёт эта переливчатая амёба – вселенная?! Мы замкнуты в ней... Или это иллюзия сознания, боязливого и слабого – лучше плескаться в знакомой луже, чем выбраться из нее в неведомое. В луже все рядом – можно потрогать рукой – не страшно и тепло. Сознание, утомленное однообразием, ищет выход для своей деятельности. И находит. Человек копается в грязи, извлекая оттуда разный хлам, – камушки, комки грязи, обломки дерева, осколки стекла... Придаёт им статус ценностей, и это поневоле захватывает, становится смыслом и целью жизни. Танго с тенью продолжается, и уже важен не сам результат, а танец и его эйфория. Всё кружится, всё летит кувырком, всё больше и больше кривляющихся масок, таких знакомых, но лишенных всякого смысла...

Игра с тенью увлекает.

Игра с тенью увлекает – душа пустеет, а лица кривляются и все больше превращаются в пошлые, истеричные и грубые маски. Невостребованные потенции души покрываются пылью, отмирают... Комнату можно вымыть, выкрасить, но что делать с захламлившимся и деградирующим органом – душой?! Невостребованные любовь и доброта превращаются в противоположные сути, как перезрелые фрукты, вместо блага – несварение желудка. В пыльной комнате нечем дышать – воздух тяжел и зат-

хл. Чистые легкие сотрясают приступы кашля - отравы! И мир уже не театр, а обезьянник с кривляющимися гипертрофированными масками - Корысти, Равнодушия, Злобы и Пошлости.

Танго с тенью, навязчивый мотив, действующий на неискушенных, как звуки магической свирели на кобру, очаровывая и лишая понимания происходящего, лишая знания...

Знание как импульс, стимулирующий движение вперед. Знание - зеркало, в которое мы заглядываем по утрам и наблюдаем те или иные изменения в нас, а значит, и в нашем отношении к миру. Новые знания - новый ракурс видения действительности на пути постижения смысла. На пути постижения ждут монстры-разочарова-

ния и птицы-отчаянья. Когда начинаешь постигать этот мир, то понимаешь - это мир неравенства - в нем белых и черных полос не поровну. Темного, грязного - больше, а светлого мало. Но неравенство - это качественно. Плохих картин, плохих стихов всегда больше, но они никогда не дадут, сколь ни было б их много, того, что даст одна прекрасная картина, одно прекрасное стихотворение. Во вселенском масштабе нашей души важны не туманы, а искры.

Чем тоньше и изящней вещь, тем больше в нее вложено, тем более она хрупка, тем больше она заслуживает к себе бережного отношения и внимания.

Любовь - ажурная ваза из тонкого, хрупкого стекла. Любовь - не танго с тенью, не игра - это одна из граней ускользающего от сознания - Смысла. Постигая знак неравенства, понимаешь - гордыня и непросщение - это элемент сумрачный и туманный, того, чего много и что призвано, играя на контрастах светлого и темного, злого и доброго, игрой разрушать Любовь и то светлое, что есть в этом мире. Гордыня - игра в иллюзию своего превосходства.

На вершине у всякой горы есть камень, что выше горы, и хоть высота не в нем - он выше себе подобных. Умрет гора, он не умрет, но обмельчает и станет миллионно-подобным и незаметным.

Отдавая должное многогранности мира, нельзя служить одной и только одной его грани. Зло - оправа, внешняя основа добра, но иногда они меняются местами...

Без тьмы нет света... Добро ли, свет ли, истина ли... Познавая грань, забывая о целом - скатываемся к заблуждению. И тогда мы теряем познанную крупицу смысла и, теряя его, превращаем все в игру и служение иллюзии. Мы колеблемся маятником от полного всепрощения

и бездействий, к злобе и насилию.

Вселенский Разум, как шахматист, играющий сам собой, где побеждает Бог - белыми, где побеждает Дьявол - чёрными. А человек - фигура, наречённая на ту или иную роль в пределах игры, её правил и поля. Всему дано свое место и своя малая крупица смысла. Но, не познав её, пешка так и останется пешкой.

Рафинируя восприятие, недопустимо забрызгивать грязью рядом идущего. Каждому свое... но, изменяя себя, невозможно не изменять мир. Иначе познание умрет вместе с телесной оболочкой. Аскетизм и самоозарение йогов - пусты, если не делиться искрой своего знания с ближним, не облагораживая и не ведя его за собой. Иначе всё - игра, танго с тенью...

Без золота не было бы прекрасного перстня с алмазом.

Пищу нужно подавать на блюде, иначе она растечется, и останется жалкое её подобие. И тогда сознание падёт до примитивного и плоского, растечётся как пища без блюда... И тогда вновь мандала из миллиона разноцветных песчинок...

Путь постижения смысла интересен и увлекателен, но безмерно страшно преддверие постижения и страшна встреча. Всегда приятней, при всём неведении, брожение в тумане, чем выход из него и столкновение с методом поиска во всей его полноте.

Необъективность слов имеет вкус субъективного - каждый понимает так, как ему ближе и проще.

Разучиться мечтать, все равно, что обрести вечную жизнь без смысла существования.

Танец. Это танго с тенью, вечно ускользающей и недостигаемой, чарующей тайной и манящей неведомым.

Близко, как хвост жар-птицы и не достигаемо, как свет далёкой пульсирующей звезды. Недостигаемость увлекает, недостигаемость огорчает. И устав от погони и вращения - придумываем «па» танца, искусственные координаты и цели. Координаты множатся, цели растут, растёт и антология танца. Придумываем новые «па», сложнее и сложнее... И добившись к концу дней своих придуманного нами же, уходим в мир иной умиротворенными и, возможно, за новой искусственной целью, так и не познав ни сути, ни смысла... Игра увлекает – это она становится смыслом! И... всё лишь хвост жар-птицы. А птица где? Ты не тороплив в своем мудром величии, а она летает... и быстро. Она кружит и кружит, как танец, как танго...

Смысл и Истина - огонь, можно ли огонь давать ребенку?.. Для этого нужно пройти путь поиска смысла и осмысления самости. Что можно дать не прошедшему этот путь и не заглянувшему в бездонный колодец собственной души? В какой извращенной форме может быть понято твое постижение. Но, не делая попыток передать познанное, мы лишаемся смысла достижений и тогда - танго с тенью...

Ты его не понимаешь потому, что он понимает то, чего ты еще не понимаешь!

ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ, или Понятие нормы

Раскрепощенная сила атома изменила все, но только не наш образ мышления, и вот мы движемся навстречу беспрецедентной катастрофе. ...необходим новый тип мышления, если человечество хочет жить дальше и продолжать развиваться.

Альберт Эйнштейн

Длинные коридоры психиатрической клиники, слева и справа – палаты (камеры-изоляторы). Клиника заполнена (переполнена) душевнобольными – буйными-орущими, смирными-депрессивными, тихими-идиотами, бродящими, как тени, по дозволенным территориям. По коридорам бегают дюжие санитары и санитарки, выколачивающие «дурь» из особо невменяемых пациентов. Врачи носятся со шприцами в руках по унылым коридорам психиатрической клиники...

Малоперспективная и угнетающая картина, но она есть, была и возможна в гипертрофированном виде, когда каждый неуютный может оказаться там. Это было в досоветские времена, это было в эпоху социализма, это есть сейчас. Так как понятия нормы нет, а психиатрия есть! А значит одержимости идеями и не только идеями можно трактовать, как отклонение от нормы, особенно если это нужно оппоненту или потенциальному наследнику, коль вы ему мешаете.

Вспомнилась охота на ведьм. Борьба с «неуютными», где роль «святой инквизиции» играет психиатрия. Счастье любого управителя и психиатра – человеко-муравейник, где всё на своих местах, роли распределены и все взаимозаменяемы. «Норма»!

Необходимо задать вопрос, создает ли наука, наука вообще, а психиатрия в частности, в самом деле «знание» или добывает лишь то, что способствует ее «самоутверждению»?

Величайшей революцией столетия является революция сознания. Будущие исследователи посмеются над нашей борьбой за признание этого очевидного факта, но пока мы только собираемся «поймать краешек» нашего собственного сознания. Мы собираемся вытащить себя за волосы из болота исторической парадигмы исследования антисознания. Границы узкой и специфической «нормы» должны быть раздвинуты.

«Мы заключены в старую духовную оболочку, мы проявляем себя то в готических формах, то в барочных,

ведем себя то как схоласты, то как гностики, то как импрессионисты, то как экспрессионисты в этом мире, который давно требует совершенно иного стиля мышления и иных взглядов». - Вильгельм Мюльман. «Расы, этносы, культуры».

Возможности сознания человека не могут вместиться в рамки «психологического горизонта», поведенческой теории, психоанализа или глубинной психологии, так как наука должна изучать, постигать, а не узурпировать... В нашем обществе большинство людей познают лишь то Эго, которое ограничено частным, крайне узким универсумом. Особенно нуждается в обновлении религия, которая пребывает в состоянии «перестарения» из-за своей «непоколебимой сохранности» по отношению к современным исследованиям сознания. Девиз: «Всё от дьявола!» или «Всех в психушку» по-прежнему актуален для «законсервированных» в ушедших тысячелетиях.

По некоторым телевизионным каналам пошла волна передач об оккультизме и экстрасенсах и, как бы в перевес им, интервью «законсервированных»: «происки дьявола...», «козни сатаны...», «экзорцизм...», «всех этих «чокнутых» в клиники для маньяков...» С развитием материалистических представлений о мире ко многим высшим формам сознания человека стали относиться без должного уважения, и начались весьма неприятные столкновения науки и магии. Хотя до этого – многотысячелетняя история человечества жила в гармонии и с собой, и с природой. Шаманские культы «первобытных» завораживают целостностью и реальностью познания мира, мира с границами, раздвинутыми за пределы понимания нашего, во многом материалистического, сознания. Психолог Карл Роджерс говорит: «Высшее научное знание подобно мистическому вершинному ощущению...» Фрайман Дайсон добавляет: «У рассуждений, которые кажутся безумными, только на первый взгляд, нет перспективы!». Клише, матричность, нашего сознания не даёт нам постигать мир во всей его полноте и совокупности. Осо-

бенно точно выявляет эту мысль встреча Алисы с оленем:

«Пожалуйста, не мог бы ты мне сказать, как тебя зовут? — сказала она нерешительно. — Может быть, мне это немного поможет».

«Я скажу это тебе, если ты еще немного со мной пройдешь, — сказал олененок. — Здесь мне не вспоминается мое имя».

Так они прогулялись вместе по лесу. Алиса нежно обвила олененка за мягкую шею. Когда они достигли второго леска, олененок внезапно вырвался из рук Алисы и сделал прыжок по воздуху. «Я олененок, — закричал он в восторге. — А ты? Ах, моя милая, ты же человеческое дитя!» Его прекрасные карие глаза приняли испуганное выражение, и в следующее мгновение он, как стрела, умчался прочь» (Carroll).

Ещё мгновение назад они были вне матричного состояния сознания, ещё мгновение назад они были в диалоге. Но... клише сработало. Так и мы бежим от вызывающей реальности и прячемся за ширмы своих привычных ролей. Ощущение единства возникает в процессе усиления интеграции и растущего понимания универсальности и взаимовлияния всех аспектов существования. Если у начал нашей науки лежала идея наивного стремления предметов друг к другу под влиянием давления и толчков ньютоновской механической модели планеты, то сегодня нашей физикой подтверждается, что все элементарные частички оказывают друг на друга взаимное влияние и зависимы друг от друга. И в плоскости макрокосмоса мы обнаруживаем единство всего мира растений и животных, людей, а также необходимое единение всех рас и культур нашей планеты.

Сознательно надетые шоры не делают дорогу ясней или лучше видимой. Для большинства почему-то только сейчас стало понятно то, о чем били тревогу фантасты всех народов в течение более полувека. Почему-то только сейчас было осознано, что для будущего планеты не-

обходимо переориентировать экономическую жизнь на солнечную энергию и другие возобновляемые источники. Продолжение политики последовательного сжигания ограниченных ресурсов и превращения их в токсичные отходы, загрязняющие среду, порочно в самой своей основе, будучи совершенно несовместимым с цикличным по природе космическим порядком. Использование ископаемых источников энергии было понятно в историческом контексте индустриальной революции, но его продолжение, когда фатальность этой траектории уже понята, кажется преступным и самоубийственным. Как сказал Шивас Айрон: «История науки — это история искаженного видения». Ещё недавно церковь сжигала на кострах за то, за что теперь в школах ставят пятёрки.

То же самое касается и сознания. Трансперсональные исследования многих и многих ищущих, среди которых - Джон Лилли (нейрофизиолог), Станислав Гроф (психиатр), позволили по-новому взглянуть на сознание вообще и сознание человека, в частности. Холотропное дыхание, разработанное Станиславом и Кристиной Гроф, расширяет сферу «дозволенного» и «нормы», позволяя заглянуть за завесу бессознательного и соприкоснуться со сверхсознанием. Позволяя также избавиться от многих психологических проблем современного человека и по-новому взглянуть на тысячелетний шаманский опыт соприкосновения со сверхсознанием и иной реальностью.

Ещё недавно тех же шаманов объявляли шизофрениками. «Шаманы с их опытом столь необычных переживаний всегда притягивали к себе интересующихся психиатрическими явлениями. Так, например, для Богораза сибирские шаманы чукчей истеричны и напоминают своими изощренными обманными уловками душевнобольного; кроме того, они до крайности возбудимы и полубезумны. Многие (однако не все) тунгусские шаманы кажутся Широкогорову безумными, а Крадер уверяет, что шаманы бурятгов страдают от нервных расстройств. По Вилькину, истоки индонезийского шаманства следует

искать в душевной болезни. Лозб представляет шаманов племени ньюи эпилептиками и страдающими нервными расстройствами. Поль Раден (Paul Radin) сравнивает эпилептика и истерика, с одной стороны, и шамана, с другой. Для Жоржа Деверу шаман также невротик и психотик. Деверу замечает, что в обществе безумных безумец считается нормальным, и наоборот. В соответствии с этим следовало бы утверждать, что шаман воспринимался бы как здоровый лишь в таком обществе, где отсутствуют законы. Однако удивительно, что в другом месте, он описывает шаманов индейского племени Мохаве как совершенно нормальных людей, а для психиатра Зильвермана шаман однозначно является шизофреником, который адаптировался в обществе и принят им». Цитата из книги Хольгера Кальвайта «Шаманы, целители, знахари».

Сейчас же шаманизмом занимаются со всей серьезностью ученые различных направлений в науке. Сейчас это называют «новые грани сознания», но не так давно их закалывали в клиниках для душевнобольных, или, что было чуть раньше, они поголовно гибли в лагерях, где своё последнее пристанище нашли многие из поэтов, музыкантов, художников и просто образованнейших людей двадцатого века. Общество с лихостью избавляется от «не нормы».

Нам всем не мешало бы стать хоть немного «не нормой», снять шоры с глаз и посмотреть на мир без мрачных средневековых предрассудков и ограничений.

ГЕЙМ-КЛОН или ПИОНЕР?

*«Совершенные средства
при неясных целях –
характерный признак
нашего времени»
А. Эйнштейн*

Индивидуум - это абстракция, идеальное представление об изолированном человеке, которое сложилось при возникновении современного общества. Человек возникает и существует только во взаимодействии с другими людьми и под их влиянием. Ребенок, воспитанный дикими животными (такие случаи известны и изучены), не становится красавцем Маугли. Он - не человек и выжить не может. Не становится полноценным человеком даже ребенок, изолированный матерью от других людей. И такие случаи нам тоже известны, думаю, нет смысла их рассматривать.

«Пока родители не займутся воспитанием своих детей...» - читаю в одном из еженедельников слова человека при погонах. А кто это – родители?! Не все ли мы?! Правомерно ли прикидываться «не родителем» и, тем самым, перекладывать ответственность за существующие проблемы на иллюзорных родителей?! На них... Где-то там... среднестатистических... Но много ли могут сделать родители для своих детей при существующих реалиях?! Без помощи общества и государства мы так и будем топтаться на одном и том же месте, всякий раз наступая на те же грабли. Человек - существо социальное и общественное (стадное). И как говорил Аристотель, только боги и звери могут жить вне общества. Программа поведения, заложенная в нас биологически, недостаточна для того, чтобы мы были людьми. Она дополняется программой, записанной в знаках культуры. И эта программа - коллективное произведение. И значит, наше поведение всегда находится под воздействием других людей.

Знания можно приобрести, умение выработать... Но понятия - это та база, на которую ложится вся субкультура человека. Мы и на маленькой фотографии сразу узнаем людей и даже представляем их образ. А дикарь в джунглях, когда ему показывают фотографию даже знакомых предметов и людей, смотрит на нее совершенно равнодушно и ничего не видит - он не обучен воспринимать эти образы.

Но и в рамках одной большой культуры истолкование слов и поступков людей иного круга, иного сословия (другой субкультуры) - непростая задача. Чехов в одном из рассказов описывает семью молодых восторженных интеллигентов, решивших жить и работать в деревне, на благо народа. Но крестьяне их стали сильно огорчать - то сад обчистят, то что-то украдут со двора. И молодая жена, встретив как-то старика-крестьянина, сказала ему в сердцах: «Мы вас раньше любили, а теперь будем презирать». Старик в волнении прибежал к своей старухе: «Слышишь, молодая-то барыня говорит: мы вас презирать будем! Оно бы не плохо на старости лет. Дай ей Бог здоровья, такая добрая барыня».

Крестьянина и интеллигента, солдата и продавца картошки на базаре можно обучить высшей математике, астрономии или химии... Но они так же не будут допонимать друг друга, как не допонимают и сейчас. Каждый из них воспитан «своей» средой, иной субкультурой. И для каждого из них слово «стол» будет восприниматься по-разному - для одного это сколоченный из досок стол, где-нибудь в сторожке, для другого - стол, сервированный серебром... И непонимание, закрадывающееся на этом элементарном уровне, дальше будет множиться катастрофически. И только общие, привитые, этико-эстетические понятия и нормы сблизят столь разные среды.

Первыми экспериментаторами современности, прививавшими единые понятия, бесспорно, были коммунисты (ЛЕНИНЦЫ) - октябрята, пионеры, комсомольцы... Взрослых не переделать, но детей можно воспитать как

людей одних понятий и одного круга! Такое привитое воспитание въедается на рефлекторном уровне.

Забавно, но почему-то считается, что для поддержания порядка в государстве и обществе, необходимо приумножать состав блюстителей порядка, но возле каждого нарушителя общественного порядка не поставишь по полицейскому. Куда проще сформулировать цель и задачу для подрастающих поколений. Привить единые этико-эстетические нормы, рассчитав воспитательную программу на 3-5 поколений и создав образовательные центры, где школьники будут проводить столько же времени, сколько их родители на работе. И тогда улицы будут чисты от разного хлама и плевков под ногами, и тогда дети не будут привязывать к кошачьим хвостам консервные банки и забивать битами или ногами бомжей и припозднившихся прохожих. И тогда не будет масштабного конфликта между нечистоплотным, по методам создания денег, бизнесменом и экологом, пекущимся о благе природы, а значит, и народа, и страны. Так как они будут говорить на языке единых этико-эстетических понятий. При том, что ещё и экономия ресурсов... А ресурсы, как известно не безграничны, и их надлежит блюсти.

Ничего выдумывать не надо – уже придумано и испытанно! Придумано (а точнее сведено воедино, как таблица Менделеева) Антонио Грамши. Испытанно Западом - при использовании рекламы и предвыборных технологий, и прочее и прочее...

Антонио Грамши, основатель и теоретик Итальянской коммунистической партии, депутат парламента, был арестован фашистами в 1926 г., заключен в тюрьму, освобожден совершенно больным по амнистии 1934 г. и умер в 1937 г. В начале 1929 г. ему разрешили в тюрьме писать, и он начал свой огромный труд «Тюремные тетради». Опубликован он был впервые в Италии в 1948-1951

гг., в 1975 г. вышло четырех-том-ное научно-критическое издание с комментариями. С тех пор переиздания на всех языках, кроме русского, следуют одно за другим, а исследовательская литература, посвященная этому труду, насчитывает тысячи и тысячи книг и статей. На русском языке вышла примерно четверть «Тюремных тетрадей», а с начала 70-х годов, по свидетельству аналитиков, когда на всех парах пошла скрытая подготовка к перестройке, на имя Грамши идеологи КПСС наложили полный запрет. Поводом, и совершенно надуманным, для изъятия Грамши из оборота служили его якобы глубокие расхождения с Лениным. На деле причина, видимо, в том, что учение Грамши было положено в основу всей грандиозной кампании по манипуляции сознанием населения СССР для проведения «революции сверху». Теорией, созданной коммунистом, эффективно воспользовались враги коммунизма, и Грамши в этом не виноват!

Экспериментально доказано: улучшение жизни – то, ради чего существует разум. Смысл жизни – в улучшении самой жизни. Это так просто! Все идеалы и ценности – любовь, красота, самосовершенствование, познание, впечатления, нравственность, альтруизм, образованность, вера, самоотречение – это только средства. Ваши способы улучшить вашу жизнь. Другого смысла у идеалов нет. Нельзя улучшить чью-то жизнь, не улучшив свою. Если счастья не прибавляется – зачем нужны такие идеалы? Так вот, улучшать нашу жизнь может только то, что мы можем использовать. Поэтому любой детёныш, только появившись на свет, сразу начинает учиться. Он осваивает всё, от чего зависит выживание. Главное – управлять поведением мамы, папы и, по возможности, остальных. Потом – управлять своим телом. Общаться, играть, есть ложкой, наблюдать, читать и считать, играть по правилам, строить отношения, кататься на велосипеде, ловить рыбу, играть на гитаре, шить куртки, писать книги, и прочее, и прочее...

Гейм-клон или пионер - что лучше? Думаю, ответ бесспорен... Где эти добрые, заботливые гайдаровские ребята? И дрова наколют, и воды принесут...

Базисный мотив всего живого: ЧТОБЫ УЛУЧШАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ, УМЕЙ УПРАВЛЯТЬ СВОЕЙ СРЕДОЙ. А какой средой управляют наши дети, будущие вершители судеб?! Геймерской! Виртуальной! Причём во многом очень агрессивной средой, обучающей жестокости и насилию... Я был в ужасе, когда увидел, во что играет мой пятилетний (тогда!) сын: «Vice City», где, если тебе нужны деньги, можно «отпинать» прохожих, чтобы получить их. Вообще же спектр воздействия этой игры широк: от выкидывания водителя из понравившейся тебе машины и «забивания» прохожих ногами и руками до элементарной стрельбы и до совсем уж кровожадного инструмента - ножа для разделки мяса и... кровь, кровь...

Нам не нужна ещё цензура? Мы не хотим управлять своей средой? Тогда будьте готовы к расправе, если, конечно, не хотите учиться у истории. Римская империя пала от чего? А Великое Китайское государство? А? От варваров! От дикой и враждебной культуры! А мы её порождаем в себе. Я утрирую?! Да оглянитесь вокруг! Возрождённый «куклусклан» на российской земле, «скинхеды» и просто «отморозки», забивающие людей, потому что им скучно. А не столь давние беспорядки во Франции с поджогами авто? Вы можете представить себе, чтобы люди, считающие себя гражданами государства, вредили таким же гражданам и государству в целом?! Это новая эгоистичная и потому враждебная культура. Новая потому, что это синтез дикости, из которой они пришли, и благ цивилизации, для которых ничего не надо делать! Во Франции, Англии, США целые районы паразитируют на государственных пособиях и гуманитарной деятельности частных лиц. Мы не хотим учиться, мы не хотим работать – мы хотим играть, щёлкая по кнопкам джойстика! Помогать нужно, но воспитывать паразита...

Только немногих беспокоит будущее – большую часть народа беспокоит настоящее, но оно уже есть и, тем самым, неотвратимо. А вот будущее – это развилка дороги: пойдёшь налево, пойдёшь направо...

Это мимо меня и кого-то из вас пробегала как-то толпа подростков 12-14 лет с палками и имитациями бит. И немалая толпа – 30-50 человек. Инстинкт беспринципного хищника, как джинн, выпущен наружу... Этот джинн, конечно, живёт в каждом из нас, но на то и сообщество людей, чтобы существовать сообща, – по правилам цивилизации, а не по правилам «кучки диких и необузданных субъектов». И хоть мне и не хочется обижать геймеров, но именно многочасовые игры с множественными сценами насилия въедаются в подсознание. Особенно детское! Представители правоохранительных органов подтвердят, что именно детская преступность, особенно сейчас, поражает своею жестокостью. Потенциал детской энергии высок, и если его не направлять в правильном направлении, то это – стихия, вода, прорвавшая дамбу и сметающая всё в округе. Конечно, лучше быть предусмотрительным, но если это невозможно, то надо хотя бы учиться на ошибках прошлых поколений.

В советские времена не случайно стали заниматься детской беспризорностью – была осознанность значимости входящих в новый мир, а что они могли в него внести кроме разрухи в собственных душах и осознания жизни без правил: каждый сам за себя?! Ведь большая часть беспризорников 20-30 годов и вошла в банды, заполонившие страну к 40-м годам. А наши современные дети, выросшие или начавшие осознавать себя в конце 80-х и начале 90-х годов? Разве не они пополняют криминальные сводки?

Возможно те, что пробегали мимо, вообще не играют в игры. Но тогда в них, по-видимому, играют те, кто должен их воспитывать. Не хочу сказать, что компьютерные игры не нужны, но... кто-то должен смотреть за тем, что

поступает на потребительский рынок и чем заняты подрастающие поколения. Представьте, что с полос газет и с экрана телевизора несётся тупая, безграмотная, цинично-хамская речь... Ужасно?! Но на то и есть редактор, который не допустит подобного и тем самым защитит нас. Но кто защищает наших детей пока мы, в трудах своих, зарабатываем на пропитание?! А разве книги, выходящие из скороспелоработающих изданий, не блещут той же тупостью, безграмотностью и цинично-хамской фразеологией? Причём, что самое страшное, детские тоже. Живы в памяти учебники, написанные для детей совсем недавно... Их писали «хапуги», которым хоть потоп, хоть трава не расти.

Живи сегодняшним днём, но думай - о завтрашнем!

НАСТУПИЛИ НОВЫЕ ВРЕМЕНА. ВЕСНА

миниатюра

Наконец-то и к нам после зимней отлучки постучалась весна...

В одно из ещё хмурых утр заплакали сосульки, оплакивая уход зимы. Снежный ковёр посерел и потерял свою пышность. По веткам деревьев запрыгали чирикающие птицы – уже не нахохлившиеся и ленивые, а изящные и юркие...

Наступили новые времена. Солнце за облачной драпировкой пробивает себе прогалины, разводя лучами пушистые облачные ткани, солнечными пятнами ложась на снег, деревья и дома. Ожили будто вымершие до этого улицы – люди подают голоса, радостно друг друга приветствуя, ища себе занятия вне своих поднадоевших за

зиму домов. Деловито ходят по своим дворам, поправляя деревенское нехитрое хозяйство. Поглядывают на солнечные пятна, выхватывающие из сумрачной реальности зимы, жёлтой раскраской, детали домов и заборов... Вдыхают полной грудью воздух весны, ещё февральский, но уже не зимний.

Но люди - не первые, встретившие этот солнечный день – у заборов расположились в ряд собаки, на заборах и крышах сидят разномастные кошки. В курятниках у ограждений выстроилось многочисленное куриное семейство, подставляя бока солнцу, стоят молча, без обычных склок. Все ленивы и дружелюбны. Даже серые вороны, рассеявшиеся на столбах, мачтах антенн и ветвях деревьев, сидят мирно, без своего назойливого «кар-р» ...

Наступили новые времена – весенняя капель мерно, как дождь, выстукивает ритм. Ритм идущей к нам весны. Она уже у порога наших домов и каплями оттепели стучится в двери и наши души, также уставшие быть хмурыми, также вдыхающими весенний воздух и просыпающимися для любви, забытой или потерянной в зимние морозы...

Содержание

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ ИГОРЯ БРАТЧЕНКО	4
ПАРУС НАДЕЖДЫ.....	6

повести:

БРЕЗЕНТОВЫЙ ПАРУС,

или Каникулы в Астрахани

Из Шевченко в Астрахань	8
Нежданный гость	12
Пляж.....	16
Русский казах.....	19
Бросок через бедро.....	21
Вниз по Волге, туда, где лотосы цветут	24
Внучок приехал	28
Пашкино.....	36
Брезентовый парус и утонувший самовар.....	45

ПАПА В ПОДАРОК

Новогодние пожелания детей.....	62
Базз Лайтер	65
Программист	70
Ужин у родителей.....	73
Новогодняя ёлка.....	87
Папа приехал.....	94
Новогодний ужин. Танец феи Драже.....	101
Прогулка к морю	107
Время чудес истекло.....	113

МЕТАМОРФОЗЫ СОЗНАНИЯ	118
Влада	121
Колонны.....	126
Ян Соболев	132
Устами младенца говорит истина	136
Влада и Ян.....	146
Арест Виктора	150
Дамоклов меч	157
Побег Виктора	167
Хорошие новости.....	178

рассказы и публицистика:

ВОЗВРАЩЕНЕЦ	187
СТАРИК	197
ГАРАЖ	204
ГОЛОС ВЕТРА	209
МАЛЬЧИК, КОТЁНОК И НОЧЬ.....	217
ЦВЕТОК ЗАБВЕНИЯ	225
ПОСЛЕДНИЙ ШТОРМ	236
ШУТНИКИ	248
НЕВЕДОМОЕ БЫЛО ВЕЗДЕ	253
ЕЩЁ ОДИН ДЕНЬ	256
ЛИЛОВЫЕ СУМЕРКИ	258
НАТАША	261
ТАНЕЦ С ТЕНЬЮ	280
ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ,.....	286
ГЕЙМ-КЛОН или ПИОНЕР?.....	293
НАСТУПИЛИ НОВЫЕ ВРЕМЕНА. ВЕСНА.....	299

Братченко Игорь Викторович
Брезентовый парус или каникулы в Астрахани
проза

Художник:
Шлыгков Олег. В.